А. Черняев

Проект.

Советская политика 1972-1991 гг.- взгляд изнутри

1987 год.

1987 год.

10 января 87 г.

С 19 по 8 января отпуск - в доме отдыха «Русь» под Рузой. Лыжи, теннис. Но скука. Хотел даже смотаться. Но остался и в общем – не пожалел.

Много читал: газеты, журналы, мог следить за «ходом мысли» теперешней прессы. Явление, действительно, грандиозное. М.С. вслед за Лениным понял, что свою революцию он тоже должен начинать с «Искры». Полная автономия печати. И люди действительно пишут, что думают, никого не боясь и ни на кого не оглядываясь… в меру своего писательского и журналистского дара. Кстати, и талантов журналистских появилась уйма: как грибы после благотворного дождя. Откуда что взялось!..

А в литературе, кино, театре – шквал… Между прочим, как раз сейчас с первых номеров журналов нового года – обозначился поворот. Да, пороки, провалы, безобразия названы, их каждый день в газетах сколько угодно. А что же делать большой литературе, которая ранее лишь робко пыталась называть в самых смелых своих вещах все это. Теперь все обозначено. Испытание правдой прошло в истекшем году: «Печальный детектив» Астафьева, «Пожар» Распутина, «Плаха» Айтматова, «Костер» Быкова, «Все впереди» Белова… И т.д. Что теперь должна делать большая литература, кино, театр?

И в обзорах года отчетливо видна мысль: идти вглубь и показать, кто виноват, в чем истинная причина 60-70- начала 80-тых годов?

Об этом пишут прямо. К этому зовут критики, публицисты. Никто против этого не возражает. Значит, будет по Горбачеву, о чем он говорит пока в узком кругу: «Завалили социализм, ничего от него не осталось»…

На предстоящем Пленуме, где он сделает четырехчасовой доклад, видимо, он поставит много точек над «i». Намекают, что не только события в Казахстане, но и националистические вспышки на Украине будут «присутствовать», т.е. судьба Щербицкого.

А пока: Г.Л. Смирнов сделан директором ИМЭЛ (вместо Егорова)… Не то, хоть он и порядочный человек, но ни сил, ни новизны ума и знаний у него не хватает, чтобы сделать из этого заведения теоретический центр. Но – друг Яковлева. Он его «сделал» помощником М.С., он его и устроил на «тепленькое» местечко, а оно - горящее!

Ректором МЛШ делают Рахманина. Понятно, что при нынешней политике в отношении социалистических стран и Китая его давно надо было убрать. Но – не в

Международную же (ленинскую) школу – к коммунистам! Будто Загладин (и, с его слов, Добрынин) возражали, но Лигачев им разъяснил: надо куда-то человека поставить, пока он член ЦК. Etc. Вот так. Это к вопросу о «кадровой политике».

Международный отдел недоволен Добрыниным. Будто «оскорбительно» он поздравлял с Новым годом. Словом, ни Отдел не может к нему приспособиться, ни он к Отделу адаптироваться. Не сварят они каши вместе, наверно.

18 января 87 г.

В субботу работал. М.С. вернулся из Завидово с докладом для Пленума. Я прочел. Читал и подборку писем по теме Пленума – кадровая политика.

Позвонил мне М.С. Спрашивал: как, мол, доклад? Я сказал: это сильнее и значительнее XXII съезда. «Я тоже так считаю», - сказал Горбачев.

(Спросил, что я делаю на даче, поговорили о лыжах). «А ты умеешь?» Южный человек – для него надо «уметь» кататься на лыжах.

Потом сообщил свои мысли к предстоящей встрече с американцами (Киссинджер и К^{о}) и к выступлению на форуме по гуманитарным вопросам (в середине февраля) – хочет, чтоб была оформлена наша концепция «по правам человека».

Читаю «Зубра» Д. Гранина.

6 июня 87 г.

Преступление я совершаю, что забросил дневник. Несколько раз уже клялся здесь, что он должен быть почти целиком – о Горбачеве. Великое время он надвинул на страну. И сам растет, становясь, действительно, необычайной фигурой во всей российской истории. Но хватит ли у меня умения (способности) отображать это надлежащим образом? Хотя бы фиксировать канву? Никто же это не делает.

Вот затеяли (по моему настоянию – в ответ на предложения двух американских издательств «Хартер энд Роу» и «Саймон энд Шустер») книгу Горбачева. Яковлев и Добрынин хотели откликнуться очередным сборником его речей. Я предложил составить книгу из записей бесед М.С. с иностранцами и моих блокнотных записей того, что он говорит на ПБ, в узком кругу в моем присутствии. Ему понравилось. Полтора месяца мы (я, Шишлин, Амбарцумов, Вебер, Козлов) просидели на даче Горького и составили такой том – из его живой и смелой речи, систематизировав по темам. Куски он читал. Увлекся. Но есть, видно, и опасения: как отнесутся коллеги? Ведь это – не коллегиально (пусть его

мысли) представленные идеи и слова. Это – его собственная идеология и стилистика перестройки. Здесь видна его личность, характер, стиль, черты, его затаенные намерения, его готовность, действительно, идти далеко, - он сам не знает еще, как и куда далеко. Но «ощущает», что это будет (и должен быть) совсем не тот социализм, который насаждался 60 лет и вошел в генотип общества.

На днях М.С. мне сказал, что «вернемся» еще к этому и чтоб я дал почитать Фролову. (Он в него уверовал и демонстрирует приязнь и уважение… Но, по-моему, переоценивает его возможности. Хотя подкупает в нем – непримиримый антибрежневизм).

Не в состоянии я теперь писать подробно, что было за эти месяцы . Но хотя бы обозначительно…

29 мая. Поздний вечер. Внуково-2. Горбачев здоровается. Улыбается. Глаза яростные. Закрылся с членами ПБ, с секретарями ЦК в «спецкомнате». Потом секретари и кандидаты вышли. Еще полчаса только с членами. Вышел насмешливо-грозный. Буркнул нам, помощникам: завтра в 11 на Политбюро.

30 мая на ПБ сняли Колдунова и Соколова (за самолет из ФРГ с Рустом у Спасской башни).

Я в это время сидел у себя и писал ему записку – о стыде и позоре, о том, что в этих случаях военные министры в «буржуазных демократиях» подают в отставку и что нужна очередная, четвертая со времен Петра I коренная «военная реформа».

Вечером: по телефону с дачи рассказывает, как было дело на ПБ. Начал он с того, что в таких случаях полагалось бы всему Правительству и Совету Обороны во главе с его председателем подавать в отставку. Ну, ничего… Опозорили страну, унизили народ… Но пусть все – и у нас, и на Западе знают, где у нас власть – в политическом руководстве, в Политбюро. Теперь уже умолкнут кликуши насчет того, что военные в оппозиции к Горбачеву, что они вот-вот его скинут, что он на них только и оглядывается. Говорил мне все это яростно и долго, с паузами. Видно было – хотел разрядиться.

2 июня – встреча с Движением врачей (московский конгресс, Лаун и К^{о}). Обаял всех опять. И новые грани мыслей в его экспромтах. Увлеченно рассказывал, как с Яковлевым о беседе с главными на этом конгрессе, об оценках, какие они ему «лично» давали.

Мне (в ответ на мой вопрос): ты, не очень это… в печать… о беседе… Все захохотали. Яковлев откомментировал: абсолютно, говорит, типичные указания ты получил. И сам М.С. хохочет.

Через день после ПБ, когда он внезапно назначил прием Тивари (от Ганди), сидели с Добрыниным у него вдвоем, ожидая этого Тивари. Ты, обратился он к Добрынину расскажи Анатолию, что говорил австралийский врач обо мне по поводу моей встречи с Лауном и К^{o} … Врач сделал удивительное наблюдение… «Я, говорит (это он и на пресс-конференции сказал), наблюдал Горбачева во время беседы как «врач пациента».

Пока Добрынин рассказывал, я наблюдал за М.С… В нем ни тени тщеславия, будто это не о нем… Он уже мыслит себя, как орудие Перестройки… во всяком случае, когда читает в западной печати комплименты в свой адрес.

4-го июня – ПБ. Определил - дату Пленума. Сказал, что скоро отключится, чтоб подготовиться. Только вот в понедельник проведет совещание. Что-то придумал опять. Пригласил академиков, каких-то партработников. Не знаю даже о чем.

Вечером зашел Яковлев. Принес листовку, которую черносотенцы из «Памяти» распространяют по Москве. Называется: «Остановить Яковлева!», который представлен как глава сионизма-массонства, как главная угроза всем русским святыням. Долго ходил передо мной. Я его уговаривал «плевать» и не выказывать перед М.С., что нервничает. А тот, оказывается, уже отреагировал (ему): Ты, говорит, что? Думаешь это против тебя (Яковлева)? Нет. Это – против меня (Горбачева). И он прав.

Яковлев чуть ли не со слезами говорил, как ему тяжело. Ведь эта мразь имеет прямую поддержку у Лигачева, Воротникова. Подозревает, что листовка – не без содействия Чебрикова. Мне это показалось невероятным. Я, говорит, русский мужик, ярославский крестьянин, но мне биологически отвратителен… меня тошнит от антисемитизма, от всякого национализма. Это, если не говорить о государственном интересе, - возбудить сейчас русский шовинизм, это значит вызвать такую волну с окраин, такой национализм, что вся наша «империя» затрещит.

Вчера послал М.С. письмо Аскольдова (режиссер фильма «Комиссар») и письмо троих: Борщаговского, Штейна и Зорина – с просьбой вступиться. Яковлев, которому Аскольдов писал, оказался не в состоянии преодолеть МК и КПК. Я решил включить Горбачева, соблазнил тем, что фильм стоит посмотреть. Сильный. И актеры какие! А гноят автора «из предубеждений» (антисемитизма) и чести мундира. Плюс безразличие. За этим стоит Лигачев, который посмотрел и сказал: «Не допущу». Впрочем, он и в отношении «Детей Арбата» говорил, что не допустит в печать. А роман печатается. Он был против того, чтобы «Покаяние» отправить в Канны. А фильм поехал и получил приз.

Сочинил я «рамку» международного раздела к 70-летию Октября. Он отдал Фролову (ему М.С. поручил вести эту тему). Пока лишь «отрицание» сталинизма в нашей международной истории. Пройдет ли?.. Надо еще работать.

Шмелев «Авансы и долги» в «Новом мире» – вскрывает суть того, что мы сделали со страной и что, действительно, надо идти далеко. Ортодоксы уже сделали стойку. В «предбаннике» ПБ. Подхожу к Фролову и Афанасьеву. Разговор о статье… Выражаю восторг. Потом мне Иван говорит, что ты, мол, шокировал главного редактора «Правды»: такая оценка, а я, мол, (Афанасьев) другое слышал. Куда бедному крестьянину податься?.. Думаю, и статья Шмелева Лигачеву-Воротникову не понравится.

М.С.'а я спросил: читали? Нет еще, но Фролов положил мне ее на стол.

Он же, Шмелев, - автор милой и глубокой повести «Пашков дом» – будто про мои 50-ые годы, университет, ленинка…

Паскудная статья в «Правде» «Историзм мышления»…- формирует методы борьбы ортодоксов против перестройки.

А Волкогонов (зам. Лазичева – начальника Политуправления Советской Армии) – пишет записки Фролову: против пацифизма в «новом мышлении».

12 июня 87 г.

О «Памяти». На ПБ обсуждалась записка, которую Горбачев поручил подготовить Лигачеву, Чебрикову, Яковлеву. И здесь он поднялся над всеми ними. Причем, не хотел расширять дискуссию. Но ее умно затеял Рыжков, включились Долгих, Шеварнадзе, Лигачев, Воротников, а Громыко воспользовался, чтоб приложить телепередачу Бурлацкого («Из одного кабинета»). М.С. в связи с этим дал целую концепцию процесса гласности и оценку того, что мы имеем вот сейчас с нею. Я сделал записи, послал ему. И себе оставил копию.

Статья Шмелева. Арбатов все звонит, боится, как бы ему за нее не влетело. Там – логика дегтя: оправдание необходимости безработицы. Политик не может это принять, если он хочет, чтоб масса у нас поддержала перестройку.

И о Залыгине (редактор «Нового мира») поэтому сказал: уважаю, но, если Сергей Павлович хочет нам предложить капитализм вместо социализма, то не нужен нам такой редактор. Однако, возразил против – чтобы снимать редакторов. Напомнил о предложении Анатолия Иванова на встрече с писателями (надо бы новое Постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград»). Не тот, мол, сигнал мы подадим.

А когда Лигачев посетовал, что он уже 4 раза беседовал с Залыгиным и хочется что-то сделать, чтоб не понадобилось – в пятый раз, М.С. смеясь сказал: «А помните, как китайцы – 391-ое серьезное предупреждение»…

Гнусный выпад Громыко против Бурлацкого. В старом стиле, как это он делал, будучи председателем комиссии ПБ по внешнеполитической пропаганде, во времена Черненко. Стоило ему бывало назвать фамилию автора или обозревателя, и тот исчезал со страниц журналов и с экрана. На этот раз никто не отреагировал, кроме Шеварнадзе, который очень эмоционально «врезал» этому маразматику, прямо взяв под защиту Бурлацкого и осудив сам громыкинский подход, саму такую методу «критики».

Сегодня я написал М.С. свои «впечатления» от этой выходки Громыко. И, полагая, что М.С. сам не видел передачи, - изложил ему, как на самом деле, а не как врал Громыко. Впрочем, М.С. его глубоко презирает. Его глупые «инициативы» по международным вопросам все прямее заваливает, а то и игнорирует, - будто ничего и не говорил Громыко. Тот сидит, краснеет, а потом … опять «возникает».

Написал обе части международного раздела предтезисов для 70-летия Октября. Говорил с Фроловым. Ему понравилось и он отдал своим двум «мальчикам» (Лацис и еще один), которые оформляют его «деятельность» в этой сфере. Он настораживает меня. Понося нескромность и тщеславие Бовина, Загладина, Арбатова, Бурлацкого, тщеславится

своей скромностью. Он не интеллигент по сути своей, хотя и член-корреспондент, гуманитарий. И поэтому я не верю в его порядочность. Открыт с ним. Не таю своих оценок… Но Карякин, который был его закадычным другом, предупреждает меня: это – профессиональный предатель. Не верю я ему и потому, что он до сих пор почитает Демичева, считает его прогрессистом. В то время как невооруженным глазом всем видно, что это подонок и ничтожество, был и есть.

Позвал сегодня Галкина. Попросил его посмотреть мои «тезисы» и «оформить» их, если он в принципе согласен с концепцией.

М.С. уединился с Яковлевым в Волынском-2. Готовят доклад к Пленуму, который по значению приравнивается к 1921 и 1929 году…

14 июня 87 г.

Был в ЦК лишь 6 часов.

М.С. явно прочел мое предложение встретиться с Рустом (чтоб сказать ему: «Что ж ты, сопляк, наделал?»)… Ибо переслал письмо его родителей по ПБ. Но мне не позвонил – ни об этом, ни о чем другом, в том числе по поводу намека, что его «Книге», которую затеяли, нужен обещанный им импульс.

Кажется, его сбил Квицинский (посол в ФРГ), который поднял шум по поводу Рейгана у «стены» и заварушки ГДР'овской молодежи из-за рока на той стороне Брандербургских ворот. М.С. подвержен иногда мгновенным эмоциям (по частным случаям), но на линии это не сказывается. Он обуздывает себя… потом признается, что эмоции – не для политики. Иногда и меня осаживал, когда я предлагал огрызнуться на что-то с Запада.

В трех номерах «Огонька» - заключительные главы Эренбурга («Люди, годы, жизнь»). Описывает хрущевские годы. И какими же идиотами выглядим мы все – наше общество, закомплексованное на догмах, страхах, подозрительности, ненависти. Страшное политическое безкультурье при уникальном духовном богатстве внутри почти каждого причастного к интеллигентской среде. Да… здорово Сталин и сталинизм поломали наш народ. Но то, что он оставался здоровым и свободным «внутри», в тайниках своей духовности и душевности, показывает происходящее сейчас: стоило дать отдушину – гласность, как прорвалось все наружу. И остановить теперь можно, пожалуй, только рецессиями.

Но я уже записал: на ПБ при обсуждении «Памяти» никто не предложил зажимать… Даже оговаривались специально (Рыжков, Лигачев), что ни в коем случае они

не за это, хотя как с главарями «Памяти», так и «Шмелевыми», которые предлагают безработицу, «надо что-то делать». Но упаси Бога не так, чтобы сорвать, остановить, пресечь демократию и гласность М.С. подвел этому итог так: пока другие механизмы перестройки еще не налажены и не работают, одна только гласность поддерживает процесс.

Каждодневно имея дело с западной информацией, видишь, какой огромный переворот в мозгах во всем мире вызвал Горбачев. Собственно, уже положил начало новой эпохе в международных отношениях. И те, кто не хочет нового мышления и боится его, вынуждены de-facto участвовать в игре на этой платформе «Семерка» в Венеции и реакция на нее в мире – очень убедительно показывают это. И опросы общественного мнения по всей Западной Европе: Горбачев превзошел Рейгана в качестве «властителя» политической атмосферы в мире.

Был в музее изобразительных искусств на русско-французской выставке. Как же некрасивы были наши графья, князья и их дочери и супруги. Кроме Шуваловых – лица с «нерусским выраженьем». Поделки из серебра, золота с бриллиантами: совсем другая жизнь, если в такое вкладывалось столько труда, терпенья, дарования, времени и денег! А сейчас это вызывает у нормального человека единственный вопрос – зачем? И еще – обратил внимание на платья и камзолы времен Петра и Екатерины (в том числе ее собственные платья) – какой мелкий народ был два века назад! В Екатеринино платье, а она считалась крупной женщиной, не влезет мало мальски средняя современная женщина, даже девушка, а то и девчонка. Впрочем, на улицах и в толпе очень мало красивых женщин.

Читал Пушкина. То и дело натыкаешься на стихи, превращенные потом в романсы, которые бывает дают по радио. И плеваться хочется. Я бы запретил. Поздно: Чайковский и Глинка начали опошление, вульгаризацию Пушкина. И продолжается это до сих пор. И восторгаются: мол, вдохновил того-то и того-то… А на самом деле - следствие прикосновения к гению посредственности или чего-то инородного.

15 июня 87 г.

Звонит Горбачев: Жив, Анатолий Сергеич?

- Как с подготовкой женского конгресса? Там, знаешь, надо побольше чувств. На нашу политику в этой аудитории через чувства выходить можно. Иначе нельзя. Энгельс – помнишь? – Говорил: «женщина – это другая цивилизация». Вот из этого исходить.

- Я в ответ: Да, Энгельс разбирался в этой тематике.
- Смеется: Ну, что ж, за неимением собственного опыта будем опираться на классика.
- Я: Скромничаете, Михаил Сергеевич.
- Он: Ну, ладно. Ты меня понял. Надо - и о Венеции, Рейкъявике, Западном Берлине. Мир сдвинулся. Общественность чувствует реальности и увлечена нашей политикой. Помнишь, Яковлев и др. возражали, чтобы у нас напечатали результаты опросов в Западной Европе – о том, что Горбачев превосходит Рейгана по симпатиям и что он больше сделал для мира. – Боятся – не культ ли будем культивировать.
- А что? – возразил я.
- Никакого культа не вижу тут.
- Я: Я тоже не вижу. И вообще, Михаил Сергеевич, народ правильно воспринимает. Ассоциаций с прошлым нет, несмотря на то, что вы - в каждой газете. Тут – авторитет по делу. Помните, у Пушкина? - «Он на троне был работник» (Хохочет).
- М.С.: Так вот, мы видим реальность и общественность их начинает видеть. И проводим реальную политику, а не балаганом занимаемся, дешевкой (это о Рейгане в Западном Берлине). Балаган же он устраивает, чтоб отыграть за Венецию, на которую их мир заставил пойти. Заодно и нас провоцируют, чтоб мы сорвались и помогли им вернуть «советское пугало». Если б я занимался, как Рейган, еженедельными интервью, сказал бы, что он за 8 лет никак не может освободиться от прежней профессии. Хорошо, что ты мне прислал записи моих речей на последнем ПБ. Только у тебя там неточность: это главари «Памяти» назвали XXYII съезд «сборищем подонков и проституток», а не я их «общество». Я их цитировал, ты не расслышал. Но ты прав: это – сборище подонков и проституток.

  А вообще разговор на ПБ получился крупный. И все хорошо выступили. Растем, совершенствуемся. Воспитываемся.
- Я: Это уж точно, Михаил Сергеевич, особенно, когда вы со слов западной пропаганды давали характеристики:

  Горбачев – вестеризатор, вроде Петра I;

  Лигачев – руссификатор (даже письмо по рукам ходит «от Лигачева»);

  Яковлев – массон, космополитов вокруг себя объединяет;

  Рыжков – тот вообще технократ и плевать ему на идеологию.

Все хохочут и Вы тоже, - со смехом, а на ус наматывают!

- М.С. хохочет в трубку: Вот так, Анатолий, даже такие экспромты приходится пускать. Ох, как трудно идет! То ли еще будет! Ну, ничего. Доклад (к Пленуму) сильный складывается. Тезисы – это только скелет, мясо – в докладе, да и костей туда подкладываю. Интервью со «Шпигелем» отложил. Не хочу я сейчас с немцами заигрывать, (имеет в виду Руста – летчика и шабаш в Берлине по поводу 750-летия города). Вот немножко наладим общегерманскую политику, тогда и объявлю им ее через «Шпигель». А в отношении Руста – ты не упрощай.
- Я: Я не упрощаю, но уверен, что даже, если объективно он был чьим-то орудием, лично не имел дурных намерений.
- М.С.: И все же не упрощай. Мы его запечатаем. Все по закону, как положено. Пусть попросят…

Были у меня сегодня Аксенов-младший «со товарищи» – создатели нео-марксизма-ленинизма. Говорил в основном Чернышов, самый молодой из них. Поразительная голова, феноменальная образованность и умение владеть мыслью и словом. Действительная одаренность, которая оказывается на обочине. Но уже и схематизм, приверженность к слишком строгой логике, которая отрывается от жизни.

Все «за», говорят они мне, 18 раз были у Бобкова, три раза у Медведева, столько-то раз обсуждали с Косолаповым, с Загладиным, с Шеварнадзе, Бессмертных и проч. влиятельными. И что. Все – за, а никто ничего не может.

Летом я навязал М.С. их сочинение. Тот прочел «с интересом». Поручил разобраться Медведеву и Яковлеву. Медведев, когда я пристал, отговорился: не буду я ими заниматься! Яковлев отнекивался занятостью.

Сейчас я им предложил: напишите статью для «Коммуниста». Только без эпатажа. Обязуюсь, что обсудят. И тогда придется всем начальникам решать: что делать с вашей «эврикой».

Долго они мне внушали величие их открытия. Я и так чувствую, что абстрактно они правы.

Пока на этом остановились.

Рассказал Ковалеву, что было на ПБ, похвалил его шефа (Шеварнадзе). Он мне сказал, что Бурлацкого в МИД хотят делать редактором «Международной жизни».

20 июня 87 г.

В 10 часов – вертушка: меня вызывает М.С. в Волынское-2. Через полчаса стараниями моего шофера я был там.

М.С., Яковлев, Медведев, Слюньков, Болдин – в холле обсуждают проект «Основных положений экономического развития», которые примет 26 июня Пленум.

М.С. сажает меня рядом, говорит: читай! Подвигает мне свой доклад, над которым он тут сидел дней 10.

Я углубился. Он то и дело спрашивает: «Ну, как?» Они спорят. Я прислушиваюсь. Заклинились на проблеме «контрольных цифр». М.С. вызывает в Волынское Рыжкова.

Спор разгорается. Премьер отстаивает побольше рычагов, чтоб командовать из центра. Медведев пытается убедить, что тогда ничего не получится с «новым механизмом» и экономической системой управления. М.С. то и дело ввязывается в спор, опровергает Рыжкова, но не хочет его обидеть. Не хочет, чтоб видно было, что он поддержал Медведева против премьера. В конце концов, смягчают формулу и соглашаются – оставить до ПБ, где все дополнения будут обсуждаться в преддверии Пленума ЦК.

Яковлев смехом бросает мне через стол реплику: Вот, Анатолий, как решаются судьбы страны. М.С. смеется.

Опять спрашивает: «Ну, как?»

Я: Говорю, что изучал эти мысли и их рождение по другим источникам (намекая на Книгу).

М.С. (смехом, язвительно): Значит, для тебя тут ничего нового?

Я: Зачем же? Тут все в системе и в законченном виде. Целая симфония перестройки.

Перешли к редактированию проекта Постановления Пленума. Принял несколько моих предложений. Сам он настолько виртуозно владеет материалом, что быстро находит оптимальные формулы.

К его речи на Женском конгрессе (23.06), (зачем он меня, собственно, и вызвал) я предложил свои добавки. Главная – об административной системе, которая сложилась в 30-ые годы и которая в тех условиях была, написано у него, единственно возможной. Получалось 100 % оправдание (историческое) этой сталинской системы. Он прислушался (Яковлев меня поддержал).. Сказал: потом, потом и отложил мою бумажку в сторону.

С женским текстом покончили быстро. Он ему понравился. Но заставил переделать «разоруженческую» тему: не захотел вступать в перепалку ни с «Венецией», ни с Рейганом в Западном Берлине.

Распрощались. Он стал собираться. Было уже 6 часов. Говорит: Замотали меня, я сейчас могу согласиться на любые вещи, которые вы тут подсунете.

Я уехал вслед за ним. Звонок в машину – из машины: «Слушай, а эту свою вставку ты им оставил?»

- Нет. Вы же не стали ею заниматься.
- Ладно уж. Давай – сейчас приедешь в ЦК, перепечатай и пошли.

5 июля 87 г.

Жизнь так плотна и так скоротечны дни, что, оказывается, прошло уже больше двух недель с прошлой записи.

И восстановить даже хронику, наверно, невозможно.

23 июня – М.С. выступил перед женщинами. Не очень, кажется, был доволен, как говорил (он, действительно, устал и подъема не было – особенно в первой «женской половине» текста, завелся, когда стал совестить Запад по РСД и ОТР… Очень ему понравилась идея: «слово и дело» – наша и их программа. Это и обратило на себя внимание западной прессы).

Потом мне говорит: взволновало меня, как принимали. Понимаешь, со всего мира, черные, желтые и проч. заморочены антисоветским мусором. Что они о нас знают? А как приветствовали меня… потом…. эти дети… американка их вывела. Ты знаешь, я не чувствительный, но тут чуть не прослезился… видел? (Да, видел, все видели, как он отвернулся от TV и вынул платок). И ладно бы только: «Горбачев, Горбачев, Горбачев!!» Кричат: Раиса! Что она им? Вот ведь, Анатолий, политический фактор получается. Только наш обыватель никак не может примириться, … да и не только обыватель.

Я ему в ответ рассказываю (со слов Гусенкова, который сопровождал Р.М.) – как потом, когда он ушел с Конгресса, окружили Р.М…. вынудили с ходу дать несколько интервью разным газетам, как она – то с одной, то с другой, стайки вокруг нее. Умело ведет себя – учительница! Да и образование есть.

24 июня, помнится, я бешено готовил материалы к Пересу де Куэльяру и Радживу Ганди, которых он принял 29-ого.

Пленум. Думаю, что событие в судьбе страны большее, чем переход к НЭП'у в 1921 году. Ибо НЭП, оказалось, можно было завалить… Не видели, чем это кончится. Опыта не было. Считали, что раз предыстория перешла в «подлинную историю», когда человек сам ее творит, а не раб объективных законов, - со страной можно делать что угодно, стоит только хорошо захотеть.

Теперь возврат к сталинизму невозможен, ибо если это сделаем в третий раз, то гибель социализма обеспечена… и нам дорога – в третьеразрядную страну.

Но откаты возможны, а главное – опасно топтание, которое затопчет ростки нового. Они еще очень слабы. И Пленум это показал. Одни (главным образом, с низов: председатели колхозов, директора и т.п.) горячо и страстно «за»… Но они – нутром. Вагину, например, (председатель колхоза из Горьковской области) не надо перестраиваться - он от рожденья перестройщик, т.е. за здравый смысл. Но, конечно, всей исторической и философской (модное словцо) глубины начатого не понимает. Может, это ему и не нужно.

Или, скажем, Никонов – президент ВАСХНИЛ. Умный, порядочный, образованный, даже «народный». У него профессиональный подход – заставить землю работать, кормить людей. А как в результате этого самого «заставить» сложится общество – его не касается. Об этом он, кажется, и не задумывается. В общем-то не так уж страшна такая позиция. Свое, нужное перестройке дело, он будет делать, как профессионал, хорошо.

Беда в другом, в том, что члены ПБ – Щербицкий, Воротников и первые замы предсовмина, секретари обкомов не понимают, что происходит. И хотя произносят хорошие слова о революции, о переломе и т.п., видно, что для них это всего лишь служба, а не участие в революции. Они не лидеры процесса на своем уровне, а дисциплинированные чиновники, которые будут приспосабливаться к процессу, а не формировать его, он вроде сам собой пойдет. Перестраивать общество они не умеют. Они – из старой структуры, по сути - сталинской схемы руководства.

Никонов (однофамилец вышеупомянутого, член ПБ, секретарь ЦК по сельскому хозяйству) – другое дело. Хитрый М.С. не случайно сделал его членом Политбюро. Этот человек мягкий, абсолютно отрешенный от личного интереса, кстати, внешне и по характеру похож на артиста Леонова. Знает нашу аграрию на полтора аршина вглубь. И все понимает. Этот мягкий, добрый человек как раз и будет делать разрушительную часть работы. Такую заявку он и сделал в своем выступлении на ПБ. Главное для него – раз и навсегда **пресечь** вмешательство в сельское хозяйство кого бы то ни было (кроме науки) – партийных, советских, промышленных, административных и прочих начальников. А потом, когда народ накормим, посмотрим, что из этого получится с точки зрения социально-политической.

Горбачев трижды передиктовывал свой доклад. Жил им днем и ночью две недели перед Пленумом. Продумывал все в деталях, то и дело звонил, размышляя вслух – как

откликнется, как воспримут, поймут ли, и надо ли вообще, чтобы все всё поняли. «Сам до конца не понимаю», - волновался он.

Доклад, действительно, - поворот (во всем, в самом ленинизме). Если внимательно читать и видеть не только то, что в строках, а и за ними в несколько пластов, то взрывной, революционный характер доклада очевиден.

А прения? Они не только не на уровне доклада, они даже не на уровне повестки дня Пленума.

В среду, 1 июля, было заседание Политбюро. Делали выводы из Пленума. Глубок и откровенен был премьер Рыжков. Он понимает о чем речь. Именно поэтому сказал, что даже на таком Пленуме, который превзошел все, что Запад и наши люди могли ожидать, мы не сказали всей правды, а только полуправду – о том, в каком состоянии мы находимся и как невероятно трудно идет налаживание нового экономического механизма.

Всех беспокоит, что придется повышать цены. Лигачев, между прочим, сообщил, что цены на рынках выше, чем в прошлом году, снабжение Москвы овощами, фруктами, тоже хуже, выращенной продукции загубили уже больше, чем в прошлом году. И это – вопрос большой политики. Здесь – судьба перестройки.

Рыжков добавил: трудно было идти к такому Пленуму и поражает, как быстро Михаил Сергеевич сумел подготовить такие свои позиции. Но еще труднее будет идти дальше, претворять в жизнь идеи Пленума. Это не на месяцы, а на годы.

По ходу дискуссии, Горбачев вдруг говорит: «Получил я письмо от Шмелева, ну это тот, который в «Новом мире» статью выдал об угрозе безработицы и о котором меня спрашивала избирательница на участке, помните?.. Вот ведь – народ интересуется всем, равнодушных все меньше. Так вот, этот Шмелев в письме признается, что наговорил лишнего, хотя и настаивает, что с бездельниками надо что-то делать, клянется, что готов служить перестройке верой и правдой, благодарит за то, что я так снисходительно обошелся с ним, отвечая избирательнице. Ничего, и такие люди нам нужны. Пусть! Надо все мозги уметь использовать. И не нервничать. И никого по голове сразу не стукать, если нам что не понравилось». (Между прочим, Арбатов мне признался, что он «организовал» это письмо, а потом текст редактировал).

На Пленуме выводили из ЦК Кунаева (первый секретарь компартии Казахстана). До начала заседаний он в фойе схватил меня под руку, бодрый, самоуверенный: «Ты,

говорит, скажи Михаилу Сергеевичу, чтоб он меня принял, не надолго, на несколько минут. Сделай по старой дружбе. Помнишь, как мы с тобой хорошо в Англию съездили[1].

На заседании Лигачев зачитал просьбу ЦК компартии Казахстана о выводе Кунаева из ЦК КПСС, изложил претензии к нему, дал характеристику, каким он, мол, на самом деле оказался. Кунаев попросил слово. Горбачев дал ему говорить. И тот нахально, наступательно стал себя превозносить: это именно он открыл геологические недра в Казахстане (Кунаев по специальности геолог), это он осудил националистическую книгу «История Казахстана», это он построил черную и цветную металлургию в республике, это он сделал города современными, это он и т.д. и т.п. А что касается «этих декабрьских событий, то подумаешь! Мальчишки какие-то выскочили на улицу и из-за этого его так… Остановитесь, товарищи, не допускайте поспешности»… М.С. никак не мог его унять; видно было, как он сдерживал свое возмущение, называл все время по имени отчеству…

После этого выступили «экспромтом по бумажке» три казаха… и «привели факты». Впрочем, поведение Кунаева было самым мощным фактом. Тайное голосование. Он ушел до объявления результатов: из 299 – 298 за исключение.

Пленум Пленумом, а служба моя должна была идти: на неделе один за другим – 29-го – Перес де Куэльяр, 1-го – Картер, 2-го и 3-го – Раджив Ганди, а 7-го – Вайцеккер, которому М.С. придал очень большое значение, ибо – Германия.

Я насобачился готовить такие материалы на основе того, что давали МИД, Международный отдел ЦК и кое-кто из специалистов, и, конечно, ведомства: Каменцев, Ахромеев, Чебриков. Но мысль там должна быть горбачевская. Почти всегда из прежних разговоров, из его выступлений на ПБ, из разных других его реплик «по случаю», из постоянного общения с ним, я представляю себе, что он думает, какова его позиция по той или иной теме. И сейчас уже редко ошибаюсь… Хотя он в ходе бесед (никогда, кстати, не читает текстов лицом к лицу с собеседником, даже не держит их открытыми, а лишь иногда заглядывает, чтоб начать новый вопрос) далеко отвлекается от подготовленного и неожиданными поворотами делает беседу глубокой, богатой мыслями. Впрочем, полюбившиеся ему пассажи он повторяет разным собеседникам.

Так было и с де Куэльяром, и с Картером, который оказался довольно постным, занудным субъектом. Смотрел я на него и думал, как же это, чтоб такой человек был президентом супер-державы, от которого зависит судьба человечества?1 А потом остановил себя – а у нас самих какие субъекты были во главе!?

---

[1] *Мы, действительно лет десять назад ездили с ним на съезд Великобритании. Запомнил я его рассказ тогда, как, будучи студентом в Москве, он наблюдал с того берега Москвы-реки взрыв храма Христа Спасителя.*

Но я о другом. Кто бы не сидел против М.С. (за исключением, пожалуй, представителя Каддафи) – они верят ему, и такое ощущение, что они не говорят с другими «великими» лидерами, например, с Рейганом, Миттераном, Дэн Сяо-Пином, даже с Тэтчер так искренне…

Они верят, что он хочет делать именно то, что говорит им, а также и публично. Другое дело – что не может всего сделать, даже большей части того, что говорит.

В беседе с ним невозможно лукавить, играть. Он открыт и обезоруживает любого «классового» противника, потому что всем своим поведением приглашает его быть прежде всего нормальным человеком.

Индийский фестиваль в Москве его окончательно замотал: к тому же он терпеть не может «протокол». Зашел я к нему спросить: когда один на один с Ганди это действительно один на один, как в Дели было, или – с помощниками. Он сидит, откинулся, слабо улыбается. «Да, приходи, чего там… и Раджив, наверно, будет с помощником. Знаешь, устал я до предела. Допоздна каждый день. Себя уже не чувствую. А дела наваливаются и наваливаются. Ничего не поделаешь, Анатолий, надо. Такое дело начали! Отступать некуда. А Пленум какой! Ох, далеко пойду. Не отступлю… не дрогну. Главное – не дрогнуть. И не показать, что колеблешься, что устал, не уверен… И ты знаешь, что обидно: не хотят верить, что я выкладываюсь для дела. Завидуют… Зависть, понимаешь, страшная вещь»… (Кого он имел в виду, я, конечно, не стал переспрашивать. Только заметил, что русскому характеру, как правило, зависть не свойственна. Но то, что «вы имеете в виду, заметил я, - это наследие нравственного перерождения общества, которое – от Сталина»).

Он: Опять ты туда же. Хотя, впрочем, прав. Сталин – это не просто 37 год. Это система, во всем – от экономики до сознания. Восторгались все, что у него коротки фразы. И не заметили, что – короткие мысли, которые и отлились потом нам всем… до сих пор! Все – оттуда. Все, что теперь надо преодолевать, все оттуда! Так-то вот.

Но он не очень последователен в этом. Я уже говорил выше – сколько стоило мне уговорить его сделать оговорку – что не все в (сталинской) командно-административной системе было оправдано обстоятельствами (в докладе на Пленуме)… Фразу он вставил, но не то, что я предложил, а в очень ослабленном виде… Боится, что его обвинят (!) в очернительстве, в нигилизме к прошлому. Может быть, тут действует инстинкт осторожности: раз он изготовился очень далеко пойти от того социализма, какой у нас есть и был, то считает, тактически правильно не дистанцироваться от того, что сделано было в стране, неважно, каким способом! Может быть это. А еще, как я заметил: от парадоксального чувства любви к народу, уважения к нему.

На ПБ 22 июня был такой всплеск. Лигачев по какому-то поводу (обсуждался доклад М.С. к Пленуму) понес «очернителей» нашего прошлого, помянул опять Юрия Афанасьева, академика Самсонова (Яковлев мне вчера сказал, что он, Егор Кузьмич, поручил собрать на них «материальчик»). Другие поддакнули: Соломенцев, Воротников, Громыко. И М.С.'а понесло в эту сторону: самая, мол, большая политическая ошибка – это допустить неуважение к народу, а он…, не жалея себя, голодный, рваный, одна рубашка на смену, обрился наголо, чтоб вши не завелись, работал, ничего для себя не оставляя, не рассчитывая даже воспользоваться плодами своего адского труда – строил страну, готовил ее против фашизма, боролся за идею… А мы что ж теперь, такие умные, - дегтем?! Мол, не то делал! Нет, тут надо очень осторожно. Уважение надо иметь к народу.

Я сидел слушал и злился. Пришел потом к себе и продиктовал на 5 страницах о том, как Сталин «уважал» народ: уничтожил самого старательного мужика _ крестьянство – лучшую часть деревенского народа; подставил своей игрой с Гитлером и попыткой его умиротворить 3-4 млн. солдат под фашистские танки и плен летом 1941-го; и как он «уважил» партию, ликвидировав всех, кто сделал революцию и начал социализм в России.

Послал ему. Он прочел. Но – ни слова, хотя вчера, когда обсуждали «Книгу» - видно было, что что-то у него зацепилось. Думаю, и насчет «зависти» - в этой связи. На днях Би-Би-Си дала большой материал о подготовке к изданию книги Троцкого «Сталин», которую он не успел закончить: его герой его пристукнул. Так вот там – «зависть», как главная черта Сталина на протяжении всей его политической жизни. «Зависть серости» к любому неординарному. Думаю, что М.С. заговорил о зависти к себе по этой ассоциации.

Такой эпизод, уже к вечеру 3-го июля, второго дня пребывания Ганди. Прошли две беседы, на которых я был, был 2-го ужин «в узком кругу» в Ново-Огареве (плюс Раиса Максимовна), а на 3-тье, перед митингом дружбы в Лужниках, был назначен «обед» в индийском посольстве. Часа за полтора звонит мне М.С.

- Ты где?
- На работе, как видите.
- Знаешь, Ганди мне сейчас говорит (когда они шли по Соборной площади), что нам, мол, с вами еще речи говорить придется … на этом обеде. А я ничего не знаю… Да, вчера мне Воронцов говорил об этом. Но я его попросил уговорить Ганди, чтоб без речей, а просто краткие тосты «за здоровье» и т.п.
- Ну, и что Ганди?
- Не знаю.
- Позвони сейчас при мне Воронцову.
- Звоню.

- Его нет, уехал куда-то к индийцам.
- Ну, тогда давай речь.
- Не могу. Все слова и мысли уже израсходовал в адрес «Великой Индии» и ее лидера.

  Хохочет.
- Ничего. Не умрешь. Давай пару страниц сочини сейчас и пришли. Я – в Кремле у себя.

И положил трубку.

Я позвал Тамару и сходу начал ей без запинок диктовать. Записала, отпечатала. Я поправил. Все заняло минут 20. Отослал ему.

Реакции никакой. А у меня твердое правило: не спрашивать у него о результатах моей работы. Никогда и ни в какой форме.

Часов в 9 пришел домой. Вдруг вертушка. Звонит из Лужников (там открытие, празднества, танцы-манцы)

- Анатолий Сергеевич, Михаил Сергеевич просил вот эту речь, которую он произнес на обеде в индийском посольстве, передать в печать, а также перевести на английский язык, чтобы вручить Ганди до его отлета.
- Что - так вот, в том виде, как я ему посылал?
- Да, именно так.

Дела! Время около 11-ти, газеты сверстаны, Ганди улетает в 0.15. Единственная копия у меня в кабинете.

Позвонил в ТАСС, предупредил. Вызвал машину. Примчался на работу. Ксерокса нет. Машинисток – никого. В МИД'е один дежурный – переводчиков – нуль. Отправил, что было в ТАСС, газеты задержали. По TV из ТАСС сообщили этому горе-дежурному в МИД.

На другой день в 11 часов М.С. собрал у себя Яковлева, Фролова, Болдина и меня.

- Что будем делать с «Книгой»? (которой я занимался в марте на даче Горького).

Все пришли к выводу, что и в таком, сыром виде она произведет сенсацию. Но критиковали, советовали, рекомендовали, обогащали. Договорились, что 10июля я выезжаю опять на дачу в Серебряный бор и за месяц доделываю.

А начал он совещание с того, что рассказал, как было дело с этим «тостом» в индийском посольстве, и что Ганди буквально потребовал, чтобы он был опубликован – и в Москве, и в Дели. «Вот ведь, говорит, самые удачные вещи получаются экспромтом».

<u>12 июля 87 г.</u>

Неделя состояла из Вайцеккера. М.С. опять показал глубину и неожиданность. Опять очаровал собеседника: и по «европейскому дому», и в особенности по проблеме «русские-немцы». Он в душе чувствует, что проблему не снять и когда-то немцы объединятся. Поэтому прямо сказал: пусть поработает история, оставим это ей.

Поразил Вайцеккера и своим неожиданным ходом: передайте, говорит, мой сердечный привет канцлеру Колю…

Имел место эпизод.

Накануне Громыко давал Вайцеккеру обед. Обмен речами. У Вайцеккера в два раза длиннее (немец!). Громыко велел Квицинскому сократить до «равных»…, конечно, за счет мест, которые по словам Громыко, «советским людям не понравятся». (о Канте в Кенигсберге, о едином немецком сознании, о том, что свобода – это свобода ездить друг к другу, намек на «стену» и т.д., т.е. самое дорогое для Вайцеккера, который постарался – аристократ и элитный интеллигент – быть предельно лояльным и деликатным).

Так и напечатали. Немцы по всем возможным каналам стали выражать удивление (у вас же «гласность», Тэтчер и Ширака печатали целиком) и огорчение, обиду. Мне звонки от наших: Арбатова, Фалина, Шахназарова. Что, мол, такое? Зачем мы себя в дураки опять записываем. Гласность, так гласность.

Звоню Квицинскому: ерничаю, мол, вы, наверно, там в ФРГ не привыкли к гласности на родине, зачем вы так? Он: Громыко заставил в приказном порядке.

Приезжает на работу М.С. Звоню ему: так и так, считаю, что глупость делаем. То, что работает на нас, оборачиваем сами против себя. И потом, пусть наши читатели знают, что даже такой высоколобый и благородный представитель ФРГ не оставил реваншистских мыслей.

М.С. разговаривал зло: Ну, и пусть так. С немцами так и надо. Они любят порядок – орднунг (причем тут?). И что-то хохмачески стал говорить, как наши ебли немок, когда на Париж шли свергать Напалеона.

Я говорю: Ладно… Почувствовал, что он чем-то заведен, а может собой недоволен… Это было накануне его собственной встречи с Вайцеккером.

Потом узнаю от Яковлева следующее: после обеда, где речи были произнесены, Громыко решил посоветоваться со своими коллегами - с Рыжковым, Шеварнадзе, Яковлевым – надо ли цензурировать Вайцеккера. Все решительно выступили против, особенно резко Рыжков. Громыко обиделся, повернулся и пошел.

И я «вычислил»: он пошел звонить Горбачеву. Тот речи не читал и согласился с Громыко. Поэтому так зло и реагировал, когда я встрял и начал ему напоминать о гласности.

После же беседы М.С. с Вайцеккером (тот ничего не сказал об этом эпизоде) – зашли в комнату президиума Кремлевского дворца: М.С., Шеварнадзе, Квицинский, я. Я опять – о публикации. Шеварнадзе бурно поддержал, Квицинский отмалчивался. А М.С. перевел разговор на другую тему. Я понял, что он, дав согласие Громыке, не хочет «не соглашаться» с самим собой.

Вернувшись к себе, я позвонил Яковлеву и мы договорились опубликовать полный текст Вайцеккера в «Новом времени» или в «Неделе» (приложение к «Известиям»). Получилось в «Неделе», так как «Новое время» выходило через неделю.

Реакции ни М.С., ни Громыко на эту акцию я не знаю. Но западная печать обратила внимание на «цензуру»…

9-го было Политбюро.

Очень остро обсуждался вопрос о продаже населению строительных материалов и вообще хозяйственных товаров, о строительстве жилья. Опять Воронов (зам. предсовмина) и министры пытались было докладывать, что в 1985 году столько-то, теперь столько-то, хотя планы и задания ни по одной позиции не выполнены. И письма идут и идут. Гневные и ядовитые с намеком: что же, мол, перестройка-то? Что мы, простые, от нее имеем.

М.С. разгневался до ярости: это – народная нужда. А у нас, в советском государстве, сидят большие начальники, пользуются всеми благами и свои квартиры ремонтируют за счет спецведомств, а на народ им чихать. И это – члены ЦК, министры, члены Советского правительства. До каких пор мы будем это терпеть?!

И кончил тем, что это – последний такой разговор… и по этому, и по другим подобным вопросам. Если не сделаете – разговаривать будем с другими.

Обсуждалась записка Шеварнадзе о 70-летии дипломатической службы.. Предлагаются там всякие юбилейные вещи, в том числе отметить мемориальными досками на соответствующих домах Чичерина, Литвинова и Коллонтай. Взял слово Громыко. Он был очень раздражен…

«Чичерин? А что он такое особенное сделал… Ну, с Лениным работал. Но, впрочем, с Чичериным еще можно согласиться. Но вот – Литвинов!! Как вообще можно предлагать. Его ЦК освободил от наркоминдела. Все вы знаете об этом? И за что? За несогласие с линией партии! Он был против того, чтобы переориентироваться с Англии и Франции на Германию. И его сняли… Ну, временно… Это было ясно сразу… Послали

послом в Вашингтон, но он и там гнул свою линию. Можете его шифровки почитать. И его убрали и оттуда. Заменили другим товарищем» (т.е. Громыкой).

Смотрю на членов ПБ, на их лицах едва скрываемая ирония. Все понимают смысл: мол, Литвинова какого-то и еще Коллонтай отметить, а его, Громыко, даже не упомянули.

А тот продолжал: Коллонтай? Кто такая Коллонтай. Да, знал ее Ленин. Но ведь она всегда была против него. Вспомните Брест, вспомните рабочую оппозицию. Ну, была послом в Мексике, а после нее Мексика разорвала с нами дипотношения (это- в связи с советско-германским договором 39 года!!), была потом в Швеции. Ну, что такое, какие-то там подпольные дела… Конечно, статьи о ней недавно появились «со стороны определенных авторов»… И т.д.

Как поведет себя М.С.? Он поддел Громыко еще в ходе его разглагольствований насчет того, что Литвинова ЦК снял с должности наркома («Но ведь, Андрей Андреевич, - с улыбкой, - Чичерин-то, кажется, тоже не совсем по своей воле ушел о своего поста!»)…

Далее М.С. произнес так: Чичерин – да. Никто не возражает, даже, кажется, Андрей Андреевич. И Литвинова оставим. Вы говорите, не согласен был. Но антигитлеровская коалиция-то состоялась. Значит, не совсем неправильно он предусмотрел ход событий.

Что касается Коллонтай, то, действительно, послов много было значительных. Андрей Андреевич некоторых назвал (назвал он Пушкина, Виноградова, Зорина, Гусева… к себе подбирался). И потом не этим она знаменита. А что против Ленина выступала, так сам Владимир Ильич говорил: кто не без ошибок! И очень ее уважал.

Что же насчет того, как Вы, Андрей Андреевич, говорите она – дочь царского генерала, а Литвинов – сын крупного лавочника, то это, пожалуй, к делу не относится.

Вот так он его смазал при всеобщем одобрении. Тот сидит насупился. Но… дальше-то что. Сколько можно терпеть этого прохвоста, который убежден, что все, что было при нем, хорошо и правильно.

Кстати, когда 4-го у М.С. обсуждалась «Книга», возник опять разговор о мемуарах Громыко (они лежат в Политиздате, главный редактор которого по моему наущению вошел с запиской в ЦК – что, мол, ему делать). М.С. поручил «решать» Яковлеву. Тот смеется. Я высказался: «Это абсолютно вредная вещь».

М.С.: А как же с гласностью (уязвил)?

Фролов: Но он же член ПБ. Если б не это – пожалуйста.

М.С. (Яковлеву): Ты все-таки посмотри тут «связь времен», надо как-то это…, но объективно, по-честному.

Яковлев (смеется): Если по-честному, то тогда так вот, как Анатолий Сергеевич считает.

Разговор так ничем и не кончился. А помощник Громыко Пархитько обрывает все телефоны и грозится главному редактору Политиздата карой – и в особенности тем, что «в конце концов, **сам** Андрей Андреевич» ему позвонит!

А еще на ПБ обсуждалось дело Руста. Докладывал Чебриков. Процитировал заявление на следствии: хотел, мол, увидеться с Горбачевым, потому что с Рейганом – пустое дело. А экстравагантный способ выбрал потому, что иначе не привлечешь должного внимания.

Чебриков предложил: отпустить его Гамбургскому суду, который возбудил дело. Добавил, что его ребята пошуровали среди народа, и общественное мнение, оказывается, того же мнения.

Признано, что Руст – не совсем нормален, со сдвигом. Но если мы его пошлем на экспертизу – весь мир закричит о «психушке», в которой, мол, русские большие мастера. И получится, что прилетел нормальным, а выпустили – сумасшедшим.

Обсуждения не было. Только Зайков задал вопрос: представьте себе, что наш парень сел в Вашингтоне. Что бы они с ним сделали?

Чебриков: Ну, прежде всего, они бы его сбили еще на подлете… (смех). И тут же сообщил, что наши зенитчики 10 раз брали Руста на мушку и делали фотовыстрел. 100 % попадание все десять раз. Но команды на настоящий выстрел они не имели, потому что главнокомандующий ПВО узнал о Русте, когда тот подрулил к Спасской башне.

Я смотрю: М.С. белеет, а глаза становятся алмазно-черными. Видно, свирепеет. Это что же получается? Он, видите ли, хотел со мной встретиться. Со мной многие встречаются, и пишут, и отвечаю. А тут… Нет. Это – провокация. Мы 150 генералов и офицеров под суд отдали. Министра обороны сняли. Зачем? Может быть, не стоило? А теперь мы его – гуляй, домой! Нет. Демократия – это не слюньтяйство. Он трижды нарушил закон (граница, воздушный полет не по коридору, посадка в населенном пункте). И по закону должен нести наказание. Следствие закончено? Закончено. Пусть будет суд. Все как полагается. Положено от 1-го до 10-ти лет… А там видно будет.

В августе-сентябре я был с Горбачевым в Крыму, еще не на злополучной даче в Форосе («Заре»), а на унаследованной от Брежнева в Нижней Ореанде.

Горбачев был занят в основном работой над книгой, которую первоначально предполагал назвать «Слово о перестройке». Но потом придумал другой заголовок:

«Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира»). *Под этим названием она вышла в Америке и затем в десятках стран миллионными тиражами.*

Горбачев работал над текстом «со страстью», передиктовывал по два-три раза. Предвидел, что эта книга создаст новый образ его самого и меняющейся страны, поможет завоевать доверие на Западе, которое должно было стать по его замыслу новым и важнейшим фактором преобразования международных отношений.

Мы проводили с ним на террасе (он – под солнцем, я в тени) по многу часов в день, обсуждая «движение» текста и главные проблемы.

Приходилось отвлекаться на текущие дела: информация из Москвы шла непрерывно. Иногда он размышлял вслух о том, о сем. Кое что я зафиксировал и привожу:

<u>28 августа 87 г.</u>

На Кубе, по-видимому, еще нужен первобытный социализм с уравниловкой. Но у Кастро гигантские мысли на этот счет. Оратор он что надо! Однако уравнительский социализм никуда не приведет, и мы с ним никуда не продвинемся.

Втянули нас, ё.т.м., в Афганистан, и не знаешь, как вылезти теперь.

Кармализм - это начетничество марксизма-ленинизма плюс иждивенчество в отношениях с СССР. Вообще марксистов у нас до х.., и в Африке тоже. Это же ужас, когда ты вынужден был защищать брежневскую политику. Это ужасная политика. А теперь ты защищаешь то, что думаешь, во что веришь. Доверие и самостоятельность - вот нормы нашей новой политики.

<u>31 августа 87 г.</u>

Подняли огромное дело, но в нем и интуиция нужна, чтобы чувствовать меру, где грань между тем, чтобы «замазать прошлое», и критиковать по правде. Не надо шарахаться. Еще предстоит партконференция. Перестройкой мы рисуем портрет социализма. Но он не должен размываться, как у сюрреалистов - где ноги, где что… Махровые фигуры возникают в меняющемся обществе. Идет поиск. Мы создали каркас нового здания - обновленного социализма. Каркас уже есть. А остальное будем набирать. И посмотрим, что получится. Но пусть никто не претендует на истину в последней инстанции.

Посмотри внимательно - как у Маркса, как у Ленина, «оттенки» между ними есть. Вот прочитал я «Экономическо-философские рукописи» Маркса 1844 года. А ведь он там не отказывается от частной собственности.

Никакого чуда не будет. Ух, и ленивое наше общество! И начальнички такие же: пришли к власти, получили кормушки, чаек попивают, не только чаек, и поругивают высшее начальство. А другие рассопливились, вроде Яковлева.

Афанасьеву («Правда») скажи, чтоб не подбрасывал хворосту в костер татарской проблемы. Пусть комиссия спокойно поработает. Не надо вообще в прессе раздувать какую-то кампанию.

Лукичу (Георгий Лукич Смирнов, помощник генсека по идеологии) позвони: пусть начинает подготовку материалов к Пленуму по национальному вопросу.

Бромлею (академик, директор Института этнографии АН СССР) поручи готовить развернутый материал о положении наций и народностей СССР - о том, что сделано при Советской власти и что сделано не так. И пусть даст откровенный анализ. Пусть честно все покажет.

<u>3 сентября 87 г.</u>

Ивану Фролову (помощник Генсека) позвони: к моей статье в «Коммунист» (о социализме и рынке) нужно разработать тему отчуждения. Маркс предполагал через обобществление собственности вернуть человека к самому себе. А у нас - если честно - произошло отчуждение и в экономике, и в политике из-за отсутствия демократии. Директивные методы командно-административной системы лишили нас возможности решить эту проблему, главную в социализме.

…Критерий оценки общества, его подлинной развитости - не уровень потребления, не потребительство, а саморазвитие человека, развитие его способностей, его возможностей. Это все надо «провернуть» в концепции «нового мышления».

Там, где пойдет в статье речь о «развивающемся социализме» (само это понятие надо еще осмыслить), показать, что наша цель - возродить социалистическую сущность общества.

<u>17 сентября 87 г.</u>

Три Егора прислали мне сюда письма: Егор Лигачев, Егор Яковлев и Георгий (Егор же!) Арбатов. Прочел их все. И вот что я тебе скажу на этот счет.

Мы задумали и затеяли колоссальное историческое дело. Все трое глубоко озабочены - хотят, чтобы наши задумки исторического масштаба состоялись. Но в их позициях отражается невероятный диапазон различных мнений, споров, позиций, дискуссий - весь вскрывшийся теперь плюрализм нашего общества.

Есть люди, которые уже назвали Горбачева ревизионистом. Другие, наоборот, ищут у меня намерения разрушить марксизм-ленинизм: отвыкли от творческой методологии марксизма-ленинизма. Посмотри, - как тонко, диалектично подходил Бухарин к каждому вопросу. А ведь был чистюля в вопросах верности социализму.

А у нас дискуссии как проходят? Вместо спокойного обсуждения, разбора и реалистических оценок вцепляются сразу друг в друга. Все три Егора озабочены одним и тем же. Однако у всех тревога, что, не дай Бог, захлебнемся. Считают, что мы открываем ворота всеядности. Ссылаются на вышедший в Риге фильм о борделе. Это в самом деле - моральное разложение: смакуют пошлости, ничего святого. Голая баба на кабане... И поговори о фильме, например, с Климовым (кинорежиссер). Он тебе скажет - прекрасный фильм! Разврат, моральный распад вызывают отвращение, поэтому с его, Климова, точки зрения, фильм этот обличительный. А я так считаю, что он пропагандирует вседозволенность, это любование малинкой.

Диапазон расклада мнений сейчас огромный. И это, в общем, хорошо, неизбежно при таком повороте, который начался. Смятение всегда сопровождает революцию, особенно у интеллигенции. Но вместе с тем мы же не хотели, чтобы порушили все святое наше - патриотизм, любовь к Отечеству.

Мы хотим разбудить каждого, избавить от социальной пассивности, от всего, что затормаживает движение вперед, мешающей перестройке.

Все три Егора - за демократизацию. Интеллигенты, рабочие, крестьяне втягиваются в этот процесс. Но учти, у нас 18 млн. чиновников плюс члены их семей. Это около 60 млн. по стране. Они боятся за свои кормушки...

Арбатову скажи: он там в конце письма жалуется, что, мол, не угодил Генсеку, боится испортить отношения. Глупости все это. Скажи ему, что Горбачев дорожит его мнением, его информацией, раздумьями, которыми он откровенно делится, что я внимательно читаю его записки. И пусть отношения у нас сохраняются такими, как они установились. Главная забота, чтобы не остановилось наше дело, и я, мол, понимаю его. Пусть не паникует Юрий Аркадьевич.

Надо видеть критерии гласности. Они в ценностях социализма. Перехлесты есть. И это вызывает реакцию. «Память» - одна из ее проявлений как выражение инстинкта самосохранения. А с другой стороны… Вот умер в Париже Виктор Некрасов. И другой

Егор (Яковлев) помещает его портрет в своей газете в траурной рамке. Траурная рамка для антисоветчика!

В общем, пусть не паникуют. С Егором Кузьмичом у меня был разговор. «У некоторых, говорит он, не хватает ответственности перед народом. Яковлев мне *(т.е. Лигачеву на совещании в ЦК с редакторами)* заявил, что может уйти». Это ответственность?!

Фалину скажи - пусть не драматизирует происшедшее на совещании у Егора Кузьмича. Но выводы пусть сделают.

Егор Яковлев говорит о популярности своей газеты. Но эта популярность должна идти на пользу перестройке. В «Московских новостях», как и в «Огоньке», да и во многих органах печати, нет сопоставления мнений. Нет разнообразия авторов. Все только «свои». А надо, чтобы и те и другие были. Тогда будет и демократия, и гласность. Есть разные темы, жгучие темы. Но не надо из них делать сенсацию. Огромное дело делаем. И нужны чистые руки, чистые помыслы, а не шпиговать мозги людей черт-те чем, в расчете на возбуждение, на сенсационность.

Отвратительно мне, когда сбиваются на дешевку. Пусть поразмышляют авторы писем.

Егор Кузьмич сказал мне, что на совещании с редакторами он отметил: в «МН» много хороших тем поднято. Так что он не видит все в одном темном цвете.

Александр Николаевич сказал мне недавно по телефону, что заявил Лигачеву: ему (Яковлеву) с ним не по пути. А сам занимается тем, что собирает всякое о Егоре Кузьмиче и подбрасывает мне.

Да, согласен, вежливых выражений у Лигачева не хватает. Но он честно беспокоится о деле, о перестройке. А что касается методов общения с людьми, то у него не все получается. Я согласен: сейчас очень важно не только, чтó сказать, а и как. Ты Егору (Яковлеву) скажи: вон Грэхем Грин всю Сибирь объехал и удивился, сколько большевики сделали после Октября. А он - Егор - объехал всю заграницу, где только не был, всякие интервью давал, а в своей стране не бывал. Хорошо это?

Давай, Анатолий, их всех объединять. Не считаю, что это конченый народ.

...Ошибки наносят ущерб перестройке. Нельзя провоцировать и тех, кто «за», и тех, кто «против», на такие вещи, которые мешают, вредят нашему движению.

Да, да, заводиловка идет во всем обществе и в Политбюро ведь тоже...

Было бы большой ошибкой сейчас снять Егора Яковлева. Хотя Отдел пропаганды ЦК отказывается работать с ним: нет, мол, на него управы. Я сказал Егору Кузьмичу: так

не пойдет, чтобы снимать. Но пусть и Егор в «МН» подумает- о своей ответственности подумает. Словом, пусть действуют все и не паникуют.

А в общем-то, Анатолий, провинциализм процветает и в самом нашем руководстве.

Далее идут записи выступлений Горбачева, сделанные на заседаниях Политбюро.

28 сентября 87 года

По возвращении из отпуска. Политбюро работало и в мое отсутствие. И это хорошо. Позавчера в аэропорту мы говорили о том, что, может быть, по истечении трехмесячного срока, 90 дней после июньского Пленума - критически поговорить о ходе перестройки, о том, что радует, что беспокоит? Какое время наступает и в политике, и в практических делах? Как идет реализация принятых нами тогда решений? Давайте поразмышляем, подумаем вместе.

Я хотел бы сделать небольшое введение к нашему разговору, очертить круг проблем. Прежде всего, думаю, стоит определить нынешний этап и подумать о долговременных путях, об исторических рамках на 8-10 лет вперед, – на какое качественное состояние советского общества мы рассчитываем. Осмыслить логику борьбы, в том числе особенности ее на нынешнем этапе.

Складывается впечатление, что мы вступаем в критический этап перестройки. Я связываю это с практической реализацией линии январского и июньского пленумов, о сочетании решений обоих пленумов.

Надо посмотреть, что в этих решениях глубоко затронуло все общество. Оценить реакцию людей на то, как проводятся эти решения. Это и дает нам выход на большую политику, т.е. на политику в решающей сфере жизни нашего общества, которую определяют две вещи: демократизация и экономическая реформа.

Напряжение в обществе нарастает. Не скажу, что все оно имеет негативное значение. Нарастает оно в политической жизни, в сознании. Причем не только у кадров и интеллигенции, а в обществе в целом. Ситуация в обществе характеризуется большой открытостью и более дифференцированной позицией по отношению к перестройке. Более открыто проявляют себя консервативные силы.

И вместе с тем нарастает беспокойство народа за судьбу перестройки. Мы это должны чувствовать, на это сориентировать всю нашу политику и практику.

Я не раз говорил о противоречивом характере перестройки. Этот вывод находит подтверждение. Противоречия принимают более острый характер. Но это не должно нас приводить к растерянности. Ничего не поделаешь – революционный характер предпринятого нами дела предполагает разрушение. Другие оценки недопустимы. Тогда мы впали бы в иллюзии. Мы же предвидели такое развитие и говорили об этом. Но сейчас это становится все более ясным. Нужно понимать, что мы должны все это пережить, перебороть и не прибегать к разным суматошным мерам. Главное для нас сейчас – реализация поставленных нами самими задач перестройки. Это и будет перевод решений в практику, будет наносить удар по всему, что стоит на пути перестройки. Поэтому никакой растерянности.

Но нельзя недооценивать и опасности, которые нас подстерегают. Это другая крайность – благодушие, несерьезность, шапкозакидательство, что все нам нипочем.

Серьезный анализ требует от нас выстроить целую систему идеологических, организационных, политических, экономических мер. Для нас, для Политбюро, для руководства страны крайне важно верно оценить соотношение сил в нынешней ситуации по отношению к перестройке. Информация идет обширная, фактов много. Но факты еще не образуют полной картины. Надо оценить и тенденции, и расстановку сил. Я над этим много думал. Убежден, что признаки противоречивости присутствуют во всех слоях общества.

Основная масса сегодня за перестройку. А что будет завтра – вот на этот счет давайте поговорим. Это я говорю не для того, чтобы поддержать среди нас оптимизм, бодрость духа. Мы должны прямо смотреть в глаза обстоятельствам. Ожесточение определенных сил, сопротивляющихся перестройке, сейчас налицо. Мы можем, конечно, сказать – и это было бы правдой, – что тормоза, сопротивление, инерция сидят в каждом из нас, что каждый привержен определенным стереотипам, методам работы. Это так. Но есть определенные силы, о которых мы должны говорить на политическом языке.

Это не антагонистические, не классовые силы. Но это те силы, которые видят, что перестройка, поскольку она переходит в практическую плоскость – через экономику, открытость, через право на свободную дискуссию, - создает угрозу их власти, их положению, лишает их источников благополучия и полномочий. И не скажу даже, чего тут больше - материального интереса или чего-то иного. Ведь речь идет о людях, которые материально вполне обеспечены. Скорее, это те, у кого вошла в привычку монополия на власть, а перестройка поворачивает против такой ситуации.

Вот почему происходит ожесточение. Все это мы должны видеть и противостоять развертыванию таких процессов в русле демократии реальной подготовкой не только самих себя, но и всех к работе в новых условиях.

Люди, о которых я говорю, будут использовать трудности, эксплуатировать эти трудности, будут нам указывать пальцем: вот, мол, ваша демократия! Вот, мол, ваша реформа! Будут наносить удары по новым подходам. Поэтому мы должны правильно оценить соотношение сил. Тут заложена главная опасность. Будут пытаться вызвать недовольство у трудящихся.

Предстоящие год-полтора будут решающими с точки зрения того, куда пойдет перестройка. Здесь ее судьба. Если мы обеспечим переход к новым методам и решительно поведем реформу, перестройка будет нарастать и поддержка перестройке будет увеличиваться. Если же консервативным силам удастся использовать трудности, – а я думаю, что это им не удастся, – то у перестройки будут серьезные потери, начнется дискредитация нашего дела.

Хочу сказать о нынешнем составе руководства. Тут положение меняется. Мы подготовили теоретически, политически, организационно и идеологически переход к перестройке. Приступили к ее осуществлению. Эту часть работы при всей ее сложности мы провели в целом успешно. В дискуссиях, спорах, в схватках мы, тем не менее, оказались на уровне.

Не вдаваясь в частности, во все перипетии этой нашей работы, можно все же сказать: мы справились. Конечно, попав в свое время в руководство, мы с вами могли бы и так продержаться, подлаживаясь к событиям. Страна шла бы сама по себе, но куда – не знаю. У нас хватило мужества, ответственности, умения и интеллектуальных сил, чтобы выйти на первый этап и пройти его. В стране создается новая нравственная атмосфера, хотя есть откаты, есть отступления, есть в ней большие дыры. Но в целом она возникла – эта атмосфера – и работает на перестройку.

Вот факт, лично мне близкий. Ставрополье. Под угрозой оказался урожай. И произошло то, что удивило самих руководителей там. Народ вышел в поле. И за два дня убрали весь урожай. Рассчитывали на 27 центнеров, получили 26. Потери минимальные. Работали бесплатно! Вот отношение людей к тому, что мы здесь затеяли. Вот как работает атмосфера. Вот наш «капитал». Хотя, конечно, то, что случилось, не делает чести тамошнему руководству...

Когда мы оцениваем ситуацию, надо различать: есть факты и есть тенденции.

В трудностях, в борениях «вал» еще присутствует. Но в то же время народ начал вариться уже в котле реформы. Тем не менее государственная поддержка требуется, особенно в узких местах.

Вот подбросили зерна, сахара, на жилье добавили, на здравоохранение. Но это подсобные меры, хотя они и обязательны.

Перестройка захватывает все новые слои. Дошла и до вооруженных сил. Новое руководство в армии на основе новой доктрины готовит очень серьезные предложения. В МИДе происходит серьезная адаптация к новым требованиям времени. Перестройка затрагивает и КГБ. Все это относится, однако, только к первому этапу. Но это и предпосылки для движения дальше.

Мы должны быть готовы справиться с неизмеримо возросшими новыми задачами. Перед нами настоящее испытание. Ибо предстоит трансформировать все общество, все сферы жизни людей. Это будет продолжительный период.

Вот подготовим партийную конференцию. Хотим вывести партию на новый, иной уровень ее деятельности. Здесь тоже потребуется год-полтора. А в экономике, поскольку мы переходим с 1 января на полный хозрасчет, тоже потребуется полтора-два года для перелома. Огромны задачи в области управления на этот решающий грядущий период.

В этой колоссальной работе можно сбиться на второстепенные дела, тем более, что частности бывают очень острые. Такие, что забываешь о главном. Вот где ключевое звено – деятельность партийных организаций.

Если взять первый этап, партия тащила все на себе, хотя на разные ее эшелоны по-разному. Теоретическое осмысление процесса, крупные начинания программного порядка – это прерогатива Политбюро, ЦК, Правительства - Центра. А весь фронт работы - на парторганизациях всех регионов. И вот тут мы до сих пор встречаемся с тем, что нам говорят: у вас тут в Москве перестройка, а у нас как было, так и осталось все по-старому. Есть до сих пор и такие: посидим, подождем, посмотрим. Такое не только на уровне первичных партийных организаций, а и на уровне горкомов и обкомов. Я был поражен, когда встречался с эстонскими районными секретарями. Увидел, что в партии процессы перестройки идут и иначе, и вяло. Привычные методы работы оказывают сильное влияние. Позиции парткомитетов, кадров в результате меняются мало. Это относится и к очень приличным людям.

Перестройку, бывает, рассматривают прежде всего как покушение на собственную власть, на установившийся порядок иерархии. Если мы хотим быть честными перед собой, мы должны это констатировать. Иначе нельзя. Есть перестроечная

тенденция, партия пришла в движение. Но есть и то, о чем я говорю. Оправдать такую позицию я могу, например, тем, что кроме гласности, развития критики ничего же мы еще не дали обществу. Ведь даже демократические выборы, новая роль Советов в жизнь не вошли, не говоря уж об экономической реформе. Правилен был на этом этапе акцент на критику. И тут встретили поддержку. А изменения в кадрах, в их деятельности происходили замедленным темпом. И это можно понять. Потому что гласность, критика создали ситуацию, когда чуть ли не во всем, что было, именно они виноваты. И это создало определенное противопоставление. Получилось, что народ горой за перестройку, а кадры уперлись: и среднее, и руководящее звено.

Есть люди, которые ждали перемен и почувствовали себя людьми, когда они начались, искренне включились - пусть ошибались, суетились... Но есть люди, которым перемены поперек горла. И вот тут-то мы, партия, в целом, и должны сказать, что кадры - это главное.

Думаю, что оправдается наша уверенность, что большинство кадров - «за». Анализ показывает - 85%. Но оно еще должно как следует включиться в перестройку.

За три года сменилось 50-60% секретарей горкомов и райкомов. Но нас уже обвиняют, что они присвоили себе монополию на все дела. И происходит дискредитация того слоя, на который мы должны опираться. Но это же новые вроде люди! Так что дело не в том, чтобы заменить, а в том, чтобы помочь работать по-новому. Часть придется вновь заменять. Придется.

В кадровых делах нужна кропотливая работа. Мы должны удержаться от всяких накачек и решительно отбрасывать склонность к говорильне и к обещаниям. Люди должны включаться в перестройку в ходе практических дел.

В ходе подготовки к конференции нужно основательно над всем этим поработать. Конференция будет крупнейшим рубежом, событием!

О партии и перестройке мы должны основательно поговорить на Политбюро - и о ее заслугах в прошлом, и в настоящем тоже.

Крупно поставим на Пленуме вопрос о новом этапе в перестройке. Часть доклада этому надо специально посвятить. Прессу сориентировать. Изучить отчеты парткомитетов на собраниях и пленумах местных организаций в ходе подготовки к конференции, выявить накопленный опыт, новые подходы к работе на местах.

Опять возвращаюсь к идее - в январе собрать в Кремле первых секретарей парткомов и райкомов - 4000 человек. И информировать их - как мы действуем в Политбюро, как мы смотрим на роль партийных аппаратов; подчеркнем, что сейчас - очень большое внимание к партии, к ее деятельности на всех направлениях.

Наметилось отставание партии. Об этом мы уже говорили на июньском Пленуме. Оно есть и сейчас. И осталось что сказать из того, что уже тогда говорилось. Не надо опять очередную «интересную речь» произносить. А повязать интересные идеи с делом, вдалбливать, убеждать всех, что ключевое направление сейчас – будничная, текущая работа, но не текучка. Иначе болтовня, иначе маниловщина. И скажут нам: хватило у вас сил, у руководства, у партии – на гудок, а движения нет. А спасение перестройки в движении.

Мы должны донести до людей: коренное изменение, качественное изменение общества произойдет на последних этапах перестройки. Но на подходах к нам партия, ее руководство будет держать в поле зрения неотложные нужды. Без этого мы не подкрепим в людях настроение работать, не нарастим поддержку наших замыслов.

(*После этой часовой речи Горбачева наступило долгое молчание. Члены Политбюро попросили время подумать. Был сделан большой перерыв.* – А.Ч.).

Рыжков. Это уже стиль, метод нашей работы - периодически осмысливать сделанное и не сделанное. Откровенность высказываний - большое достижение. Это дает возможность вырабатывать коллегиальную позицию. На революционном этапе это полдела.

Нельзя сказать, что мы все знали и знаем. Но наступил момент в перестройке, когда мы можем сказать и о плюсах, и о нерешенных вопросах. Напряжение нарастает. Это закономерно.

Что происходит?

Демократизация встречает большое сопротивление консервативных сил. То, что было тайным, теперь выпирает. И видно, где незнание, а где сопротивление... со стороны определенных прослоек нашего общества.

Массы верят партии, горят перестройкой. И политическая мудрость состоит в том, как вести дело, чтобы они всегда шли за нами. Мы же для народа делаем все, не для себя же.

Вопрос о кадрах я поставил бы на второй план: мы уже знаем, кто за что. Кадры не готовы. Они десятки лет воспитывались по другим принципам.

...Если массы отвернутся от нас - это наша трагедия, наше поражение. 89-ый и 90-ый годы будут самыми тяжелыми.

Январский Пленум и июньский Пленум этого года, т.е. демократизация плюс экономическая реформа, - это две глыбы, которые мы должны столкнуть. Госприемка - испытание в этой задаче. Необходим год, чтобы почувствовать, получается ли.

1988 год - начало большого испытания в экономике: выходим на полный хозрасчет. Даже руководители высокого ранга не понимают, как они будут жить и работать.

Но не останавливаться. Прошлые реформы гибли из-за этого. ...Выдавливаем средства из всего, но даем на социальные нужды. Мы же в этом отношении очень отстаем от других стран. А в народе создается ощущение, что наверху сидят и не понимают, чтó надо решать в первую очередь.

О ценах. Это оселок, на котором будут проверять и нас, и зрелость общества. Запущенность такая, что давно, 10-15 лет назад, надо было решать вопрос с ценами.

...Если мы будем на нынешнем уровне держать расходы на оборону, мы не сможем модернизировать промышленность, не дадим народу благосостояние... С учетом новой нашей философии надо сокращать расходы на оборону.

В идеологическом плане... Предстоит 70-летие Октября. Доклад должен быть такой, чтобы видно было, что мы не только экономически хотим идти вперед, а чтобы он утверждал патриотизм, веру в идеи.

Надо серьезно сказать о людях, которые делали с народом такое!.. Но нельзя все валить в одну кучу, как это мы видим в прессе. Почему, например, корить тех, кто строил пятиэтажки (в «Огоньке» этим занимаются)?! Для нас эти пятиэтажки тогда дворцами были.

Надо, чтобы народ знал свое прошлое. Гласность, демократизация - главные рычаги в нашем деле. Без них ничего не поднимем.

На частности надо обращать внимание. Ведь в ситуации гласности создаются течения, не соответствующие направлениям, которые мы заложили в перестройку. Чуть ли не новые партийные платформы возникают.

Я против того, чтобы душить гласность. Но и нельзя давать возможность определенным силам расшатывать политические устои. У нас должна быть какая-то программа действий на этот счет. У меня нет колебаний, что мы сможем управлять гласностью: четко, трезво, без паники это делать.

Лигачев. На 100% подписываюсь под речью Михаила Сергеевича.

Есть беспокойство за нашу политику. Но никогда я не теряю оптимизма.

Без демократии и реформы мы закопаем перестройку. ...При подготовке решений надо лучше взвешивать последствия позитивные и негативные. В целом решения апрельского Пленума ЦК 1985 года соответствуют интересам народа. Но - в целом! Есть другие моменты.

Вот - о повышении цен на хлеб. Не совсем продумали эту меру, сделали поспешно: качество хлеба не повысили, а цены подняли.

Горбачев. И зачем этой чепухой надо было заниматься? (*То есть связывать с повышением качества* - *А.Ч.*). Мы же знали, что цены все равно придется менять.

Лигачев. Увеличение производства водки в 1986 году не дало нам ничего. Против самогоноварения это не сработало... Никого не хочу упрекать, но...

Партия отстала от событий. Это произошло и с освещением истории. Наговорено тут столько и такого, что кое в чем стало еще более неясно. Долго придется разгребать.

Неожиданны и события в Прибалтике. События показали, что актив партии проявил пассивность. А в области истории оказался совсем неподготовленным. Ни один не выступил в защиту Советской власти.

Партактиву Эстонии пора идти в парторганизации, в коллективы и объяснять историю республики. Но тут нужны кадры с идейно-политической закалкой.

О правовой основе перестройки. В 1917 году за два месяца была создана правовая основа Советской Республики. А сейчас тоже ведь - революция.

Перестройка рассчитана на длительный период. Это правильно. Но при условии, если мы выполним ХП-ую пятилетку.

А тут еще погода все попортила. Такая бывает раз в 30-50 лет.

Надо выводить вперед пищевую промышленность. Это один из главных источников увеличения национального дохода.

...В партии много пассива, балласта. Это миллионы людей. Надо бы пойти на аттестацию коммунистов. Это не чистка. Но напоминание об ответственности быть членом партии.

...Возьмите, например, партийную организацию Калининградской области. Область, как была хуже всех на территории Пруссии, так и осталась.

...Политбюро, пока вы, Михаил Сергеевич, были в отпуске, работало дружно.

Громыко. Мысль о приостановке членства в партии чужда партии. В стране нет оппозиции курсу перестройки - ни в партии, ни в народе. Общество монолитно. Политической оппозиции нет. Но есть определенные слои, которые - по разным причинам - не нашли своего места в процессе перестройки. Величие и глубину задач они не всегда чувствуют.

Горбачев. У нас есть кадры, которые по 20-30 лет возглавляют колхозы и предприятия. Но у некоторых такой задор, такое чувство новизны, какого не найдешь у многих молодых. Что? Партию заменить? И оставить одно руководство?

В то же время приходится констатировать, что те новые, а их после XXУП съезда 60%, ничего нового в работу пока не принесли.

Громыко. 70 лет социализм существует в мире законно, а не с чьего-либо согласия. Даже уродство в его истории - культ личности - не остановило его движения от успеха к успеху. Культ был тормозом, да. Но несмотря на это, страна шла вперед. И солдаты на войне сражались за страну, а не за «личность».

...Надо связать юбилей с политикой, с тем, что мы сейчас обсуждаем. И не допускать суматохи.

Воротников. Не удается все охватить, чтобы дать полную картину нашего развития. Поэтому надо четче определить приоритеты. Тем более, что всего не предусмотришь: катастрофы, шквалы, тайфуны, погода и т.д. И опять же - кто быстрее отрапортует: старые методы!

Горбачев. …Кто больше колхозов создаст!

Воротников (*не понял иронии*. – А.Ч.). Возникает и местничество - раз даем права. Дисциплина начинает хромать. С секретарем райкома так уже не поговоришь, как раньше. Появились уже целые районы, где тебя слушать как прежде не будут. Если сам не поехал на место, не послал кого - ничего делать не будут. На местах не ведется разъяснительная работа по перестройке.

Горбачев. Вот и надо переместить центр перестройки туда - на места.

Воротников. Надо скорее проводить перестройку аппарата. Там хоть какие-то решения можно подготовить. Люди - в состоянии неопределенности... В идеологической перестройке немало перекосов. Правда, после совещания у Егора Кузьмича кое-какие изменения к лучшему случаются. Но тенденция в средствах массовой информации - опасная. Дело не в том, что мы, старые, так реагируем. А в том - как это влияет на молодежь. Я за гласность. Но надо же ребятам разъяснять, что к чему.

...Арбат (улица) приносит пример того, какой восторжествует «полная демократия».

Разумовский. Велика сейчас роль партийных вожаков. Они нужны, чтобы показывать, как надо высвечивать собственную позицию и какое это имеет значение для работы.

Если раньше критиковали в основном за пьянку, за несунов, за взятки и т.п., то теперь счет предъявляют за общественную пассивность, которая для многих членов партии бывает более характерна, чем для некоммунистов.

Деятельность партийных организаций не отвечает потребностям времени. Многие пытаются решать новые задачи старыми методами.

Горбачев. Это хорошо, что перестали молиться на начальство. Вот это рабство и хотят сохранить местные комитеты. Это хорошо, что люди от станка критикуют министров и Кремль. Но... важно, чтобы при этом помнили: а что ты сам лично сделал для перестройки?!

Ориентация должна быть на производительность, на активность. Иждивенчество очень еще сильно. А демократия позволяет его сторонникам отстаивать свои права!

...Овощей нет - виновата Москва или сосед... Лежачий камень. И вместо того чтобы его сдвинуть, кивают наверх: мол, нет ценовой политики, нет законов, которые бы регулировали мои усилия сдвинут этот камень. Значит Центр виноват. Но когда на ферме не доены коровы и из институтов студентов шлют их доить, причем тут Москва?!

Кто за это отвечает? Есть решения... Но партгруппоргами избирают не тех, кто в состоянии и хочет их исполнять. Царит безнаказанность, нетребовательность...

И ведь райкомы, горкомы не дают избирать в исполком такого человека, который может. Выбор его определяет не партаппарат, а хозяйственник. Им в администрации невыгодно иметь не своего человека. А РК и ГК предпочитают иметь карманных секретарей в низовых парторганизациях и в комсомоле, карманных председателей в профсоюзах. С такими удобнее общаться командным способом. Мол, давай действуй как скажем. Поможем! И «помогают» - льготной путевкой, премией, зарплатой... Так вот и действуют эти механизмы. Вот это надо разрушать!

К партийной Конференции надо основательно все это продумать... В том числе, чтобы судьба партсекретаря, когда он покидает свой пост (особенно, если он хороший был секретарь) не попадала в зависимость от произвола директора предприятия, с которым отношения испорчены именно потому, что он не лежал под директором.

Алиев. Политической, организованной оппозиции у нас действительно нет. Но перестройка идет трудно. Сопротивление консервативного слоя нарастает и из-за стремления к самозащите, и по инерции.

Теоретически мы все вроде знаем. Но важно, чтобы каждый знал свое место в перестройке. В выработке политики перестройки участвует верхний эшелон партии, а другие слои партии активно в этом не участвуют. И первый теперь вопрос - привлечь их к активной деятельности, научить их участвовать в перестройке.

...Перестройка в легкой промышленности основана на наших решениях от апреля 1986 года. Но за 2 года ее руководители не освоили принципов реформы в своей отрасли.

...Печать не разъясняет, как реализуются крупные постановления Политбюро и правительства в социальной сфере.

Горбачев. Начинать с себя надо *(опять, как и в случае с Воротниковым, намек не понят или не принят. - А.Ч.).*

Долгих. Такие обсуждения среди нас очень полезны... Мы ведь участвуем в процессе, когда перестройка превращается в огромное движение в рамках социализма.

Горбачев. Но это движение может приобрести и болезненные формы.

Долгих. До дна наши решения не доходят. Вот был я в Якутске... на алюминиевом комбинате. Там не понимают новых методов работы.

Горбачев. А реализовать-то перестройку придется именно там, на таких вот комбинатах.

Долгих. Негативные явления видны. Но неужели мы такие наивные люди, что по этому негативу будем судить о сути движения? Идет настоящая борьба. Так и надо смотреть на возникающие проблемы.

Многое будет определяться опытом. Нам еще самим не все ясно. И не надо бояться лишний раз обсудить, что происходит, поправить.

Этапы, даже мелкие этапы полезно выделять. Случилась ошибка - дорабатывать, а не новые решения-паллиативы плодить!

...Огромное значение имеет оценка прошлого. Вот идет цикл по телевидению по истории нашей культуры. Хороший пример. Но негативизм, очернительство захватили часть людей. Возьмите Аганбегяна - «все было плохо», такова его «принципиальная» позиция.

...№ 36 «Огонька». Там просто подстрекательство. Пионеры начинают критиковать секретаря обкома. Это не то воспитание, какое нам нужно.

Наша печать не учит реалистическому подходу к вопросам, подходу с учетом наших возможностей. Почему, мол, этого-того нет в изобилии? Вместо того, чтобы учить правилу: а ты сам, что сделал, чтобы было?!

...Надо больше показывать в прессе, что делает ЦК и Политбюро для перестройки... А то Распутин (писатель) заявил, - слышали, наверное, - что теперь уже больше никто ничего не понимает.

Горбачев. Этот Распутин… хорош!

Слюньков. После обеда. Тревожит и беспокоит снижение конечных результатов в 1987 году и снижение качества продукции. Это создает дополнительную напряженность и неуверенность в результатах всей нашей работы. Люди перестают верить.

На Политбюро я должен откровенно сказать, что не могу это отнести за счет только объективных условий, хотя их немало.

Мы, члены ЦК, сами не видим всего. Положение в машиностроении в легкой промышленности очень серьезно отражается на всей нашей работе. А мы не дали должной оценки этой ситуации. Объективные условия, чтобы год закончить хорошо, есть. Но мы в течение уже двух лет не можем обеспечить рост национального дохода. 28 млрд. руб. потери в национальном доходе: 11 - по экспорту, 17 - за счет снижения налога с оборота.

Мы должны были разработать покрытие этим потерям. И возможности были. Мы, секретари ЦК, зав.отделами, правительство приняли правильные решения, но не находим правильных рычагов управления, чтобы эти решения выполнялись.

Главное - оргработа.

...Через год мы окажемся в положении, когда не сможем выполнять обещанную социальную программу.

...Не все области и республики включились в дело. И это - конкретные люди. Это конкретные республики и области: Азербайджан, Украина, Москва, Ленинград, Московская область. В сумме - это 1/8 всего народного хозяйства. 13% промышленных предприятий убыточны.

...Не доходим до мест. Некоторые республики даже не приступили к переходу на новые, экономические механизмы управления.

Оборонку надо последовательно пустить на обеспечение социальных задач.

Республики выводить на самообеспечение и самофинансирование…

Два поколения руководящих кадров упущены. Их переучивать придется целиком.

Соломенцев. Обсуждение нашей прошлой истории идет в одних случаях с плюсом, в других - с минусом. Помощь политике перестройки со стороны средств массовой информации идет очень большая, за исключением отдельных моментов...

Горбачев. Во что обернулась ставка на импорт в машиностроении? Например, в Станкостроительном институте, который у нас головной, за 20 лет ни одной новой идеи...

Соломенцев. Не отступать. Иначе из этого болота не вылезем.

Горбачев. С водкой не путай. Всякие отклонения от привычного пути требуют усилий. Возьми план. Если требовать по валу - он буде выполнен. А вот попробуйте наращивать объемы производства при строгом выполнении договоров, при наличии госприемки! Это самое тонкое и самое запущенное направление.

Соломенцев. Народ в большинстве поддерживает наши усилия. Но есть определенная категория людей (это и в письмах трудящихся присутствует), которые требуют: давай товары сейчас и больше!

Горбачев. Мы породили большие ожидания. Эта сторона в пропаганде слабо представлена.

...Я бы на месте телевизионных журналистов тащил министров в магазин и тыкал: вот ваша обувь! Вот ваши платья! Сочувствую тем, кто оказался бы на месте этих министров.

...Надо идеологически перестраивать народ, особенно молодежь. Воспитывать в молодых людях патриотизм - и в отношении к армии, и по отношению к труду, к тому, что сделано их отцами.

...Много писем идет от людей старшего поколения. Жалуются: нас, мол, совсем списывают.

Нужна индивидуальная воспитательная работа, надо активнее включать в нее авторитетных творческих работников, но они сами должны руководствоваться линией центрального Комитета (*ссылается на статью в «Московской правде»*).

Никонов. Если не будет кадрового большевистского обеспечения, ничего у нас не получится. В душу въелся формализм - лишь бы отчет написать и красивую речь. Отучились работать так, чтобы получать конкретные результаты в конкретных условиях.

С кадрами работа должна быть предметной - чтобы каждый человек стал активной единицей на своем месте.

Горбачев. Иначе получается: если вы там, наверху, хорошие ребята, то дайте. А что давать-то?

Никонов. Советский крестьянин не хуже других…

Горбачев. Уверен! Вот вам пример Белоруссии - уже 34 центнера выдают!.. Я им говорил, когда был там: что ж вы, славяне, в этом своем углу слабину даете?! Вас прибалты обгоняют. Нет. Славянину дай пофилософствовать, за жизнь поговорить. А тут работать надо.

Никонов. Ведь все решения есть, все задачи поставлены. А дело топчется. Почему? Потому что человек лично перед собой задачу не поставил... Всю психологию в обкомах, райкомах, горкомах надо менять.

Горбачев. Может быть, просто дать работать, не мешать? И через СМИ показывать: вот 40 областей обеспечили себя тем-то и тем-то.

...Мы разворошили все старое. И надо быстрее обучать новым подходам тех, кто будет работать. И хватит постановлений. Надо выполнять принятые. Совещания пока нужны, но только для того, чтобы учить людей на положительном опыте. Только такие «семинары и симпозиумы» проводить.

...Систему надо менять... Ибо каждая собака лает там, где ее привязали.

Никонов. С ценообразованием затягивать нельзя. Не всегда надо реагировать на письма. Не давать себя запугивать... Если ты 120 рублей получаешь, проработав 30 лет, то и получай сколько зарабатываешь.

...Я против распределения мяса по предприятиям, - разойдется по блату. Например, в Министерстве сельского хозяйства только 80% пошло в общепит.

Горбачев. Я бы внес поправку: был период, когда, если бы не эта мера, рабочий вышел бы на улицу.

...Производство каждого кг хлеба дает 3-4 копейки убытку. Ржи, предназначенной на производство хлеба, осталось невостребованной 2 млн. тонн. Потому что технологии производства хлеба из ржи «отказываются» работать.

Медведев. Та база, которой мы располагаем, дает возможность решить задачи демократизации и реформы. Но надо, чтобы наши усилия воздействовали на нижние этажи участников процесса.

У нас «велосипедная» привычка - как на тренажере. Она вырабатывалась годами. Крути колеса, а каков результат - это другой вопрос.

Если бы зарплату всех, по цепочке, связать с конечным продуктом, тогда бы и результаты каждого можно было бы учитывать. Все были бы заинтересованы в результате.

По-прежнему пытаемся сверху решать вопросы, которые должны решаться на местах без всякого нажима. А у нас приучены к прессингу сверху. И приучены к тому, чтобы держать ответственность только «вверх», а не «вниз». Если бы было и то и другое, то снимали бы сами у себя провалившихся работников, а не кивали бы на Москву.

Поэтому огромные возможности открывает демократизация нашей системы. А потом надо будет включать и конституционные меры.

Горбачев. Это положение важнейшее. Большинство кадров готово к контролю сверху, а не снизу. Поэтому и стремятся все решать келейно, боятся контроля снизу. Вот это нам надо разоблачать и ломать.

Ведь начальники по-прежнему осаживают народ: не твоего, мол, ума дело!
Как так - не твоего ума? При социализме до любого дела народу «есть дело».

И этот механизм надо наладить - через профсоюзы, общественные организации...

Разберемся с этим когда-то. А сейчас надо разворачивать работу и сверху и снизу. И контролировать.

Лучше - контроль сверху. Но всего сверху не проконтролируешь. И вот тут - при взаимном контроле, сверху и снизу, - возникает роль партийной организации.

Народ же все видит и знает: в какие двери что ушло и кто унес, у кого какой уголь и у кого антрацит. И может предъявить, что знает, кому угодно. Это и есть демократия... Иначе - раздувай аппарат для учета и контроля.

...В будке в цеху мастер сидит. Он тоже управляет. А в целом все это стране стоит 40 млрд. (*на аппарат*).

Медведев. Относительно оценок нашей истории. Думаю, интерес к ней в печати закономерен. И в общество, в идеологическую жизнь эта работа внесла живую струю. Не обходится без перехлестов. К сожалению, аргументированных ответов мы часто не даем.

Постепенно центр тяжести критического анализа прошлого переносится на 20-30-е годы, на период войны и послевоенный период, а критика периода, непосредственно предшествовавшего перестройке, критика брежневщины стала ослабевать. Это понятно: журналистам, которые совсем недавно славословили Брежнева, легче критиковать далекое прошлое, труднее фактически разоблачать «самих себя».

Здесь надо бы откорректировать.

Конечно, в 20-30-х годах надо разбираться, но с опорой на достоверные данные, учитывать, что темпы развития тогда были выше. Нельзя допустить ослабления критического анализа тех проблем, из которых выросла перестройка. Ибо это важнее для наших практических задач.

Международные дела. В международном плане перестройка продвигается вперед, все большее понимание находит в социалистических странах. Руководство там официально одобрило нашу политику. И очень внимательно к ней присматривается.

В руководстве КПЧ идет соревнование в деле признания перестройки.

Однако, выступая в Академии общественных наук, Хагер (член ПБ СЕПГ) назвал нашу перестройку «оклейкой квартиры новыми обоями». Живков отошел от полупризнания, но оценивает наши действия как скоропалительные.

Зайков. Права дали директорам. И теперь они говорят: вы меня нагрузите, я начну работать, а если мне чего не хватит, буду у вас просить и требовать.

Горбачев. Не надо впадать в удрученное состояние. Механизм у нас в очень острой стадии перехода... Помните, как Ленин оценил ситуацию в физике на рубеже XX века: новая физика в родах, роды идут болезненно - она рождает диалектический материализм.

Давайте «болеть». Переболеем. Но не отступать… Без машиностроения вся перестройка захлебнется. Если мы дрогнем, начнем отступать, погубим все дело. Поэтому не «безнадежничай».

Зайков. Никакого упаднического настроя у меня нет.

Горбачев. Друг друга будем держать. То, о чем ты говоришь, - внутриминистерские методы. Пока потерпим - будем разбираться.

Зайков. Кадры на месте не изменили форм работы с заводами, с коллективами... Поставки друг другу трудно налаживаются.

Оборонка. Согласен, надо сокращать расходы на нее. Но не вдруг. Не знаем, какую из намеченных программ снимать? Если по РСД - отразится на обороне. Думаем - прежде всего об ОТР, чтоб не закладывать затраты на них в 1У квартале года.

Чебриков. То, что было 5 месяцев назад, сейчас уже смотрится по-новому.

Горбачев. Самодеятельные организации все органичнее впитываются в общие процессы. Это помогает перестройке. Они заставляют учитывать общественное мнение.

А вот когда их начинают прижимать, они выходят из русла перестройки... на митинги.

Чебриков. Организации, группы, объединения делятся на три части. Всего их сейчас по стране 32000.

1-я - и главная - это активные участники процессов обновления, активные помощники партии. Будят творческую мысль.

Видим их, но - не чтоб искать там врагов...

Горбачев. А чтоб знать, есть ли в их среде и ваш вопрос (*т.е. КГБ*). (*Смеются)*.

Чебриков. 2-я группа. Их несколько десятков. В каждой есть здоровое ядро, которое ,однако, не всегда берет верх.

3-я группа заслуживает того, чтобы за ней внимательно следить, работать с ней. Идеи «инструктируются» из-за рубежа. В ней всего 600 человек. Выпускают листовки, открытки посылают, рассовывают их и по почтовым ящикам.

...С 1961 по 1967 гг. было десять случаев выхода людей на улицу и применялось против них оружие...

Капитонов... (*никаких пометок в моей записи*. – А.Ч.).

Яковлев. Перестройка поднимает пласты демократии, которая порождает и противоречия. Сама демократия - это противоречие, которое разрешается в демократическом процессе цивилизации.

Демократию понимают как особый порядок, который меняет всю атмосферу жизни. Но перестройка и для каждого в отдельности носит конкретный характер.

Демократия - и сладкий, и горький плод.

...Бывают размашистые оценки в печати, но не они берут верх. А те, которые работают на перестройку, благоприятны для наших дел.

Что-то выплескивается, появляются неформальные объединения и т.п. - это не порождение перестройки, а наследие предшествующих периодов. Перестройка только дала им выход.

Происходит интеграция разных процессов, с перевесом тех, которые «за» перестройку. А если. нет, то мы виноваты, не умеем, не дорабатываем.

Демократия и гласность делают великое дело. И дальше легче не будет.

Люди должны пройти через социальный опыт, а мы должны позаботиться о том, чтобы этот опыт сработал на социализм.

Историки будут удивляться, как много сделано за короткий период...

Процессы надо анализировать и вовремя реагировать... Мы ведь все-таки занимаемся социальным конструированием. Общество к тому же надо лечить. Имеем дело с живыми людьми... Идеологическая борьба идет в условиях информационной насыщенности. Она будет нарастать. Это потребует нового умения бороться. Нужен очень высокий уровень квалификации, искусства. Непроницаемость общества ушла... Идет процесс индивидуализации вкусов, интересов...

Надо научиться управлять процессами, видеть перспективу. Опасность не в том, что печать что-то не так освещает. Мы сами мало даем ей пищи, нужной тематики...

Горбачев. Слабо участвуем персонально. Надо каждому из нас выходить на телевидение, опять «идти в массы».

Товарищи, всем «мой приказ»: идите на телевидение. Пусть видят ваши лица. Не только в своих кабинетах, где вас боятся, вы должны сейчас работать. Выходите к людям и защищайте нашу политику. И это же интересно - видеть, как люди реагируют, что ждут от каждого из нас.

Общество наше - не мертвое царство и не загон, где все равнодушно хрю-хрю. Оно динамичное, ищущее, страстное.

(*Яковлеву*). Ты возьми на себя инициативу, предложи товарищам, кому что сказать. Кто статью опубликует, кто по ТВ выступит. Организуй! И к иностранным корреспондентам надо выходить. Это имеет гораздо большее значение, чем мы считаем. Они дают облик современного, динамичного руководства.

Вот передо мной письмо о работе членов Политбюро. Народ выражает нам моральную поддержку «в начале большого пути». Народ воспользовался демократией и заботится о постоянном единстве партии и народа. И когда люди сталкиваются со старым «тащить и не пущать», это вносит разочарование, обижает, расхолаживает. Автор письма пишет: я пожилой человек и имею право читать нотацию Политбюро. Ну что?! Стоит послушать!

Медведев сообщает нам о том, как реагируют на процессы общественные науки. 20-30-е годы взяли под обстрел. А брежневский период - в тени, вся эта обломовщина, вся эта имитация активной работы.

Тогда, в 20-30-х гг., были жестокие методы. Но они давали результаты, а в 60-70-х - застой.

Тогда - кровавые приемы... И об этом надо сказать. Успехи кровью замазаны...

...В общем, в политико-идеологической сфере идут добрые процессы. Это само за себя говорит. Гласность надо беречь и она будет все большую отдачу нам давать.

А тогда, в сталинские, хрущевские годы оружие против людей применяли, потому что сначала не дали сработать самой демократии, которая бы и решила проблемы.

Лукьянов. Человек не почувствовал при перестройке свою бóльшую защищенность законом. А это очень важно для ее движения вперед.

Горбачев. Это значит, что суды и прокуратура остаются зависимыми.

Лукьянов. Часто строптивого прокурора партийный орган загоняет в угол.

Если смотреть поглубже - все дело в кадрах. На 80% сменили прокуроров, на 60% - судей. 400 тысяч новых людей влили в милицию. И все-таки... Очищать себя не готовы. К переменам в экономической жизни тоже не готовы. Не знают, как бороться с преступностью здесь.

Оказалась серьезно запущенной сфера законодательства, особенно - в экономической части. В трудовое законодательство заложена изначально уравниловка. Бездельника не уволишь. Малейшую деталь правовики бегут согласовывать в парторганы.

Очевидна растерянность юридической службы перед демократией. Боятся прессы. Не умеют реагировать на ее выступления... принципиально, с позиции закона.

Вообще с кадрами катастрофическое положение.

Министерства при сокращении штатов сокращают прежде всего юридические службы.

Горбачев. Не знаю, мол, никаких законов и знать не хочу!

Лукьянов. Партийные органы, не справившись с проблемами татар, прибалтов, апеллируют к старым методам: давайте арестовывать.

Горбачев. Как при Николае Кровавом! Между тем, при нем даже в 1905 году в тюрьмах сидело в десять рез меньше, чем у нас сейчас. Мы в тюрьмах кормим бездельников.

Талызин. В республиках по-прежнему рассчитывают главным образом получать все из Центра. Душевое потребление сокращается, потому что «души» растут быстрее, чем производство.

Надо переводить республики на хозрасчет.

Горбачев. Кадровый потенциал нашей прессы слаб. Журналисты экономически не подготовлены. Если есть материал в отделах ЦК, пусть несут его в газеты. Тогда не будет и узурпации этих проблем прессой, на что все время жалобы.

Талызин. О ценах выступили «Литературка» и «Известия».

Горбачев. Пусть выступают. Но им надо противопоставить авторитетных специалистов, типа Павлова из «Правды».

Ельцин. Каждый район в Москве имеет свой балл (оценку), как и каждое предприятие и т.д. Наблюдается очень большая дифференциация. В Москве это очень видно: один район можно брать за эталон, и тут же рядом другой топчется на месте. И это опять выводит на проблему кадров.

Новые секретари (райкомов) более активны. Но бывает и так, что некоторые из них по второму разу пошли в застой.

Январский и июньский Пленумы по-разному повлияли на настрой в коллективах, на их активность.

Январский сильно сработал психологически, но этим и закончилось.

Июньский поставил вопрос об экономической подготовке кадров. И оказалось, что они совершенно не подготовлены. Вот почему из 33-х районов столицы только в пяти пленумы райкомом прошли на уровне.

Беспокоит что? После январского Пленума процесс стал набирать подъем. А после июньского у людей веры в возможность подъема не стало.

До 2000 года мало кто доживет. Из этого кадры и исходят.

...Очень волнует проблема цен. Может быть, какой-то промежуточный этап начать по реорганизации цен?

Перед лицом неформальных организаций мы оказались непод-готовленными. Не говорю о тех двух тысячах объединений и групп, которые работают на перестройку, а о тех трех-четырех, экстремистских...

Горбачев. ...Действуют по примеру чехословацкого «клуба репрессированных»...

Очень смущает, что после таких съездов, как комсомольский и профсоюзный, не видно повышения их активности. Они хромают. Очень это опасно. Это же по сути политические организации.

Ельцин. Ни на что не способен горком комсомола. Сам ничего не творит и другим мешает. Опытные партийные кадры, которых предлагают (Лигачев) послать туда, на таком этапе, как перестройка, ничего там не добьются.

Мы заменяем там кадры. Новые несколько лучше прежних, но не на две головы, а нужно, чтоб на десять.

В целом люди настроены положительно. Но тонко реагируют на снабженческие проблемы. Мы сказали, что за два года увидят улучшение. Но особых изменений не произошло. И возникают вопросы... Был один период, когда стало получше, потом опять...

В общем москвичи за перестройку. Но по территориям, коллективам, по социальным группам ситуация очень разная.

Язов. Сообщает, что ассигнования на оборону уже сокращены на 10 млрд. рублей.

Бирюкова. Работать труднее, но интереснее. Перелом наступает. Другое дело, что он - медленный, недостаточный, не отвечает требованиям. И все упирается в кадры. Много еще сидит в них неверия. Не верят, что у них как всегда не отберут все заработанное.

20-25% средств оттянули от тяжелой промышленности. И нельзя корректировать, нигде не допускать обратного перелива.

Наши документы очень демократичны. Они дают предприятиям широкие возможности, каждый может решать свои проблемы.

У министерства легкой промышленности сейчас 2000 предприятий. Может ли оно управлять ими?! Наде, чтобы новый хозяйственный механизм заработал на местах. А там - учить, как работать самостоятельно.

...Иждивенчество в республиках не снижается. Выводные республики - Украина и Прибалтика - не хотят повышать темпы производства. Зачем? Нам, мол, хватает!

Горбачев. Прижать их через сырье и энергию. И нормативы дать. Пусть живут!

Бирюкова. В случае чего - остановить предприятия… пока не перейдут на новую технику.

Установка на сокращение управленческого аппарата на 40% провалилась. Выходят только на 15%.

...Спасибо, что вы нас поддержали и воодушевили. Мы не паникуем, но работать все сложнее.

Добрынин. Мы породили большие надежды не только в своей стране. И здесь проблема альтернативы: социализм или капитализм.

Там не жалеют оплачивать кадры, которые обеспечивают эту альтернативу в свою пользу. Вон сколько Рейган получает, даже уйдя в отставку!

Горбачев. Да, кадры, на которые страна столько тратит, должны оправдывать свое предназначение. Вот Талызин провел проверку, сколько задолжали кадрам... (??)

Добрынин. Неплохой подарок к 70-летию Октября: снимаем ракеты РСД и 0ТР.

Горбачев. Но все начинается здесь, вот тут (указывает на стол, за которым сидят члены Политбюро).

Горбачев заключает.

Итак, мы завершили марафон. Это крайне необходимо. По итогам нашего обсуждения я констатирую наличие неформального, а глубокого единства Политбюро. Это очень важно. Особенно если учесть, как озадачен наш противник, стремящийся нас расколоть. А у нас идет творческая работа. И при любом проявлении разных оценок сохраняется наш общий подход. Это естественно и хорошо. Наличие дискуссии среди нас так или иначе становится известным. Из наших публичных выступлений видно, что у нас есть разные оттенки мнений. Но наши недруги пытаются вклиниться в эти наши дискуссии, раздувать нюансы. Раньше спекулировали на том, будто военные или КГБ имеют особую позицию. Теперь, оказывается, армия и КГБ включаются в политику перестройки. И тогда переключились на то, чтобы разделить нас самих на группы, в руководстве нас поссорить: Лигачева с Горбачевым, Яковлева с Лигачевым, Рыжкова еще с кем-нибудь. Ищут любые лазейки. Вот почему сегодняшний разговор имеет большое значение для всей нашей политики.

Нам нужна творческая обстановка: единство единомышленников, а не однообразие. Наша общая позиция получила поддержку народа и это позволяет нам продвигать перестройку. С революциями не играют. Учитывать все факторы, все обстоятельства, но вести дело вперед - вот наша судьба.

Глубокий революционный процесс, который мы начали, должен придать второе дыхание социализму. Это очень серьезное дело, очень ответственное. Возможны неудачи, но они не должны нас сбить с толку. Мы не можем потерять дух и веру.

Второе, что я хотел бы сказать. До сих пор процесс перестройки шел за счет Центра. Задача второго этапа – развить, закрепить успех и пустить перестройку шире и глубже во все слои. Этого можно добиться только практической повседневной работой, реальными делами. В этом критическая важность нового этапа. Борьба за перестройку перемещается в города, районы, на село, в области, короче говоря – на места. Правительство, Политбюро обеспечили первый этап перестройки. Не все мы успели определить и решить. Предстоит еще доделывать. Но уже надо включаться в задачи второго этапа. Смысл его – демократизация, большая экономическая реформа.

Сейчас важно подключить всё ЦК, членов ЦК в формулирование политики кадров, в использование идеологических средств и в контроль за исполнением наших решений. Но со все большим креном на политические методы руководства, а не

организационно-хозяйственные. Для Правительства главное – хозяйственная, организаторская работа в диалектическом единстве с ЦК. Очень важно, чтобы во всех ведомствах перестраивали свою работу на основе законов. Да, и в нашей работе, в работе Политбюро, ЦК надо взять установку на действия сугубо и твердо в духе законов. Это одна из особенностей второго этапа.

Далее. Очень правильно товарищи подметили, что дело не в антагонизме, не в политическом неприятии перестройки, хотя и это есть. Для основной массы даже не монополия на власть – главная проблема. А неумение работать по-новому. И научить должны мы, стать центром притяжения сил всей партии. Самая большая трудность для людей – набраться опыта в осуществлении задач перестройки. И нужна какая-то методика для этого. Не все допустимо делать методом проб и ошибок. И учесть: если мы все централизуем, не получим нужного результата. Да, я согласен, нужно правовое закрепление перестройки. Нужна твердая основа трудового, уголовного, гражданского права. Все это требует коренного совершенствования, чтобы права действовали в новых условиях. Поэтому очень серьезное внимание сейчас к работе административных органов. Сейчас критический момент.

Мы должны учитывать, как пойдет перестройка, если некоторые процессы примут болезненный характер. Мы породили большие ожидания.

Политика построена на том, что от перестройки мы получим новое общество, качественно новый потенциал социализма будет во много раз увеличен. Это правильно. Но мы должны помнить об иждивенческих настроениях в обществе, где многие считают, что все им должно быть преподнесено на блюдечке. Но никакого чуда не будет. Цель может быть достигнута в результате творческой работы всего общества. И важно, чтобы был создан механизм осуществления перестройки, который обеспечит нам выход туда, куда мы задумали.

Надо выделить идеологическое обеспечение перестройки. Мы уделяли этому вопросу внимание. Но, мне кажется, недостаточное. В идеологической жизни сейчас появляются моменты, которые могут быть использованы и против перестройки, во вред социализму. Мы все чаще сталкиваемся с перехлестами в оценках, с вседозволенностью. С другой стороны, если мы сейчас начнем притормаживать, затыкать рты, это тоже принесет вред перестройке. Так что мы должны найти тут определенную меру.

Идеология перестройки должна быть построена на наших ценностях, которая отвечает интересам народа. Мы начинаем набираться опыта, уже не шарахаемся так, как прежде – от одного к другому, увереннее идем. Эта уверенность и должна определять наши подходы к идеологической работе.

Что касается истории, то, кажется, мы определились с подходом. Все, что выстрадано народом, создано народом, заслуживает уважения. Были потери, были отступления. Но все это требует объективной оценки того, что произошло, с позиции правды и с позиции ответственности. Если же проявляются безразличие, неуважение, цинизм к нашему прошлому, к тому, как жил народ, боролся, то для нас это неприемлемо. Это не совпадает с интересами перестройки.

Насколько я знаю, наши историки остаются при убеждении в правильности выбора, сделанного в октябре 1917 года. Да, были потери, были отступления и от социализма, попрание демократии, отход от ленинизма. И все это мы должны сказать. Прав Медведев, который здесь заметил, что сейчас явный крен в критику того, что было при Сталине, и начинают забывать о брежневщине, о периоде застоя. И забывают не случайно. Но это тоже отступление от правды. Потому что исчезает из рассуждения тот самый период, который нам и продиктовал необходимость перестройки. Много еще в нас самих сидит от того прошлого.

Отсюда и процесс торможения повсюду – и в экономике, и в нравственности, в идеологии. Все это очень серьезно, как в 20-30-ые годы.

Обратил я внимание в ваших выступлениях и на то, что комсомол и профсоюзы практически не сдвинулись серьезно на новые пути деятельности. Не годится, чтобы эти организации оказались вне серьезной перестройки, особенно комсомол. Ведь через 5 лет эти люди будут включаться в большую политику. Здесь большое наше упущение.

Мы говорили, что нужен закон о молодежи. Думаю, стоит это продвигать. Но видите ли, закон законом, а надо, чтобы сами ребята всколыхнули свою организацию. И покончить надо с тем, как привыкли уже за много 10-летий – водить их через дорогу как школьников. Стоит вспомнить прежние времена, как комсомольцы включались в самые горячие дела, как переворачивали все захолустное, закостеневшее. Пусть больше будет у нашей молодежи того нахальства, которое раньше горы сворачивало. Нам нужна бьющая ключом инициатива. Все, что откликается здорового в обществе на перестройку, нужно включать в практические дела.

О партии. Это решающее звено. Замена кадров не дает результатов. Об этом говорил Ельцин. Появляется на посту новый человек. Он честный, но сам он из прошлого времени, сам весь опутан привычками и правилами, в которых он вырос. Ему нужно научиться работать. И нужно . поддержать его. Иначе вся эта смена кадров вернет нас во второй застой, только омоложенный.

Большое счастье всех, кто работает сейчас в советском руководстве, - служить родине, да и не только ей - миру. Поэтому не надо опускаться нам до областнического

подхода. Если кто-то ставит вопрос, затрагивающий твою сферу, не обижаться надо, а проявить политический подход, достойный члена Политбюро. Напрямую надо говорить обо всем и не видеть покушения на чью-то компетенцию.

Словом, я доволен нашим обсуждением. Это обсуждение показало пример, на каком уровне Политбюро должно работать, а не чепухой, не мелочами заниматься. И очень хорошо, что у нас такой дух в коллективе, атмосфера откровенности, прямоты. Делаем одно дело. Мы на виду. С нас будут брать пример. Так что будем действовать в русле новых задач.

<u>8 октября 87 г.</u>

Рыжков докладывает О плане экономического и социального развития на 1988 год.

Горбачев подводит итог дискуссии: Мы правильно говорим о человеческом факторе, об экономических методах. Но когда считают, что при них всё автоматически заработает, – это ошибка. Нет, организационная работа останется везде и всегда. Если сейчас ее забросить, мы нанесем прямой удар по всей перестройке.

Даже когда заработают экономические механизмы, организационная работа все равно будет нужна. Причем самое опасное, когда бьют по инициативе. У нас ведь как: если кто придумает новое, сразу на это лапу наложат. Так у нас ничего не выйдет. Продовольствие, жилье и товары – вот три кита всей перестройки. И мы открыли все возможности, чтобы эти вопросы решались.

Пуго у себя (в Латвии) занялся в 10-й пятилетке ассортиментом мяса. Наладил дело, но наполовину. В общепите - хорошо. А в магазинах с мясом плохо.

...Правильно, что мы держим пятилетку. Новые процессы нарастают. Но пятилетку держать! В случае превышения плана - не подгонять под принцип «от достигнутого».

… Надо поставить дело так, чтобы не платили незаработанные деньги. ...И что-то надо делать с дисбалансом в положении республик. Половина их живут на дотации.

...1987-й - рубежный год... И надо кончать с подвешенным состоянием министерств. 660.000 человек в них занято. Надо снимать тех, кто не хочет работать по-новому.

(*Обращается к Силаеву*). Не сделайте ошибки. Ни в коем случае нельзя отступать под давлением текущих требований от модернизации и технической реконструкции машиностроения. Если сейчас мы сюда заложим старую технологию, то на 10-15 лет

вперед мы «сели». Есть такие вещи, где отступать ни в коем случае нельзя. На переходный период пусть 78 процентов промышленности работает по госзаказам, а остальные – на договорах.

Все члены ЦК, каждый, отвечают не только за свое место, а за страну. Вы должны знать – за прошлый год мы потеряли валюты на 13 млрд. рублей из-за нефти. В этом году еще 6 млрд. и еще от водки 9 млрд. Должны об этом помнить мы все, и все члены ЦК. Когда до горячего дойдет дело....

Вспомним время, не столь отдаленное. У нас задача была протолкнуть план. А присутствующим на всяких сессиях надо было только поднять руки. Генеральный секретарь зачитывал трактаты сразу после докладчика по Госплану. И все считали, что после этого все так и будет. Теперь мы знаем, что так не было и так не бывает.

…У нас нет тайн от республик и областей. Все мы повязаны единством цели в одном государстве. Но только не так, чтобы соревнование – это когда кто – кого объегорит и на какую республику больше узду наденем. Все всё должны видеть.

Я считаю, что у нас здесь на этом Политбюро состоялся предметный разговор. Акцент сместился в правильном направлении – как сделать пятилетний план реальным. Следит весь мир. По выполнению плана будут судить и о нашей линии в перестройке. Поэтому надо смотреть не с местной точки зрения, а с общегосударственной, чтобы не получилось: прокукарекали, а заря не занимается. Одобряем доклад. Но из высказанных здесь соображений - выбрать главное, изучить, и при необходимости поставить на Политбюро, так как есть вопросы, которые только мы здесь можем решить. Это - первое.

Далее, если суммировать. 1988 год - решающий для всей пятилетки. И сейчас за оставшиеся месяцы надо все тщательно подсчитать и проработать, провести предметную работу на самых трудных участках, в самых узких местах. Эти три месяца и три месяца 1988 года - решающие для всей пятилетки.

Два момента хочу отметить. Решая текущие задачи, втягиваться в крупные подходы к перестройке всей экономики. Одновременно! Прошу секретарей ЦК на основе нашего разговора действовать очень решительно. Если кто паникует, какой бы пост ни занимал – убирать. Тот, кто берется, тот и имеет право оставаться в руководящем штабе. А кто в растерянности, засопливился, тех либо на пенсию, либо на работу полегче. Это и есть демократия, а не нажим.

С таким же подходом мы должны действовать в Политбюро. Есть моменты, которые связаны с неумением. Но есть и другие моменты. Сейчас пошли разговоры: раз мы не добираем и вовне, и внутри в финансовом отношении, надо отступить от пятилетки.

Думаю, что обсуждение наше показывает, что мы все за то, чтобы сохранить пятилетку. Надо дать дополнительные ресурсы угледобыче. Если не сделаем, пятилетка затрещит. Надо не забывать этих людей, кто на угле. Поддержать их.

Второе: нет пятилетки, если 65% будет… за счет промышленности. Долгих правильно говорит: от подсчета по процентам надо перейти к конкретным планам по экономии ресурсов.

Надо видеть все причины напряженки. Реальный подход позволяет видеть резервы. У нас еще очень много излишков лежит без движения. А вот когда переведем предприятия на самофинансирование, сразу обнаружим свои резервы.

Взять, например, незавершенку. 50 млрд. рублей заморожено. Это же ведь умерщвленный национальный доход. 43 млрд. сто́ит у нас управленческий аппарат. С ума сойти! Можем мы сократить эту сумму хотя бы на 10 млрд.? Сократить ненужную науку, сократить общественные организации и даже партаппарат. Но здесь надо поосторожнее. Пока это еще инструмент перехода к новым методам. И оборонку пора принести на алтарь экономии. Посмотреть, что можно ужать в МИДе, в КГБ. Народ за сокращение аппарата. Я вот только что в Мурманске был. Криком кричат против чиновничества. Вокруг нас самих, вообще вокруг начальства челяди много. Сокращайте, товарищи. Афанасьев («Правда»), другие газеты, бейте по этому пороку.

Строго следить за балансом расходов и доходов в республиках и областях. Мы ведем крупную стратегическую ориентацию отраслей, но на местах очень много резервов за счет специфики.

Вот Прибалтика. Она гораздо больше может дать по легкой промышленности. А то ведь там говорят: нам больше не надо. Это настроение превращается в определенную линию местного руководства. С этим мириться мы не будем.

«Нам не надо! Мы удовлетворены!». Николай Иванович назвал среди таких Украину… Мы так союзный комплекс в одни сутки разрушим.

Задача нынешнего поколения руководства страной – удержать то, что в прошлом добыто и добавить к этому. Национальная замкнутость – «мое себе дороже» – этот принцип не подходит. Надо товарищей сразу предупредить.

Двигать услуги, насколько духа хватит. В Финляндии 44 процента национального дохода дают услуги, в Англии – 48 процентов. А у нас?! Вот отсюда и материалоемкость и энергоемкость… Да, мы не пойдем по пути платного здравоохранения, медицинского обслуживания, образования, квартплаты. Но в организации отдыха, в спорте, в деле ремонта жилья кое-что надо менять. И не обращать внимания на крики: не подорвем ли социализм! Вот если бы мы оказались на месте Ильича в 20-х гг., при НЭПе - тогда еще

понятны были бы такие вопли. А сейчас! При такой-то власти, при такой силе государства, при таких мозгах! Советы у нас саботируют кооперацию и индивидуальную трудовую деятельность. А здесь тоже огромный резерв. У нас много умельцев, инициативных людей. Двигать кооперативы, двигать услуги. По-настоящему! АПК, аренда, семейный подряд - откройте двери и здесь будут резервы. Сколько бы ни заработал человек - все равно соотношение между продукцией и зарплатой у нас не сопоставимо. Дайте человеку возможность получить заработанное.

Развивать личное хозяйство внутри колхозов. Все это будет вращаться в одном направлении - на подъем экономики, на сочетание личного и общественного интереса, то есть работать на социализм.

Те, кто двинул новые формы, пошло у них помалу: Прибалтика, Белоруссия, Казахстан.

Смотрите, что пишет Иван Васильев в «Советской России». Ведь это же преступление: заставляют людей сено свозить в одно место - пусть гниет, зато - колхозное!

Очень многое упирается в кадры, в организаторскую работу.

Самая настоящая политика сейчас – это экономика. Социальное обеспечение будет нарастать на базе роста экономики. От нее и сила социалистической политики.

Лигачев докладывает о генеральной схеме управления в союзных республиках.

Около 700 министерств в республиках. В одних 20 автономных республиках – 400 министров. Управленческий аппарат – 14 млн. человек. Сокращение аппарата это не только проблема экономики. Громоздкий аппарат – это среда для бюрократа и поощрения бюрократии. Предлагаем: центральный аппарат сократить на 50 процентов, краевой и областной – на 30-35 процентов. Решительно и принципиально, хотя и без шаблона. Пусть каждая республика представит свои предложения. И АПК и строительный комплекс должны сократить свои аппараты еще на 20%. И надо думать об укрупнении областей и районов. Особенно их много в Средней Азии. Высвобождать будем примерно 700 тысяч человек только по центральному аппарату. Срок – I квартал 1988 года.

В Молдавии 52 министерства. В Узбекистане - 55, в которых занято несколько сот тысяч человек. Республика разделена на 12 областей, в одной из них всего 800.000 населения.

Рыжков. Пока мы не упростим и не сократим аппарат, нам не ввести хозрасчет. Ибо эти люди задушат любую свободу экономической деятельности. Им же ведь нужны рабочие места.

Воронов. Мы уже отменили 30.000 инструкций (*по линии Госснаба*). Но пока не упорядочим с этим внизу - на самом производстве, невозможно ломать структуры в верхнем эшелоне.

Горбачев. То, что мы имеем – это результат нашей практики, когда все решения проблем связаны у нас с расширением аппарата. Других методов не было. Под каждую задачу, под каждую цель создавали какое-то подразделение, а кое-где и не под дело, а под амбиции. Это ведь последствия командно-административной системы.

Ничего хорошего для общества это не дало и не дает. Это крупный, очень сильный тормоз и в экономике, и в идеологии, и в культурной сфере. Обюрокрачивание общества произошло на втором этапе нашего развития после того, который предусматривал Ленин в «Государстве и революции».

Мы должны предвидеть, что нам скажут в ответ на сокращение аппаратов и вообще управленцев. Сначала, мол, власть создала эту систему, вовлекла людей, посадила их на места, а теперь выбрасывает, делает козлами отпущения. Мы должны иметь в виду это обстоятельство. Так что решать надо твердо, смело, но - чтобы не было неуважения к людям, пренебрежения к ним. Быстрее проработать эту проблему на всех уровнях, состыковать верхи и низы. Районное звено пока предлагаю не трогать, но избавить его от команды сверху. И АПК надо превратить из командного штаба в лидера, который помогает строить новый порядок, обустраивать кооперацию, вырабатывать новые расценки, учит, как применять науку, как использовать экономические методы.

Мураховский. Есть попытки восстановить объединения, например, мясомолочное управление в АПК (Гроссу, Молдавия). Это опасная тенденция, она подрывает интеграцию.

Горбачев поддерживает Мураховского. В районах надо поднимать авторитет Советов, заставлять их работать. Чтобы они были действительно народными. А у нас примат производства во всей жизни привел к тому, что директора не считаются с Советами. Директор пан, а Советы у него на побегушках. Надо укрепить Советы – районные, городские, тем более в республиках, не разделенных на области.

Пьянки – страшное дело. Вошли в кровь, в привычку. …Нас захлестывает самогон. И тут надо действовать очень решительно: конфискация имущества и пусть идет по миру!

15 октября 87 г.

Обсуждается проект доклада Горбачева о 70-летии Октября.

Горбачев. Что касается вопроса о войне (Отечественной), я дал поручения специалистам, чтобы представили письменно свои соображения.

Сейчас нам важно обсудить:

- Какие принципиальные вопросы не затронуты?
- Какие вещи недодумали?
- Какие сомнения есть?
- Упущено ли что-либо из существенного?

Рыжков. Доклад - не рядовой. Это политическое событие в жизни страны и партии. Подготовлен в полном соответствии с идеями перестройки.

Очень сильный текст - и теоретически, и политически. Дана четкая оценка периодов развития страны. Вопрос этот назрел. И нам, а не кому-либо, следует дать на него ответ. Оценки даны правильные.

В докладе - убежденность, что то, что делалось на каждом этапе, делалось правильно. Но допускались упущения. Однако был оптимизм, вера в то, что делали. Напомнить об этом сейчас необходимо. Потому что в последнее время много всякого наговорено о нашей истории.

Политические оценки прошлого касаются и руководителей того времени. Но оценки даются не персонам, а их политике. Это правильно. Если втянуться пофамильно, то, думаю, на данной стадии было бы неправильно так поступать.

Что касается современного периода, тут глубокие мысли. Они концентрируют внимание на том, что делается и что надо делать в дальнейшем.

Тут и отповедь определенным группам людей, которые берут на вооружение демократию, но используют ее вопреки нашим государственным интересам.

Хорошо освещен национальный вопрос. Он вызывает чрезвычайный интерес и за рубежом.

Очень большое впечатление производит международная часть доклада. Тут философия мира в сегодняшнем его понимании. Очень необходима такая трактовка, какая дана в докладе. Впервые соединены главные вопросы мировой ситуации в единую концепцию. Это - громадный вклад в теорию. А то много раз говорили о разных проблемах, а теоретической основы не хватало. Теперь подведена теоретическая база под

нашу внешнюю политику. Это упрочит и наши позиции, по которым у нас были нечеткие представления.

Думаю, в этом ключе неплохо дано и о международном разделении труда, о мировой экономике в целом...

Горбачев. Во втором разделе надо бы добавить о практической стороне в подходе к международному разделению труда. Об этом мы, помните, говорили на Политбюро 28 сентября, т.е. от философии - к практике.

Рыжков. И отметить классовую сущность мировой экономики...

Очень хорошо дано международное коммунистическое движение, уважительное отношение к коммунистам и к социалистическим странам подчеркнуто. Подход к этим вопросам - тоже большой вклад в нашу концепцию.

Словом, после отшлифовки доклад станет необычным явлением в нашей партии и на международной арене.

Какие у меня сомнения?

1. В начале доклада сказано, что подготовка Октябрьской революции заняла несколько недель. Надо расширить. Ведь большевики работали в массах много лет.

2. Поднимается роль Февральской революции. Ленин тоже об этом говорил. Но, может, немножко приглушить эту тему. Мол, не было бы Февраля, не было бы Октября. Мне понятно - был процесс. Но все-таки я за то, чтобы приглушить. Не так категорично, как здесь сказано.

3. 0 потерях 30-х годов. Сто́ит ли говорить об их объективной неизбежности? Ведь попрали ленинские принципы. И это было не оправдано.

4. 1982-й год фиксируется как начало положительных явлений. И тут же сказано о дряблости. Может быть, слово найти, сказать примерно так: «после непродолжительного времени» опять дряблость. То есть какой-то разрыв обозначить, чтобы Черненко и Андропова не ставить на одну доску.

Горбачев. Может быть, прямо фамилии их упомянуть... Одну-две строчки об этом надо дать.

Рыжков. 5. О ходе перестройки. Может быть, не надо сегодняшний момент обозначать как «крайне неудовлетворительный».

Горбачев. Попробую дать, как говорили на Политбюро 28 сентября.

Рыжков. 6. В докладе: «Июньский пленум готовила узкая группа специалистов». Это неправильно. К июньскому Пленуму 1986 года мы шли два года. И тут уже «узкая группа специалистов» готовила его. Начали-то ведь думать еще в 1982 году.

7. Не очень сильно растолковано, что такое «социалистический плюрализм».

Горбачев. Этот термин гуляет. Нам не нужен какой-то другой плюрализм. Он у нас есть - через разные общественные организации.

Рыжков. Вот и надо так, как вы сейчас сказали.

8. Последние две страницы доклада ужать. Сделать динамичнее. Не повторять того, что в начале.

9. Одна фраза есть - о подготовке новой Конституции.

Горбачев. Это специально - для начала обсуждения в обществе.

Рыжков. Посмотрим, каковы будут политические последствия этого шага. Чтобы готовить новую Конституцию, надо иметь фундамент для этого.

То, что записано, мы сейчас развиваем... демократию и прочее ...

Если корректировать, что имеем, и создавать новое, надо обосновать - почему, и что такое это новое...

Вопросы еще перемалываются жизнью. И опять - всенародное обсуждение? Но одно дело - такое обсуждение в 1977 году, другое - сейчас. Выплеснется много негативного. Особенно по национальным делам, да и по другим.

Стоит ли? Не назрел вопрос.

Лигачев. Этот доклад ждут во всем мире. И когда изучат, проштудируют - надежды оправдаются.

Мы уже говорили с Михаилом Сергеевичем насчет некоторых вопросов... Повторю здесь.

Вычленены основные вехи нашего первопроходческого общества. Дана каждой верная политическая оценка... как и деятельности отдельных личностей.

Хотел бы подчеркнуть очень важный принципиальный вопрос - идейная борьба с троцкизмом. Это имеет значение и для сегодняшнего дня... Ибо оппортунизма в международном комдвижении много.

Хорошо показана деятельность КПСС в 20-ые годы. Но добавить о ГОЭЛРО. Это ведь материальная подготовка социализма - и его производительных сил, и его производственных отношений. Это имеет принципиальное значение.

Много опубликовано о 20-30-х гг. с полярно противоположных позиций. «Правда» и «Советская Россия» вели эту работу ответственно и со знанием дела. А в других изданиях написано столько, что неясно - как оценивать теперь коллективизацию, культ личности и т.д. Поэтому в докладе важно сказать, что, с одной стороны недопустимо замалчивать достижения, а с другой стороны - нельзя не говорить о потерях, о тяжелом прошлом. И по объективным, и по субъективным факторам нужны уточнения, хотя в целом - шли правильно.

Доклад будет иметь огромное значение и для внутренней, и для внешней политики.

Большое впечатление производит международный раздел доклада. Многие вопросы поставлены по-новому. Отмечены большие процессы в мире.

Доклад и построен своеобразно - не в канонической, привычной форме.

Он будет сильно стимулировать антиядерные движения.

...Еще раз хочу подчеркнуть: не надо переносить проблему выживания социализма на проблему выживания человечества в целом.

В конце нужны установки для дальнейшей идеологической работы.

Цены ему, докладу, не будет. Очень долго суждено ему жить. Он будет иметь огромное влияние на нашу страну и на международное коммунистическое движение.

...Когда такое дело поднимает наша партия, мы-то выдержим. Но международное коммунистическое движение не так сильнó. Выдержки у многих может не хватить. И это обстоятельство надо бы учесть при дальнейшей работе над докладом.

Громыко. Какой рождается акт! Такие акты - это не юбилейщина. Они делают историю.

О чем говорит доклад?

С начала и до конца проведена мысль: существует капитализм и существует социализм, который родился 70 лет назад. Он ни у кого не просил разрешения, явился на свет как плод объективного процесса человеческого общества. Последующее развитие подтвердило этот вывод. Это придает особую силу докладу... и уверенность, что социализм развивался и будет развиваться дальше. И через 1000 лет нести благо народу и всему миру.

Сколько было ответственных рубежей, через которые прошел СССР! И прошел, и стал сильнее, чем когда бы то ни было.

Эта уверенность, которой пронизан доклад, самый ценный наш капитал.

После Октябрьской революции наиболее ответственный рубеж - война, в которой мы разгромили самую мощную враждебную силу. И только потому, что была создана социалистическая держава. Иначе страна потеряла бы свою независимость, перестала бы быть самостоятельным государством. И кто знает, в каком направлении пошла бы жизнь других стран.

...А если бы не было колхозов, как бы страна выжила в такой войне?!

Очень важная тема в докладе - партия Ленина при Ленине и партия Ленина после Ленина.

Троцкизм хотел разрушить партию Ленина. Доклад правильно освещает этот вопрос и популярно его разъясняет. За это и за рубежом и наш народ выразят удовлетворение.

Как бы ни подчеркивали теперь теневые стороны во время культа личности и ни выпячивали преступления того времени, нужно видеть положительную сторону нашей истории. Партия обеспечила победу в войне, выживание социализма и его дальнейшие успехи.

А теперь делаем **перестройку**, потому что есть что перестраивать. Если бы не было чего перестраивать, тогда не надо бы и затевать...

Важно провести в докладе линию: основная сила государства - в роли партии, которая, несмотря на отклонения и даже преступления, вела страну по ленинскому пути. У меня нет сомнений, что роль Сталина в докладе освещена правильно. И правильно сказано о произволе и беззаконии. Это надо сказать со всей четкостью.

Заслуга Хрущева, что об этом было сказано народу. Другое дело - не совсем так, как можно бы. И не разделено, в какой степени Сталин виноват, в какой - не он, особенно - в период войны. Бывает трудно все расставить по своим местам и через 100 лет. А Хрущев-то ведь шел по свежим следам.

Поэтому правильно вопрос поставлен в докладе. Бывает, что истина в том, что ее нельзя установить точно.

...Культ ударил по нашему потенциалу. Если бы не это, мы бы выглядели сейчас еще лучше.

В докладе пропорции плюсов и минусов соблюдены. Этот доклад - в принципе - об исторических успехах социализма, партии, рабочего класса, о том, что мир может теперь опереться на социалистические плечи Советского Союза в предотвращении мировой войны.

Если бы не было социализма со всей его мощью, со всеми его мускулами, взлетела планета при наличии таких ядерных планов у США и Англии?

Можно бы на этот счет поискать какое-то сильное слово... Но и так хорошо сказано в докладе.

...Никогда не надо забывать, что у нас есть классовые враги.

Правильно доклад обращается к братским партиям. Люди должны вычитать в докладе нашу оценку перспективы, общие условия общественного развития, которое приведет к ликвидации эксплуататорского строя, к победе народов. Они будут жить в обществе, о котором мечтали Маркс и Ленин.

Да, в докладе, на такой трибуне надо избегать резких формулировок, мол, что мы ожидаем скорой революции в мире. Но не стесняться утверждать, что мы стоим на почве марксизма-ленинизма, который отражает общий ход развития в будущем. И пусть все это учитывают. И такая мысль в докладе проведена. А резкостей нет, к которым можно было бы придраться.

Коммунисты есть коммунисты. Мы верим в силу марксизма-ленинизма.

Хороший доклад. Сильный. Произведет сильное впечатление и в стране, и в мире.

Горбачев... В главных вопросах...

Долгих. Смею утверждать, что это выдающееся историко-поли-тическое произведение. Правильные оценки всех этапов. Главное -убедительные аргументы, подтверждающие правильность их оценок. Взвешенность оценок и политическая строгость. При перехлестах, субъективных подходах, которые сейчас мы наблюдаем, чрезвычайно важен такой доклад.

Взвешенность пропорций и в отношении личностей. Роль Ленина - сдержанно, но достойно. Роль Сталина - жестко, но правдиво. Верно и в отношении Хрущева и Брежнева.

Повторяю: сбалансированно даны оценки всех периодов, в том числе Февральской революции. И создается ощущение слитности всех периодов. И просчеты в каждом случае связываются с предшествующим этапами. Это диалектично.

Доклад очень здорово продвигает нас вперед и в теоретическом, и в политическом, и в практическом плане.

А относительно перестройки идет дальше январского Пленума.

Международный раздел. Это новое слово во внешней политике. И не только слова здесь - колоссальный рычаг влияния в «третьем мире», на национально-освободительное движение, а также урегулирования роли ВПК в политике.

...Очень важно при доработке доклада не испортить его: мы тут многое наговорили, но и сам хочу отметить некоторые моменты.

Стр.4. О партии Ленина. В Октябрьский период - слабовато дана роль **всей** партии, которая провела колоссальную теоретическую работу, политическую борьбу, взвалила на себя историческую заботу… Следовало бы иметь в виду: народ ведь вели не в никуда.

Стр.15. О роли личных моментов в борьбе с троцкизмом. Дважды подчеркивается, что Сталин и Троцкий были врагами. Не надо. Главное было в политике. После Ленина партия взяла курс на индустриализацию. Это правильная позиция. И дело было не только

в потребностях страны. Задача эта стояла в связи с необходимостью защиты революционных завоеваний. Здесь - военный аспект тоже был.

Стр.27. Тему Отечественной войны следовало бы еще приподнять в докладе.

Горбачев. Это было испытание. Народ защищал новый строй, социалистический. «Историческую ошибку» народ не стал бы защищать Народ - партия на фронте и в тылу, героический подвиг...

Долгих. Из военных руководителей упомянуто всего 4 человека.

Горбачев. Даже 5 или 6...

Долгих. Надо системно подойти, назвать командующих фронтами, а к концу войны - всех маршалов, но только - военного периода.

Горбачев. Будем называть?

Все в один голос. Будем!

Горбачев. Тут возникает трудность: чем больше расширять перечень имен, тем труднее кого-то исключить. Может, взять только заключительный период войны?

А министры? Как их не упомянуть. Они ковали победу в тылу.

Долгих. Когда переходим к 60-70-ым годам, сразу темпы промышленного роста увеличились вдвое. И это не корреспондирует с критикой застоя. Может, выделить отдельно 8-ую пятилетку?

Горбачев. Надо за весь 20-летний период после войны показать плюсы. Но и уловить, когда пошло вниз.

Долгих. Когда речь идет о демократии и гласности, не упомянуть ли об экстремистских требованиях: мол, подавай все сейчас и сразу?

На стр.47 я бы исключил оценку подготовленности кадров. Что она не отвечает потребностям - это правда. Но чуточку поаккуратнее, чтоб не обидеть заслуженных людей.

Докладу предстоит долго жить и действовать в интересах партии и народа.

Ельцин. Доклад ждут. Он заполнит учебники и для многих станет учебником. Будут вчитываться в каждое слово, особенно относительно исторических оценок.

В целом правильно, что сделан акцент на традиции. На этом этапе, какой мы сейчас переживаем, доклад произведет очень сильное впечатление и может быть принят обществом. Лично моя реакция:

1) смещены акценты Февральской и Октябрьской революций в пользу Февральской. Вряд ли это правомерно. О Февральской революции сказано больше, но почему-то не упомянуто, что она была буржуазно-демократической. Можно сказать крупнее о том, на что были направлены усилия партии между Февралем и Октябрем;

2) раскрыть, как завоевывали большевики власть в Советах. Нужно больше отдать должное Ленину, может быть, слить в единый блок - о его роли как теоретика и политика революции. Сказать о его ближайших соратниках – Свердлове, Дзержинском, Калинине, Фрунзе;

3) Политбюро при Ленине – это ближайшие соратники. Если пойти по всем именам, то может получиться, что воздадим больше не тому, кому следует, и не так, как располагались они при Ленине. В частности, как расставить роли Сталина и Бухарина? Очень положительно, что в докладе сказано о разгроме троцкизма. Теоретически Троцкого разгромил Бухарин, отстаивал линию Ленина;

4) отметить личные качества руководителей. Недаром еще Ленин придавал им такое значение, потому что они трансформировались в политические позиции. Тут диалектика. Короче говоря, надо сказать о личных качествах соратников Ленина. Сказать о Каменеве и Зиновьеве. Тут был процесс. Но, может быть, еще и подумать об этом, чтобы сразу не оглоушивать всех именами, которые столько времени были под запретом.

На Пленуме, например, сказать о Бухарине, Рыкове. Подчеркнуть, что надо заняться этими фигурами – Бухарин, Рыков, Томский. В докладе выпал период Гражданской войны, роль народа в ней.

Горбачев (реплика). Правильно. Очень важно, что народ пошел за революцией.

Ельцин. Гражданская война - составная часть революции. Надо дать расстановку классовых сил в 20-х годах. Тут бросается в глаза разница в объемах двух блоков – индустриализации и коллективизации, в пользу последней.

Горбачев. Да, надо уравновесить, да и нелогично получается.

Ельцин. Оценки некоторым деятелям я бы предложил дать напрямую.

Горбачев. Но все ли, что обещала нам дать комиссия (по реабилитации), успеет нам представить?

Ельцин. Может быть, уменьшить оценочный блок относительно деятелей того времени. Согласовать оценки, когда они станут известны, на комиссии Политбюро. А так может возникнуть очень много вопросов.

Что касается современности, очень важны вопросы сроков, на которые рассчитана перестройка. Люди ждут тут четких формулировок.

Горбачев. 16-20 лет, а ближайшая задача – 2-5 лет. Это заслуживает, чтобы обдумать.

Ельцин. Это надо обдумать. Люди внимательно следят. Лучше уйти от этапов, сказать просто, что будут ближайшие задачи, последующие и дальнейшие. О новой Конституции не говорить, тем более - без аргументации. Сильнее сказать об

организаторской роли партии. Этот вопрос неровно идет в докладе - где затушевывается, а где выделяется. Может быть, в заключении доклада дать роль партии за все 70 лет?

Горбачев. Согласен. Акцентировать в конце, монолитом дать.

Ельцин. А потом сказать - с чем же мы пришли к 70-летию?

Горбачев. По правильному пути идем: вот итог 70-летия!.. Иначе, забредем не туда. Вот Февраль. Я считал необходимым подчеркнуть величие достижений Февральской революции и хочу аргументировать это. Октябрь вобрал в себя все от того, что начато было в Феврале. Согласен, слова «недели» (период до Октября) не точны. Но, вообще, Февральская революция – интересная вещь. Она отличается от всех революций прошлого. И главное отличие в том, что ее сделали рабочий класс и солдаты.

Гениальность Ленина состояла в том, что он увидел ее потенциал. Ведь все его соратники оказались на порядок ниже в понимании возможностей Февраля. Все настаивали на легальной оппозиции буржуазному правительству - и Сталин, и другие. И уже успокоились. А появился Ленин и с ходу сказал: «Да здравствует социалистическая революция!». Ибо он разглядел особый характер Февральской революции, ее специфику, связанную с Советами. То есть не только понимал ее с точки зрения движущих сил, но и указал на важность формы движения.

Прав Ельцин, что нужно подчеркнуть, как завоевывали большевики Советы. Временное правительство перескакивало с одного на другое, на третье и пыталось навязать себя стране. Но вело дело так, что чувствовалась классовая ограниченность вождей Февраля. А народ не соглашался. И на этом была построена тактика Ленина. Февраль – очень интересное явление. И в оценке его проявился гений Ленина.

Троцкий объявлял, что Ленин за рубежом оторвался от российской действительности. А ведь и УI съезд РКП(б) показал, что он видел все лучше и дальше. Убежденность, прозорливость - вот главная отличительная черта гения. Без Февраля не было бы Октября. Призываю вас согласиться с моими оценками. Впервые мы так ставим вопрос. А о роли Ленина, согласен - нужно больше сказать в этом разделе. Буржуазно-демократический этап революции – это период, когда по мере обострения всех противоречий создавалась политическая армия Октябрьской революции. Отсюда - вся ленинская концепция революции.

Рыжков. Нет особенностей периода. Поэтому и получается несогласованность.

Горбачев. Вот это правильно. Надо подумать.

Зайков...

Горбачев (ему смеясь). На Февральскую революцию не нападай!

Зайков. Историчность - положительная черта доклада. Вообще форма хорошая, доходчивая. Для народа доклад. И за рубежом правильно поймут. Тут и история партии, и история государства.

Очень ценный документ. В условиях гласности он будет сильно работать на перестройку. В Ленинграде хотят больше ясности во всех вопросах. И здесь она появилась.

В докладе дается правдивая оценка нашей истории, о которой многое либо замалчивалось, либо давали полуправду.

Хочу предложить (от имени ленинградцев) - чтобы сказано было в докладе о «ленинградском деле», может быть, всего два слова. Ленинградцы знают, кто, где, за каким забором и за что лежит.

В части экономического раздела я поддерживаю замечания Николая Ивановича.

Согласен с товарищами, что о пересмотре Конституции пока не говорить.

Горбачев. Может, на партконференции сказать?

Зайков. Предложил бы два слова сказать и о международной обстановке в предвоенный период.

Горбачев. Мы это предусмотрели для Пленума (который будет перед торжественной сессией Верховного Совета). И там Яковлев выходит на версию о начале мировой войны, а именно - 23 августа 1939 года (договор Молотов-Риббентроп). Но ведь и до этого были: и политика Англии (натравливание Гитлера на нас), и была Испания, и Абиссиния, и Мюнхен.

Может быть, стоит эту тему перекинуть с Пленума в доклад?

Зайков. О тружениках тыла надо бы сильнее сказать.

В целом же доклад станет мощным оружием перестройки - внутри и на международной арене.

Шеварднадзе. Очень глубокое впечатление. И должен сказать, что трудно представить себе, что впервые после Ленина дан такой объективный анализ того, что произошло в партии и в стране. Докладов у нас было много. Но еще больше в них было субъективных трактовок, своекорыстных соображений и личного интереса.

Задача нашего поколения - дать объективный анализ произошедшего.

Я сомневаюсь, удастся ли еще на принципах перестройки, учитывая противоречия в обществе, найти самые разумные, трезвые оценки и формулы на будущее.

Этому поиску в нашей главной задаче доклад отвечает.

Доклад дает объективные, научные оценки, в нем - диалектический сплав прошлого, настоящего и будущего. Там все продумано. Основная задача доклада решена.

Очень сильный международный раздел и особых поправок не требует. Может быть, взять последние наблюдения из статьи Михаила Сергеевича в «Правде» 17 сентября (к сессии ООН), мысль о начале зрелой разрядки, о ростках новых явлений. А так - теоретически, концептуально эта часть есть уже.

О прошлом. Сейчас я почувствовал: все нам (руководству) говорят: у вас, мол, есть что критиковать... Но в докладе не соблазнились на безоглядную критику прошлого. Удалось найти правильные, объективные подходы.

Трезвые оценки... И великодушные в отношении тех и того, где не было корысти, злоупотреблений. Чувствуется, что мы показываем ответственность перед будущими поколениями в оценках прошлого. Народ это оценит.

О Гражданской войне. Сама Октябрьская революция - самая бескровная из революций. Жертвы же - это уже плоды интервенции, блокады... Империализм показал свое лицо.

О пересмотре Конституции... Я бы не стал снимать из доклада этот вопрос. Правда, ее возможности не исчерпаны. Еще 10-15 лет можно было бы ее реализовывать. Но много в ней связано с застойными явлениями, с формализмом, с девальвацией многих ценностей... Дорабатывать ее - потребуется лет десять.

...Плюрализма не надо бояться.

Горбачев. Из-за этого мы уже отдали «самоуправление» ревизионистам.

Шеварднадзе. Фраза «ликвидация кулачества как класса»... Само выражение это на Западе ассоциируется с физическим уничтожением. Так и было.

Может быть, не то слово? Ибо это ассоциируется с беззаконием и ошибками. Идею сохранить. Но слово... другое поискать.

Доклад - на уровне революционных процессов в нашей стране.

Чебриков. В докладе мы получаем прочтение истории в духе правды. Но каждый ищет в этой правде свое, а многие навязывают свою правду.

Горбачев. У нас история одна и правда одна.

Чебриков. Четкие позиции в отношении сегодняшнего дня и в отношении истории сейчас очень важны.

...В Ленинской школе слушателям прочтена лекция об «Анти-Дюринге». Лектор утверждает: Маркса мы не знаем и теоретических позиций у нас нет.

В литературе господствуют Рыбаков («Дети Арбата»), Бек, Дудинцев. Почему художественные произведения у нас стали основами марксизма-ленинизма?!

Горбачев. Нам самим не надо отставать.

Чебриков. В жизни «Дети Арбата» - пособие по «Анти-Дюрингу».

...Доклад - это большая веха в нашей жизни. О Февральской революции... К Молотову пришел один писатель. Спрашивает: как, мол, вы во время Февраля себя вели, что собираетесь в мемуарах писать? Молотов ответил: Знаете, пока Ленин не приехал, мы не знали, что делать.

Горбачев. Большевики готовились стать легальной оппозицией...

Чебриков. Оценку троцкизма в докладе я разделяю. Но редакционно подправил бы.

<u>О кулачестве</u>. Я за то, чтобы усилить тему о ликвидации кулачества. Это - последний эксплуататорский класс. «Ликвидация» - не «ликвидация», дело не в слове. Его можно и снять. Но суть борьбы с кулачеством оставить. А тут (в докладе) недомолвка.

<u>О Конституции</u>. Согласен с товарищами: пока не говорить, во всяком случае - в такой редакции.

Горбачев. При ликвидации кулачества задели значительную часть **всего** крестьянства. Политика по отношению к кулачеству была в принципе правильной, но как ее проводили - вот вопрос.

...Если на партконференции выйдем на вопросы демократии, тогда подойдем к Конституции.

Чебриков. Группа лиц вышла на улицу с листовками о новой Конституции. Там утверждается, что нынешняя не соответствует перестройке. Конституция не должна быть идеологизирована. И в ней не должно быть руководящей роли партии.

Ходит идея, что у нас «авторитарно-бюрократическая модель социализма». А ведь это западная формула.

Горбачев. В теоретических работах и раньше содержалась эта мысль. Я старался избежать таких оценок. Бухарин был в свое время очень обеспокоен авторитарными методами руководства. И полемизировал с Лениным. Запад теперь позаимствовал эту формулу у Бухарина.

Однозначно о нашем социализме не скажешь. Ведь народ пошел по предложенному пути. И руководство, как видим, начало понимать, что ошибалось...

Слова «методы», «модель» снять. Но вопрос оценки оставить.

Чебриков. О «природе империализма». Ответ на этот вопрос ищем в жизни. В программах компартий сказано, что такое империализм.

Мысль в докладе учитывает три момента. Природа империализма остается. Но возможности противостоять ему таковы, что ему придется кое в чем перешагнуть через себя. Тут есть смешение разных вопросов.

Советский Союз нуждается в том, чтобы участвовать в мирохозяйственных связях, которые в основном построены на частной собственности. Полностью такое участие мы никогда не отвергали. Но подумать, как сказать об этом, с учетом всяких идей конвергенции.

Горбачев. Ты в другом прав. Из текста вроде получается, что мы сейчас не включены. А надо особенно подчеркнуть, что через перестройку процессы взаимосвязей у нас углубятся... А ты судишь с позиций идеологических... Я Сахарова тоже читал.

Чебриков. Термин «Интернационал» не всегда понятен. Ведь их было три или четыре. Очевидно, речь в докладе идет о III, Коммунистическом Интернационале.

Вообще раздел о комдвижении стоило бы подсократить. Для такого торжества он слишком раздутый.

Горбачев... И попахивает из-за его многословия нашей растерянностью что ли... перед нынешним положением в нем. Мы вроде бы неуверенность свою выдаем в вопросе о равнозначности и способности партий.

...Очень ответственный сейчас, на данном этапе, вопрос. Непозволительно, чтобы от нас исходила неуверенность. Сейчас ведь все - и реакционные, и левые - хотят отвоевать плацдармы у МКД.

Чебриков. Доклад будет значительно лучше после переработки. И мы его, может быть, не узнаем.

Алиев. Доклад очень глубокий - философски, политически, идеологически. Он очень объективно, взвешенно и очень четко воспроизводит историческую правду. Отличается от всех докладов, посвященных прошлым юбилеям. Он новаторский, нетрадиционный.

Нет звонких слов, надуманных выражений, рассчитанных на эмоции. Он носит деловой характер, не теряя своей торжественности, и тем самым вызывает эмоции.

Особая ценность доклада в том, что до него никогда мы не имели объективной, справедливой, частной оценки пройденного страной пути, особенно, после Ленина.

Все правильно сделано... Согласен, что о Февральской революции надо сказать по-новому и в связи ее с мировым революционным процессом.

О Гражданской войне и, особенно, о 20-30-х годах. Писали у нас об этом периоде много. А он оставался темным. При Сталине его освещали «как нужно». После Сталина - индустриализацию и коллективизацию подавали, не показывая, что пережили люди, чтоб пройти этот период.

Очень сильно звучит 2-ая глава - о развитом социализме. На эту тему после Апрельского пленума много сказано. А здесь концентрированно изложено и производит

сильное впечатление, дан революционный характер перестройки, уточнен и углублен ее переходный характер. Однако сроки не надо называть. Был уже случай... с Хрущевым (*намек на обещание построить коммунизм к 1970 и 1980 годам*. - А.Ч.).

Горбачев. Но народ говорит: «долговременные планы» - это что, без конца? И есть ведь прямые, неотложные, горящие задачи.

Алиев. А сколько терминов было? «Зрелый», «развитой» социализм... Теперь какой?

Горбачев. Надо так давать или не надо? Может, - «в начале развития»... или «развивающийся социализм», «начало переходного этапа» к коммунизму... Но в докладе таких вариантов нет (*смех*)... Можем сослаться на Маркса.

Алиев. Очень хорошо сказано по национальному вопросу - откровенный подход, хорошая основа для дальнейшей плодотворной работы.

Хороший ответ - и нашим историкам, и врагам, и друзьям.

Что касается Конституции, то все равно придется идти на принятие новой. Но, может быть, в этом докладе о ней не говорить.

О «плюрализме». По сути вопрос мы приемлем. Но поскольку слово иностранное, может быть, смысл его выразить каким-то нашим словом.

О кулачестве. Сказать о ликвидации «как класса», подчеркнуть что имеется в виду политическое решение, а не физическое уничтожение людей.

«Авторитарно-бюрократический» (*строй*). Согласен со смыслом оценки. Но поискать надо бы другой термин.

Щербицкий...

Горбачев. Мне очень хотелось перекинуть мост от Ленина последних дней к перестройке. Здесь - ключ к ее пониманию.

Щербицкий. Доклад остро ставит вопрос об исторической ответственности партии за судьбу страны. За исключением отдельных формулировок я принимаю все.

О культе... И переживал, и возмущался, готовя доклад. Эта тема очень актуальная сейчас. В докладе она дана взвешенно.

О Хрущеве: сказать и о плюсах, и о минусах. То же - о застойных временах. Разделить одно от другого. Но не надо всех в одну кучу: и Черненко, и Андропова.

Национальный вопрос. Предложил бы усилить обобщения об образовании СССР. То же - о войне.

Горбачев. Сильнее, видимо, сказать о партизанах, о факторе дружбы народов в войне...

Щербицкий. Упоминание о Конституции вызовет суматоху. Уже начались всплески с требованием о выходе из СССР. Творческая интеллигенция густо занялась правом выхода. Муссируется тема национальных языков.

Я бы отложил вопрос о Конституции до партконференции.

Очень сильный международный раздел доклада. Но в изложении нового мышления упущен принцип «разумной достаточности».

Горбачев... Во 2-ом разделе говорится об НТР, ресурсосбережении, о национальном доходе, о плане... А то Медведев уже бомбит: опять, мол, пренебрегаем проблемами экономики.

Но у нас нет такой претензии - все выявить и все объяснить. Тут постановка вопросов... для дальнейшей разработки.

Щербицкий. Надо бы поредактировать с учетом того, как будет восприниматься на слух. Не жестковато ли. Ведь на массу рассчитано.

Воронин. Политбюро обсуждает очень принципиальный доклад. Он проливает свет на всю нашу историю. Оценки даны с уважением по всем этапам этих 70 лет.

Тут есть ответы - и для нас, и для недругов - на вопросы, которые являются предметом спекуляций.

Мы, многие из нас, свою историю знаем не только по книгам. Многому были свидетелями и участниками,.. если не считать самого Октября. И когда читаешь, возникает чувство, будто пропустил через себя, через душу все выстраданное страной.

Все мы ждали, какой будет проект. Теперь видим, с какой ответственностью вы отнеслись к докладу. Наши ожидания оправдались. Доклад действительно дает ответы, каких мы ждали.

Отмечу ряд моментов.

Согласен с замечаниями, высказанными здесь товарищами. Со своей стороны:

1. О воспитании патриотизма. Звучит слабовато. А вопрос очень актуальный - особенно для молодежи, которой нужно вложить чувство гордости за путь, который прошли, за вклад страны в мировой прогресс, т.е. чувство советского патриотизма. Сказать надо более емко, более эффектно.

2. Много спекуляций, стереотипов о нас в Америке. Этому надо дать ответ. Потому что подхватывается и нашими консерваторами, и леваками, в печати, среди интеллигенции, да и в народе... Крайности. Поэтому еще раз посмотреть, как лучше в докладе раскрыть суть нынешнего этапа перестройки.

Об индустриализации, о коллективизации в наших публикациях много отклонений в ту или другую сторону. Например, «Правда» публикует доклад Лиханова о

Детском Фонде. Детские дома там показаны как результат 1937 года и раскулачивания. Это перекос.

Загладин по ТВ, сопоставляя прошлое и настоящее, говорит о «пропасти» между ними.

Громыко. Это - в погоне за громкими словами. Поддаются этому даже люди на таком уровне...

Горбачев. Но ведь доклад Лиханова кто-то читал предварительно?..

Воронин. Важно отделить все эти моменты - плохое от хорошего... Чтоб все было ясно. Правильно предлагает Медведев подкрепить еще экономическую тему во 2-ом разделе.

Соломенцев. Доклад составлен в основном в духе постановления Политбюро и производит огромное впечатление. Начинаем вспоминать, как было в прошлом - главное содержание истории нашего общества.

Горбачев. И не для того, чтобы счеты сводить, душу рвать...

Соломенцев. Хорошо сказано о достижениях за 70 лет. Но я бы предложил, учитывая Запад и молодежь, поднять еще о достижениях.

Почему? Когда мы стали открыто критиковать свои недостатки, компартии бросают упрек: мы, мол, шли за Советским Союзом, а вы все это теперь черните.

Надо объяснить, почему мы критикуем: если бы не было у нас недостатков, мы бы продвинулись гораздо дальше, решили бы свои задачи раньше.

Почему мы победили? Потому что, несмотря на извращения, народ видел: не партия в них виновата, а кто-то, какие-то отдельные группы это допускали.

Народ горой за партию. Люди шли на расстрел с именем партии.

В общем же, я считаю, что в докладе баланс соблюден. Показан условия, которые способствовали определенным явлениям.

Горбачев. На первых заходах к тексту назывались имена...

Соломенцев. Имен не нужно. Но в принципе дать сильно об извращениях. Еще сильнее показать героизм в войне. А послевоенный период! Восстановление. Разве не героизм?! И какой интернационализм проявило наше общество. Разрушенную до дна Белоруссию, например, восстанавливали все республики.

О Конституции не надо говорить в момент, когда мы разворачиваем изнурительную работу по перестройке. А вот когда получим результаты, решим кое-какие важные вопросы, вот тогда и о Конституции поведем речь - о ее дополнении, о поправках к ней и т.д.

Надо подчеркнуть ответственность всех членов общества за решение задач перестройки.

На стр.31 - термин «обломовщина». Не надо. Говорится о том, что раскулачивание задело немалую часть середняков. Какую часть? Нужно яснее... В разных районах перегибы сказалось по-разному.

Горбачев. Помню, как моя бабка оценивала коллективизацию: какая, говорила, вражда пошла, брат на брата, сын на отца, через семьи она пошла.

Давали сверху разнарядку - столько-то кулаков выселить. Вот и подгоняли под цифру, неважно, кулак ты или нет. А в 1937-ом, такие же разнарядки давали на расстрел: столько-то с района, столько-то с села!

Соломенцев. Но в печати у нас как сейчас: кто постарше - сталинист! Некоторые, например, «Московские новости», договорились до чего: какая, мол, перестройка?! Где вы ее видели?! Одних на других поменяли, но все - и те, и другие - сволочи!

...Литовского председателя колхоза, знаменитого, Героя Соцтруда в грязи вываляли.

Горбачев. Критерий для всех один - отношение к перестройке! Без различия званий и заслуг.

Яковлев. Правильно говорят, что этот доклад ждут и в мире, и в стране. Существует напряженность в этом ожидании - ждут ответов на вопросы о прошлом и настоящем.

В докладе очень хорошо показана неординарность обстановки. И приходится давать неординарные ответы. С этой точки зрения доклад заслуживает поддержки - не только его концепция, но и «материализация» этой концепции.

Он юбилейный, но это - не юбилейщина. И реализм. Грань - где достижения, где недостатки. Если склониться туда или сюда, сразу же теряются объективность и реализм.

Доклад открывает большие возможности для теоретической и идеологической работы.

Доклад задает вопрос - что же мы перестраиваем? А перестраиваем мы человека, его душу, нравственную сферу.

Очень хорошо и правильно, что в юбилей Октября ставится вопрос, что строим общество высшей нравственности.

В докладе правильно задана тональность - и именно: все упирается в человека и все надо делать для человека.

С этой точки зрения оправданно обращение к прошлому - дальнему и ближнему.

Доклад не ищет золотой середины, чтоб всех ублажить. Он сделан с позиции объективности.

В докладе не заявлено, что на все уже имеются ответы и больше делать нечего. Он открывает простор, указывая, над чем работать в будущем.

У прошлого есть две стороны. Одна - личностная. Именно сюда идут сейчас общественные эмоции, через нее идет нравственное возвышение. Но главное - это общественная сторона прошлого. И почему могло произойти то, что произошло?

Горбачев. Никто еще не сказал,... а в докладе навязчиво, несколько раз сказано, что ответ на этот вопрос есть: не хватало **демократизации**: и в 30-х гг., и при Хрущеве и т.д.

Помните сентябрьской Пленум 1953 года? Тогда уже почувствовали это. Почему завалили сельское хозяйство? Потому что не народ, не общество решало, как с ним быть. Демократия - вот ответ. Без этого социализм не может развивать свой потенциал.

Яковлев. Вопрос поставлен честно и конструктивно - о методах, о политике, о мобилизационной модели. Такая постановка повышает доверие к партии. Ломает настроение настороженности.

Повседневная жизнь рабочих и крестьян не может быть сведена к застою или к сталинщине. И доклад предлагает критерий - совокупный подход.

Возобновление живого революционного процесса может убедить людей, ободрить уставших, снять пассивность. Это очень важно и политически, и идеологически. Перестройка выполняет эту роль. И доклад это отражает. Мы сохранили импульсы Октября, несмотря на 30-ые годы.

Какой бы период ни анализировать - а нетрудных периодов не было - везде мы видим не альтернативность социалистического пути, а его единственность. Поэтому правильна концепция «развивающегося социализма». И к успехам надо подходить с точки зрения возвышающихся потребностей.

На очень хорошем уровне международный раздел. Выводы XXУII съезда просмотрены заново, но не без того, чтобы не развить их теоретические параметры. Там много пищи для науки. Это большой шаг вперед.

Горбачев. Там ведь мы ставим трудные вопросы. .

Яковлев. О Конституции. Мы к этому придем - обрамлять перестройку в нашем Основном законе.

Новое наращивание потенциала общества - и встают новые вопросы. Иначе будет непонятно.

О Троцком. Стоило бы подчеркнуть левацкие загибы троцкизма: сверхиндустриализацию, сверхколлективизацию. Отделить надо себя от этих идей.

При доработке доклада надо не нарушить реалистический баланс между всеми его частями.

Разумовский. В принципиальном плане самое главное - это, что от доклада исходит твердая уверенность в правильности избранного пути. Искусство подачи материала в том, что утверждается вера в марксистско-ленинские идеи, позволяющие достичь громадных целей.

Своеобразно, по-земному звучит гимн партии, советскому народу, нашему строю. Это очень важно. О трагических моментах партия сама говорит словами правды - и это по-ленински.

21 октября 87 г.

С Пленума ЦК КПСС, где разразился скандал с Ельциным.

Горбачев выступил с кратким изложением доклада, который Политбюро одобрило и выносит на Торжественное заседание Верховного Совета СССР, посвященное 70-летию Октябрьской революции.

В ходе выступления он отступал от заготовленного текста. Кое-что здесь воспроизвожу:

Мы узнали недавно, что в докладе госсекретаря Шульца Конгрессу все наши общественные организации - это филиалы КГБ... Его помощник ездит по Европе с выступлениями на эту же тему.

Мы должны проявлять выдержку в реакции на подобные вещи. А вообще-то задам ему (Шульцу) вопрос: с кем же вы, американцы, хотите иметь дело? Видите ли вы что-либо новое в Советском Союзе сейчас? Как же вы думаете заключать с нами соглашения по разоружению, если мы для вас - гнездо шпионов? Если вся наша интеллигенция, согласно вашему докладу, только тем и занята, чтобы разложить Америку, выудить у нее секреты, обмануть ее, оторвать от Европы, то как же вы собираетесь иметь с нами дело?!

...Получается, что в отношении крестьянства Троцкий появился слишком рано, а Бухарин опоздал, вернее «задержался» со своими идеями и политикой.

...Вооруженные силы нужны мощные, пока не создан надежный политический механизм блокирования причин войны.

…Ленинград, Мурманск произвели на меня глубочайшее впечатление. Народ меняется сильно. Если кто-то хочет отсидеться где-то подальше от Москвы, – не выйдет. Народ не позволит.

…От узурпирования власти мы пришли к монополии на власть.

…Общее состояние экономики напряженное (в тексте было - сложное).

…Дороги – главная проблема Нечерноземной зоны. Совещание с секретарями обкомов этой зоны показало это очень ясно.

…А не отступить ли нам? Такие настроения не только у нас в отношении экономики. Они распространяются и на гласность, и вообще на демократизацию, на борьбу с алкоголизмом. Именно в этом нас поддерживает народ.

…Я видел, как на Балтийском заводе сочетают личные интересы с общественными, там подряд и прочие наши нововведения дают результаты.

Много споров идет о нормативах. Одна опасность – общий стандарт нормативов для всех, вне зависимости от конкретных условий. Другая опасность – такие нормативы, которые будут поощрять бесхозяйственность. У нас сейчас сосуществование старого и нового.

(*Апеллирует к министру финансов Гостеву, который сидит в зале. – А.Ч.*). …Про провалы наших прежних (всех!) пятилеток никто из присутствующих здесь депутатов Верховного Совета ведь ни разу не слыхал. Как не слыхали и о том, что бюджет у нас всегда сводился с дефицитом.

…Если революция, то и надо действовать как полагается в революции. Дискуссии нужны только о том, как лучше сделать. Размагничивание в пустопорожних спорах недопустимо. Политбюро будет строго спрашивать. И это не противоречит демократии.

…Каждый у нас хочет, чтобы его к чему-нибудь и к кому-нибудь прикрепили. Это отличительная черта нашего хозяйственника.

…Много у нас будет возникать вопросов, но прежде чем ставить проблему, надо разобраться в природе явления.

…Когда я в Мурманске сказал, что у нас на содержание управляющих идет 40 млрд., одна женщина воскликнула: «С ума сойти!».

…С кормушками надо кончать. И это касается не только столовых в Москве. Это касается, в частности, таких учреждений, как наш ВАСХНИЛ.

…Ответственнее надо подходить к принятию решений. Есть заинтересованные группы, которые проталкивают свои требования. А потом при реализации решений приходится корректировать. Это имеет не только экономические, а и моральные

последствия, дискредитирует нашу политику, вносит сумятицу. Нельзя без конца плодить решения.

Был период, когда надо было принять основные решения, на которых базируется вся перестройка. Но этот период в основном кончился.

…Вообще мы живем лихо: ни трудовые, ни другие ресурсы нам нипочем. В дни подготовки к 70-летию Октября из разговоров выявилось два подхода к преобразованиям: один – экономическими методами, другой – путем усиления требований. Задача не в том, чтобы обличать людей. Конечно, если человек прямо выступает против, саботирует дело, стоит на пути – тогда его надо убирать. А неумение надо преодолевать политическими средствами. Многие жизнь отдали служению стране, но сейчас не умеют по-новому, им надо помочь. У нас ведь основная масса кадров именно такова. Разносы и т.п. - это мы умеем. Но они - для того периода, который ушел! Теперь главное - поддержать и выявлять новые свежие силы.

…Не преодолена у нас еще тенденция отставания партийных организаций от процесса перестройки. Маниловщина царит во многих парторганах. А народ обеспокоен. Два с половиной года прошло, а кое-где палец об палец не ударили в смысле перестройки. Значит кто-то не хочет. Давайте тогда с такими до конца договоримся.

Мы будем контролировать и свою собственную работу, и работу всех парторганизаций.

А что касается критики, то у нас до сих пор пеленают коммунистов. Например, «Комсомольская правда», недавно опубликовала буквально детектив об одном директоре, объявившем голодовку, жалеет его.

Основная масса коммунистов, секретарей райкомов - конечно, хорошие коммунисты, но нужен контроль и помощь.

Лигачев, который вел заседание Пленума во время выступления Горбачева, спрашивает: «Как будем обсуждать?».

Голоса из зала. «Не надо! Одобрить!» и т.п.

В это время встает **Ельцин**, тянет руку. Горбачев, который, поднявшись от трибуны и заняв свое место за столом президиума, взял председательствование на себя, обращается к залу: «Дадим слово?»

Голоса. «Не надо! Мы же решили не открывать прения!» и т.д.

Однако **Ельцин** стоит и требует слова. **Горбачев** уступает.

Ельцин. Хочу сказать о работе Секретариата ЦК. Стиль работы там, особенно товарища Лигачева, не изменился: недопустимые разносы, накачки, что называется, на

высшем уровне. Я считаю это недопустимым на уровне Секретариата ЦК. Делая уроки из прошлого, надо прежде всего не допускать того, что было. Не допускать дискредитации ленинских норм партийной жизни.

…2-3 года прошли после XXVII съезда. Еще 2-3 года таких и произойдет дезориентация массы. Волнообразное отношение к перестройке наблюдается. Сначала был энтузиазм и подъем. Так отнеслись и к январскому Пленуму. Затем последовал июньский Пленум. И начался упадок в настроении людей. Реально люди ничего не получили. Поэтому, может быть, осторожнее подойти и к оценкам итогов, и к срокам выполнения наших заданий - 2-3 года.

Революции в деятельности партии за два года не сделаем. И окажемся с поникшим авторитетом партии.

Призываем принимать все больше документов и все больше принижаем их значение. Одно за другим… это уже неверие вызывает. …Сколько насоздавали институтов в одной только Москве! Было 1040, стало 1080.

Самый доверительный и самый откровенный разговор нужен. Он назрел на душе и в сердце.

Уроки за 70 лет тяжелые, тяжелые поражения. И они ведь складывались постепенно. Ибо не было коллективности в руководстве. Власть в Политбюро, как и вообще в партийных комитетах, была в одних руках. И один человек был огражден от всякой критики. У нас нет сейчас в Политбюро такой обстановки, но наблюдается рост славословия со стороны некоторых членов Политбюро в адрес Генсека. Сейчас, когда закладываются демократические формы товарищества, это недопустимо. Увлекаемся мы в эту сторону. И это может стать опять нормой. Не привело еще к недопустимым перекосам, но первые штришки уже есть. И надо предотвратить такую тенденцию.

Видимо, у меня не получается работа в составе Политбюро по разным причинам: и опыта нет, и другое. И отсутствует поддержка, особенно со стороны товарища Лигачева.

Я ставлю вопрос об освобождении меня от кандидатства в члены Политбюро. А что касается поста первого секретаря МГК, пусть пленум МГК решает.

Лигачев. Над своей работой надо каждому подумать. И улучшать ее... Все мы учимся... в сложных условиях, которые требуют колоссального напряжения. Отдаю всего себя без остатка. Так меня воспитала партия - работать так, чтобы лучше использована была воля ЦК, воля партии.

Я категорически отрицаю, будто Секретариат приставил к Ельцину людей, чтобы собирать негативные факты. Это противоречит моим взглядам. Я тоже работал сначала не в Москве... как и вы.

Щербицкий. Егор Кузьмич, вопрос глубже стоит, не о вас лично...

Лигачев. Ельцин на Урале работал. И с сибиряками у него отношения были обычные, как у обкома с обкомом. Я предложил его выдвинуть, пригласить в Москву... Но от этого мои требования, как члена Секретариата, к нему не должны снижаться.

В заседаниях Секретариата Ельцин фактически не принимает участия, не выступает даже по крупным вопросам. Даже - когда дело касается Москвы. Видимо, накапливал «материал», чтобы вывалить его здесь.

Славословие в Политбюро! Я к таким не принадлежу. У меня с товарищем Горбачевым честные партийные отношения.

Принципиально неправильно, что сначала народ был за перестройку, а теперь нет.

Как член ЦК я чувствую душой: народ нас поддерживает. А раз так - мы не закопаем перестройку, что бы ни произошло.

Разве так можно говорить о нынешнем Политбюро? Разве мы только и говорим там, какой Горбачев хороший? Всякое бывает на заседаниях. Но всегда - деловой разговор. Вопросы на Политбюро - это вопросы жизни страны. Перед июньским Пленумом два месяца Политбюро занималось подготовкой. Каждую неделю я докладывал, как идет дело.

Пришел в Политбюро Ельцин. Это была беда. На Секретариате старались действовать, извлекая уроки и из далекого, и не из далекого прошлого. Так действовало и Политбюро. Я официально заявляю это здесь, перед Пленумом. Вместе с тем Секретариат, Политбюро открыты для критики. Но центр работы переносим на дело, на практику. Особенно это касается Секретариата. И повышаем требовательность. Раз приняли решение, должны действовать слитно. Надо исправлять что-то - будем исправлять и поправлять. Но мне неизвестно, чтобы унижали человеческое достоинство, оглупляли человека на Секретариате или на Политбюро.

Ты заявляешь, что реально народ ничего не получил. Это безответственно. И нужно это осудить. Мы имеем новую атмосферу в стране. Мы всколыхнули страну. Но этого не видит кандидат в члены Политбюро. Я думаю, что он знает, как на самом деле. Но он хотел навязать свою негативную линию. Это уже не первая попытка с его стороны - навязать свои оценки с левацких позиций. Он хотел бы нас так столкнуть, чтобы мы нагородили такого же, как Хрущев.

Ему много не надо, чтобы заявлять, что все плохо. А вот увидеть, как Ленин в свое время в железнодорожном депо на одном факте увидел перспективу и политику, гораздо труднее.

Огромное наше завоевание - новая атмосфера в стране и новая политика. Будут коррективы, но в главном она правильна: прибавка в питании пошла, зарплату немножко подняли, по жилью увеличиваем. Это при всех наших трудностях. Разве Ельцин этого не знает?

Почему он провоцирует членов ЦК, заявляя им, что они не знают положения дел? И на июньском Пленуме он этим занимался, провоцировал. Но его не поддержали, и правильно не поддержали. Товарищ Ельцин обнаруживает свою политическую и теоретическую беспомощность. Вот он говорит о перестройке: то мы спешим, то медлим. Срок на 2-3 года мы никогда не определяли - ни на Съезде, ни потом. И программу за пределы 2000 года не приписывайте нам. Мы знаем, за что голосовали на Съезде.

На Секретариате идет разговор между товарищами по общему делу. Мы искали истину. Работа Политбюро - это работа и на сегодняшний, и на завтрашний день. Только так можно политикой руководить. А об отношении к Генсеку? Как у Ельцина повернулся язык так говорить?

Да, мы все уважаем Михаила Сергеевича. Я рад и счастлив, что работаю с ним. И получаем постоянную поддержку и помощь - и словом, и делом со стороны Горбачева. Я работаю давно в Секретариате и считаю, что Секретариат ведет правильную линию. Учимся? Да, учимся.

Борис Николаевич, главная ошибка Секретариата - это то, что он вас поддержал во всем, что вы делали в Москве.

Почему так произошло с Ельциным? Мы знали его по Свердловской области. И то, что произошло сегодня - не случайно. Это не надрыв или просто обида. Ты постепенно подходил к этому. Как только ты пришел в МГК, ты начал увлекаться политическим нигилизмом. Нравится, что за границей его начали цитировать. И вот он задумал новое течение, стал дистанцироваться от Политбюро. Так развивались амбиции.

Борис Николаевич перестал работать в Политбюро. Резервировал что ли свои позиции? Но почему он там молчит все время? Отмалчивается даже тогда, когда речь идет о Москве. Он резервировал свое мнение и теперь вот выплеснул, чтобы показать, что существует ельцинское направление в партии. Я думаю, Ельцин должен запомнить сегодняшний разговор.

Горбачев. Может быть, на этом и покончим? Согласимся с Егором Кузьмичем?

Голоса против.

Горбачев. Борис Николаевич, видно, специально приурочил к Пленуму выпад против ЦК, прикрыв его критикой лично Лигачева.

…О сроках в 2-3 года… Мы такого решения не принимали. Оно было бы ошибочно, внесло бы сумятицу, дезориентировало бы людей, чревато… Погубили бы дело.

Уроки (*из культа личности* - *А.Ч.*) мы извлекаем… Но с точки зрения Ельцина - не до конца. И надо, мол, создать механизм, который исключал бы повторение ошибок. Недаром же он на горкоме намекнул о желательности выделения МГК из ЦК. То есть хочет, чтобы МГК поборолось с ЦК. И сказано это было ведь не в Центральном Комитете, а в городском.

Давайте обменяемся… (мнениями).

Манякин. Товарищ Ельцин в Москве, в городской организации себя не нашел. Торговлю, снабжение запустил. Да и другие дела тоже. И заигрывание у него с народом явно. Есть такой налет.

Много плохого было сделано в Москве, чтобы рассчитывать на улучшение положения.

...Ельцин в партию вступил поздно и не получил должной закалки. Мало подходил для поста первого секретаря. Слишком быстрый рост. Политическая незрелость очевидна. Но не надо драматизировать. Естественный результат процесса привел к тому, что мы видим: мальчишество, форма заявления о себе - хлопнуть дверью... МГК делает вроде все, чтобы возмутить москвичей ситуацией в торговле. Я представил материал о безработице в московской торговле. А павильончики - это показуха.

Обсуждения на Политбюро... А он воспринимает это, будто кто-то его одернул.

Лигачев ведет Секретариат, я бы сказал, либерально.

В общем, со стороны Ельцина мы видим политическую незрелость.

Бородин. Я прошел школу от Сталина до сегодняшнего времени. Сейчас работать намного трудней, но легче на душе. Видишь справедливую оценку работы.

Доставалось от Ельцина. Характер у него настоящий. Но я благодарен ему за науку.

Был удивлен, когда его избрали первым секретарем МГК... Политически его давление здесь не совсем грамотное. Перестройка у нас идет... Что касается славословия в адрес Михаила Сергеевича, не знаю. Но я вот от всей души уважаю его - и как человека, и как партийного деятеля. И почему я не могу сказать что-то хорошее в его адрес?!

Но Михаил Сергеевич не тот человек, который позволил бы себе перейти грань дозволенного.

Секретариат у нас работоспособный, строгий. Политбюро хорошее, работоспособное. И заявления Бориса Николаевича просто несерьезные. Ну подай

заявление - и уйди, если не можешь... Иногда и вправду думаешь - не пора ли уйти? Однако ведь дезертиром самому себе покажешься. Коммунист не должен уходить в кусты, делая громкие заявления.

Шалаев. Я могу сравнивать, как вели заседания Секретариата Суслов, Черненко, Горбачев, Лигачев. Лигачев - человек очень высоких нравственных, партийных качеств. И хорошо, что он находится в руководстве партии.

...Много решений ЦК принимает... Наверное, Михаил Сергеевич, действительно слишком много! Мы все должны радоваться, что у руководства ЦК, Политбюро - Михаил Сергеевич (*бурные аплодисменты*). У него не было и нет в стиле, чтобы позволить славословие. И мне уже попало однажды, когда я на Верховном Совете стал его хвалить за его поведение в Женеве (*с Рейганом*). А я искренне говорил - так именно и думал. И получил взбучку за то, что целую минуту говорил об этом.

Я бывал на Политбюро, когда заседания вел Брежнев... Все заседание - с 11.00 до 11.45! Крупнейшие вопросы занимали какие-нибудь 10-15 минут.

Сейчас заседания Политбюро идут целый день, участвуют все члены Секретариата, члены и кандидаты в члены Политбюро. Царит дух коллективизма при обсуждении. Другое дело, что некоторые замечания или высказывания не всегда могут быть приятны. Но это - тот дух, который мы приветствуем.

Не могу согласиться, что сейчас снизился накал чувств, падает вера трудящихся в перестройку. Наоборот, радует активность, какой никогда не было. Другое дело - что трудящиеся требуют большей результативности. Но в этом и суть перестройки.

У Ельцина была возможность лично выяснить отношения с Егором Кузьмичем. И не выносить это на Пленум... Нужны не амбиции, а самоотверженная работа.

Самое главное сейчас - укреплять единство ЦК, всей партии.

Вопрос о Ельцине надо решать, но решать в пользу партии.

Богомяков (секретарь Тюменского обкома). Чего тут выискивать сверхвежливые выражения... Я полностью согласен со всеми положениями доклада Михаила Сергеевича. И ЦК должен был бы обсудить все крупные вопросы, там поставленные.

...О Лигачеве. Рядом работали в Сибири, и я ценю его очень высокие качества как человека и партийца.

Моргун. Заявление Ельцина - явление нормальное. Оно - результат перестройки: сказал, что думал.

Что касается существа его высказываний, то... Если мы будем уходить от решений и прикрываться хорошими речами, перестройки у нас не будет.

Читал ваши московские речи, товарищ Ельцин. Учимся, как надо работать. Но на периферии нам кажется, что в столице ослаблены требования, особенно - в торговле. Мы 250 тыс. тонн мяса сдаем. Себе оставляем 25 тыс. тонн. Гибнут овощи и фрукты. А в Москве нет ни того, ни другого, ни третьего. И продавать негде. И гостиниц в столице нет для наших продавцов.

Всем нам достается. И вам - тоже, товарищ Ельцин. Ваше выступление здесь по сути - выступление слабака. И не беда, если на одного такого в руководстве ЦК станет меньше.

Что касается Лигачева, на которого летят стрелы, то пожелаю ему усилить требовательность.

Месяц. Такое заявление после такого доклада тем более непростительно. Мы одобрим, вопреки товарищу Ельцину, все положения доклада Михаила Сергеевича.

Заявление Ельцина прозвучало как обида, а не как принципиальное партийное выступление. Ничего вразумительного, убедительного в отношении работы Политбюро и Секретариата не было приведено. Согласен с товарищами: перед нами политическая незрелость.

Борис Николаевич по мотивам личной обиды бросил обвинения в адрес Лигачева. Так коммунист, который возглавляет такую организацию (столичную!), не может и не должен выступать.

Мне кажется, Ельцин рассчитывает своей деятельностью показаться оригинальным, хочет, чтобы всем она бросалась в глаза. Делает ставку на особую роль. В «Московских новостях» дает интервью дипломатам... Поражает их откровенностью: у нас в тюрьмах сидят больше, чем где бы то ни было и т.п.

На самом деле, это пораженчество под флагом демократии…

Правильно, если мы осудим выступление товарища Ельцина. Оно сделано не по убеждению... И почему он не сослался на то, что прошедшие 2-3 года были самые трудные?

Коноплев (первый секретарь Пермского обкома). Два-три года прошло. И мы обязаны сделать все, чтобы плоды перестройки люди почувствовали.

Михаил Сергеевич пользуется огромным уважением, с ним связывают большие надежды.

Ошибка была - выдвинуть Ельцина на Московскую организацию.

Арбатов. В мужестве Ельцину не откажешь. Но он не проявил чувства ответственности... В такие моменты особенно необходимо единство... Ельцин нанес ущерб делу. Предвижу реакцию на уход Ельцина за рубежом.

Авторитет руководителя - огромный фактор. История последних десятилетий показывает, что этот капитал нельзя транжирить. Его надо всемерно наращивать и укреплять. Не славословием... Но тактичность в отношениях с товарищами обязательна. Сам Михаил Сергеевич следит за этим.

Неприятно, что это произошло перед праздником.

Вывод: надо быть особенно ответственным на таких решающих поворотах.

Рябов (бывший секретарь Свердловского обкома, бывший секретарь ЦК, посол СССР во Франции). Тот Секретариат, когда я был в нем, и нынешний - день и ночь... Как уж воспитывали Ельцина, когда он был зав. отделом в Свердловском обкоме, а толку никакого. Негативные факторы в его характере он не переборол. Амбициозность, недоброжелательность, мания величия. И себя не забывает во всех делах.

Рыжков. Тяжело. Но товарищ Ельцин слишком много обвинений бросил Секретариату и Политбюро, общей линии партии, чтобы оставить это так. Мы не Ельцина обсуждаем как личность. Мы оцениваем его партийные позиции.

Ельцин провел аналогию между своей позицией, и тем, что в докладе Михаила Сергеевича. Но в докладе - анализ ситуации, который дал Политбюро неделю назад. Мы что - изменились за последние дни? Раньше, мол, были такие, а теперь скатываемся на сталинистские методы?

Это слишком серьезно.

Перестройка - да! - идет трудно. И говорим об этом честно и открыто. И не потому, что в оппозицию переходим.

Идет во многом закономерный процесс. А что вы хотите - за какие-то два с половиной года?! Помните, в каком состоянии была страна? Теперь народ вздохнул. Дана возможность ему думать, работать, говорить свободно... И вот такая оценка со стороны кандидата в члены Политбюро!

Это тебе не десяток ботинок лишних!

Трудности есть и будут на всех этапах. Наша беда, если остановимся, сочтем, что через два года после таких трудов можно и полежать.

Народ почувствовал новое. Делается огромное дело в стране. Вчера на Верховном Совете обсуждали социальную сферу. И с такой откровенностью! Когда это было так?!

И не мужество проявил Ельцин, как нам тут предлагает считать Арбатов. Мужество у тех людей, которые взяли на свои плечи огромную ношу.

О работе Политбюро. Я не такой старый член ЦК, как некоторые выступавшие до меня. Но мне приходилось бывать на его заседаниях по прежней должности. Есть основания сравнить, что было и что есть...

Я считаю, что такие заявления, как сделал Ельцин, вбивают клин в Политбюро, сеют подозрения, что там нет единства, что там словоблудие и все расползлось.

При Брежневе я разбитым уходил с заседания Политбюро. И при Черненко то же было. По бумажке Генсек зачитывал «свое» мнение.

Сайкин (Председатель Мосгорисполкома). В Москве нелегко работать. Много демагогов, которые хотели бы получить все сразу. Мы не знали, что Борис Николаевич выступит. Он день и ночь трудится и результаты есть. Но с его заявлением москвичи не согласятся.

Воротников. Трудно все осмыслить. Его выступление вызывает всплеск разных размышлений. Москва - это и столица РСФСР. Отмалчиваться нельзя. Никаких разногласий и группировок в Политбюро нет. Пусть все знают: у нас полнейшее единство. И это наша заслуга. Это ленинское наследие, ленинская линия. Ее и держится Политбюро.

Спорим мы - правильно или неправильно, - но обстановку дискуссии создает Михаил Сергеевич, чтобы решения действительно были коллективными. Все мы - дети своего времени. У каждого подспудно действуют выработанные годами привычки. Но мы учимся - и члены Политбюро, и Генсек. Мы преодолеваем стереотипы, спорим между собой. И должен сказать, все-таки получается. Мы дали не только идеи, а и программу, и они осуществляются на практике. Идти можно только вперед. У каждого получается? Нет, не у каждого. Сбиваемся иногда на что-то... Нас Манякин призывает стучать по столу. Стучали. А теперь надо сдерживать себя. Иногда нервы не выдерживают на Секретариате. И не только у Лигачева. Срываемся. Но это не желание читать нотации, делать нравоучения, а от души - прямое выражение чувств.

Я знал Ельцина с положительной стороны, как человека ответственного, активного, трудолюбивого. У меня не было сомнений при выдвижении его на пост первого секретаря в Москве. И поначалу мы работали в контакте. Но на наших же глазах стала происходить какая-то трансформация в нем, появились самоуверенность, амбициозность, левацкие фразы. Он начал занимать особую позицию даже не по принципиальным, по любым вопросам.

Ему указывали на это и на Политбюро, и на Секретариате. Говорили и относительно московской печати, и о борьбе с негативными проявлениями на Арбате. Но он уверовал в то, что прав только он, и отнесся к нашим замечаниям пренебрежительно. А на Политбюро отмалчивается. Смотришь на него - на лице маска неудовлетворенности, отчуждения, будто показывает, что всем недоволен. И сегодня это все вылилось.

Оправдания его выступлению нет. Но надо обдумать, обсудить, как поступить лучше. Чтобы такое заявление делать, нужны факты, нужны основания. Я волнуюсь и

говорю сбивчиво. Обидно слышать, когда он упрекает нас в каком-то славословии. Кто, когда - пусть приведет факты. Такой критики, деловитости на Политбюро никогда не бывало, как теперь. Обсуждаем все, пока не докопаемся до самых мелочей.

Бывает и так, что не находим решения. Но если работаешь, нужна уверенность в том, что ты делаешь. Перестройка все время будет выдвигать перед нами новые задачи.

Колесников (шахтер). Мы долго ждали перемен в стране. И вот теперь эти перемены происходят. Я не согласен с Ельциным. Рабочий класс и дальше будет поддерживать Политбюро. В апреле (1985 года) он поддержал Генерального секретаря. Мы вам верим. Мы вас любим. И так будет всегда.

Чебриков. Что происходит? Я тоже хочу понять. Трудно дается понимание. Идем к празднику. Вся страна на подъеме. Много всяких забот. И в такой ответственный момент вот такое заявление. Случайно, не случайно -каждый ищет свое место в это сложное время.

Это выступление человека, не согласного с линией партии, с партийной, политической точки зрения - незрелое. Он думает о себе, а не о партии. Это же останется в истории нашей партии.

Не подумал он и о москвичах. Не полюбил ты Москву, Борис Николаевич. Иначе ты бы никогда не позволил себе так поступить.

Не каждому дано выдержать перестройку. И вот мы имеем дело с фактом, когда человек не выдержал ее, той ноши, которая на нас легла. Его выступление на московской городской конференции,.. с каким энтузиазмом он поддерживал новые идеи, и критика была деловая. И московский актив его поддержал. Но за этим пошел спад, и сам он не выдержал.

Ты же сам говорил на ЦК в свое время, что проблемы оказались не такими простыми. А сейчас видно, что во многих проблемах страны он не разобрался и не выдержал экзамена перестройки.

А что касается его оценки работы Политбюро - это просто клевета. Поставил под сомнение коллегиальность. Но не дал аргументов. О каких группках он говорит? О каком ограждении от критики кого бы то ни было? Когда, с чьей стороны? Наконец, о будто бы разносах на Секретариате... Скорее, разносы происходят на бюро МГК, как по плану. Люди говорят, что они идут туда, как на плаху. Надо самому сначала научиться работать, а потом предъявлять требования к руководству ЦК.

Во всех странах мира аналитики изучают нас, следят за каждым нашим шагом. Империализм в страхе ищет способы, как нам помешать, как сорвать перестройку. И в это

трудное, переломное время, когда все мы должны быть едины, мы встречаемся с такой демагогией и клеветой.

Яковлев. Не смело и не принципиально. Ошибочно политически и несостоятельно нравственно. Борис Николаевич исходит из неверной оценки обстановки в стране. И безнравственно, что личные амбиции поставил выше интересов партии. Не в то время и не с тем выступил.

Право каждого говорить о том, что он думает. Но важнее - ради чего? В работе Секретариата есть недостатки. Не мне судить как члену Секретариата. Там идут споры. Что же тут ненормального? Заботимся мы о деле и споры наши говорят о нашем единстве. Никто не ангел. Но и Ельцин не из этого сословия. Никто не присягал, что все истинно в Политбюро и Секретариате. И тут и там ищем. И секретарь МГК тоже должен искать, а не валить на других. Речь не об этом.

Ельцин перепутал большое дело в стране с мелкими обидами и амбициями. Для политика это недопустимо. Один из руководителей впал в элементарную панику. Он стал глашатаем мелкобуржуазной свободы.

По существу мы имеем прямое несогласие с курсом партии: и с ее тактикой, и с существом перестройки. Это самое главное. И далеко заведет. Сыграло тут роль упоение революционной фразой. Ельцин выпятил собственную личность. Но главное - он не понял, что происходит вокруг. Ему кажется свое поведение революционным, а на самом деле это как раз и есть консерватизм. Прозвучало здесь капитулянтство. Личные капризы поставлены выше общественного дела.

Марчук. В Москве сосредоточено 50 процентов всей науки страны. Раньше говорили - ведомства виноваты, наука виновата, и лишь с апреля 1985 года руководство грамотно поставило вопрос о причинах наших бед и отставаний.

Шеварднадзе. На каком этапе все это происходит? Накануне 70-летия, когда надо оценить весь пройденный нами путь. Я не был убежден сначала, что Генсеку удастся подготовить глубокий анализ пройденного пути. Зная материал о прошлом, я думал - неужели все было плохо? Этот вопрос теперь снимается в докладе Михаила Сергеевича.

Следит за нами весь мир. Единство и сплоченность всего общества, которое как бы заново рождается, - это выстрадано нами. В докладе дается анализ и оценка по всем этапам в развитии нашего общества. И получается очень важный документ. А Ельцин очень многое поставил под сомнение. Не надо драматизировать, но не надо и упрощать. Ибо мы действительно находимся на сложном этапе, мы не все знаем. ЦК еще не все сказал о наших трудностях, в том числе финансовых. Завтра мы еще будем вынуждены

говорить больше. Ибо наследство тяжелейшее. Консерватизм в его выступлении - да, но и примитивизм. И главное - безответственность перед товарищами по Политбюро.

Ни один вопрос у нас сейчас единолично не решается. И это ведь огромное продвижение от того, что было. Весь мир сейчас следит за перестройкой, ищут оппозицию в Политбюро, придумывают разные расстановки сил среди нас. Везде обо всем этом нас расспрашивают. В этих условиях выступление Ельцина - предательство перед партией.

Все думают, соответствуешь ли ты должности. Я сам не берусь отвечать на этот вопрос для себя, в отношении своего положения. А тут ты проявляешь амбиции, мелочность, обидчивость. Ответственность сейчас - это наша жизнь. Не удастся вам столкнуть московскую организацию с Центральным Комитетом. Вы хотите навязать нам другой стиль, а у нас ленинский коллективизм. Не пройдет это у вас, не отступим. Стоит проблема выживания социализма. Вот о чем надо думать.

Что касается прямых обвинений Политбюро. Мы свободно критикуем друг друга, не соглашаемся. Это и есть сложный процесс становления нашего коллективного органа в новых условиях. И какие основания есть обвинять нас? Конечно, у каждого есть свои особенности, есть лицо, свои подходы. Стиль - это человек. Но это и богатство наше.

Лигачев - кристальный человек, преданный делу перестройки. А вы нам тут говорите о славословии. И счастье, что коллектив возглавляет Михаил Сергеевич. Никаких славословий нет. На XXVII съезде я позволил себе фразу относительно Генерального секретаря. Михаил Сергеевич меня оборвал: мол, ты этой фразой все смазал. Мы должны оберегать эту атмосферу. То, что ты сказал, - это клевета на Политбюро, совершенно безответственная перед народом и перед своей парторганизацией.

Мураховский. Ельцин выступил как человек, не верящий в перестройку. Это дезертирство. Он уходит от трудностей, подрывает единство Политбюро, ЦК. Лигачев, которого он обвиняет, всегда уважительно относится к людям, хотя и жестко требует.

Громыко. Клятва коммуниста - это не допустить нарушения единства.

Щербицкий. Наскок на Секретариат, на Лигачева, который трудится в поте лица, недопустим и непонятен. Жесткость нужна. Нельзя отпустить тормоза (шум, аплодисменты, смех). Москвичи огорчены за своего секретаря. Ельцин не оправдал доверия ЦК и московской организации. Бросить тень на Секретариат и Политбюро, обвинять в славословии, когда на самом деле ничего похожего нет!

Мы-то ведь все знаем, как делалось славословие (смех). Не слыхал и не видел, чтобы это происходило сейчас на Политбюро, и признаков таких нет. В выступлении отразилось пораженческое настроение. Да, дела не блестящие, трудности огромные. Идут

волны политического наката. Мы их должны гасить, а не поднимать. И откуда Ельцин знает о том, как другие работают на местах? Наверное, из «Московских новостей» (смех).

Пуго. В проекте доклада мы услышали то, о чем сейчас думают люди. Много трудностей, есть тормозящие факты. Национальные отношения непростые. Мы видим, что ЦК понимает это все. Мы чувствуем строгость с его стороны. Так и должно быть. Позиция Ельцина - это позиция человека пасующего. Хочет уйти из руководства ЦК, хлопнуть дверью.

Я скажу так: столичная организация - особая. Она должна задавать тон. «Московская правда» дает не тот тон. Там много амбициозных элементов.

Обсуждение наше показывает, что Ельцин посягнул на единство. И это огорчительно.

Мироненко. Энергия молодежи не уменьшается, а нарастает. Другое дело, что мы, ЦК ВЛКСМ, не можем направить ее. И она расплескивается, а кое-где воспламеняется, в том числе и в Москве. Выступлением Ельцина нанесен большой ущерб молодежи, работе с молодежью в Москве. И прощать этого нельзя.

Соломенцев. Мы услышали клевету на Секретариат. Зачем это сделано? Мы ведь только что услышали проект доклада. Такого доклада мы не имели и не могли иметь ни к 50-й, ни к 60-й годовщине Октября. Этот проект мы обсуждали на Политбюро. И вы там не сказали, что вы думаете, а вынесли на Пленум: может быть, рассчитывали, что в ЦК найдутся люди, которые станут вашими попутчиками. Ваши выступления подхватываются не в республиках и областях, а за границей. Почему? Потому что вы выступаете вразрез с нашей линией. Это вас не украшает?

Не всякое новаторство имеет цену, особенно, в политике. Если кто и допускает ошибки, то не партия как целое. И это не дает Ельцину повода и права нарушать наше единство. Это удар из-за угла. Вы наносите большой ущерб делу. На кого вы обижаетесь, на кого вы дуетесь?

В Москве это не одобрят. Выступление Ельцина - непартийное выступление. Ему не сбить нас с ленинского пути, на который встал наш ЦК.

Председательствующий сообщает, что записалось 37 желающих выступить. Договорились, чтобы дать еще слово Колбину и подвести черту.

Колбин. Чувствуется, насколько сложен процесс перестройки в Москве. Бессонные ночи. «Прежде чем реагировать на что-либо, подожди два дня», - так мне советовал Шеварднадзе, когда я был у него вторым секретарем в Грузии.

Я болезненно реагирую на ошибки, когда допускаю их сам и когда допускают другие. Но если я их тихонько исправляю, значит пронесло. А если не исправляются, я

реагирую бурно. Конечно, замечания на Секретариате вызывают иногда болезненную реакцию. Но так надо. На Политбюро, когда нас обсуждали, мы ждали разгрома, а ушли с пониманием того, что и как надо делать. Делать все, что не запрещено законом.

В Казахстане мы должны решить продовольственную проблему. За два года решим, если хватит у нас ума. Твое выступление, Борис Николаевич, кому на пользу? Сегодня ты допустил большую ошибку.

Горбачев. Если у кого есть мнение другое, отличное от того, что сказано, тогда дадим слово. Нет? Тогда - слово Ельцину.

Ельцин. Суровые для меня слова сказаны. Что касается перестройки, то я перед ней не дрогну. И не было у меня сомнений. Я в ней уверен и соответственную проводил линию. И если я назвал волнообразным развитие, то это касается периода между январским и июньским пленумами ЦК. Часто бываю в командировках, знаю людей, знаю их настроения. После январского Пленума был хороший всплеск. Это продолжалось и после июньского Пленума. Но вскоре стало заметно, что настроение людей меняется. Объясняют, что перестройка - сложный для понимания процесс: экономика и все такое. Мы по своей вине не допустим спада, заявляют мне, а потом опять волнообразное движение. И постоянно то взлет, то падение.

Относительно единства - это было бы кощунством, если бы я хотел расколоть. Я этого не имел в виду ни в отношении ЦК, ни в отношении Политбюро. Есть моя записка. Год назад я писал о том, что первый секретарь обкома не должен быть членом Политбюро. Ибо таким образом он выводится из зоны критики.

О славословии. Здесь я не обобщал. Я говорил о некоторых - двух-трех - товарищах, которые злоупотребляют этим, много говорят о положительных моментах. Хотя говорят от души, но не на пользу…

Горбачев. Известно всем, что такое культ. Это же система. Система власти. Ты смешал божий дар с яичницей. Тебе что политграмоту читать?

Ельцин. Сейчас уже не надо

Горбачев. Демократизм, чувство хозяина, самостоятельность - это хорошо. Но... Пленуму представлен очень ответственный доклад. А из-за тебя, из-за твоей персоны мы занимаемся тобой. Надо же дойти до такой гипертрофии - навязать ЦК такую дискуссию!..

Ельцин. Выплеснулось...

Горбачев. Как ты относишься к замечаниям товарищей?

Ельцин. Кроме некоторых выступлений, я с оценкой согласен. Я подвел ЦК и Московскую организацию.

Горбачев. Хватит сил повести дело?

Крики в зале.

Горбачев. Подождите. Я слышу... Подождите.

Ельцин. Я подвел ЦК, Московскую организацию. Судя по оценкам со стороны выступавших, мнение у всех достаточно единодушное. Поэтому я прошу освободить меня от кандидатства в члены Политбюро и от поста секретаря МГК.

Горбачев. По существу такой подход, который показал нам Ельцин, надо отвергнуть как очень серьезный промах, бросающий тень на обстановку в Политбюро. Это недопустимо. На партконференции мы выработаем механизмы, как заменять и членов Политбюро, и Генерального секретаря, когда от них уже нет пользы. Никто за кресло держаться не будет.

С какими целями такие выступления? Дискредитировать Лигачева? Он же весь на виду. Да, идут всякие разговоры, радио заполнено слухами. Вон Арбатов рассказывает, как на Западе стараются столкнуть Горбачева с Лигачевым, а столкновения Лигачева с Рыжковым держат в резерве. И т.д.

Нелегко работать в Политбюро и мне. Политбюро должно быть коллективным политическим органом, заниматься принципиальными вопросами. А ты опять лапшу вешаешь на уши.

Ничего в твоем выступлении нет конструктивного. И это в то время, когда нужны конструктивные идеи, когда всем надо напрягать силы. Просто ты выдал себя здесь. Я вот что хотел сказать еще: отчего это происходит? Теоретически и политически слабым оказался человек на таком посту, и понятно, что ему трудно. Мог бы сладить, если бы захотел. Но что сейчас говорить! Я лично в трудном положении.

Завершить хотел бы так: сгоряча не решать. Вношу предложения:

1) Пленум признает выступление Ельцина политически ошибочным,

2) поручить Политбюро и МГК рассмотреть сделанные на Пленуме ЦК замечания и решать с учетом обстановки.

Что еще хочу сказать?

У нас очень важный Пленум... Давайте вернемся к докладу. Это главная наша тема. Доклад - принципиальный. События показывают, насколько он принципиален. Он выстрадан за эти месяцу. Сделан с учетом перспектив страны и мира. Как вы относитесь к докладу?

Если поправки содержат идеи, то на слух их воспринимать трудно. Пришлите, обратитесь с ними к Яковлеву, Лигачеву, ко мне. Многое войдет, часть не войдет - это понятно. Доклад будет дорабатываться.

Теперь опять о Ельцине.

Борис Николаевич прислал мне письмо в Крым, когда я был в отпуске. Мысль та же, что и сейчас. И просил решить вопрос о его кандидатстве в Политбюро и его пребывании в должности секретаря МГК. Я ему ответил, что сейчас такая бешеная работа, часа нет, минуты нет для отдыха. Много нерешенных вопросов. Сейчас надо работать и работать. Мы условились, что после праздников (*7 ноября*) встретимся и поговорим, тогда и будет ясно, что делать.

В письме он меня, в частности, предупредил: прошу, мол, не ставить меня в такое положение, чтобы я обратился с этим к Пленуму ЦК. Но я даже Политбюро не информировал, как товарищи знают. Я никак не ожидал, что он на этом Пленуме, который имеет для нас этапное значение в осознании нашей истории, проявит такую нелояльность. Это этично? Это помогает нам в подготовке к такому празднику? Поразительно, что на таком Пленуме мы столкнулись с такими амбициями. И насколько надо было потерять чувство ответственности перед ЦК, перед историей, чтобы это сделать? Мы же идем сейчас к мероприятиям, которых ждет страна, за которыми будет следит весь мир. Что мы принесем тогда? Мы ведь должны принести туда мысль партии о прошлом и будущем своем.

Очень важно у классиков: уметь видеть переходы от одного этапа к другому. И разве мы за два года хотели перестройку осуществить? У нас есть долгосрочная позиция, среднесрочная и есть неотложные дела. Есть этап, когда политика трансформируется в толщу народа. Вот о каких годах идет речь. Оседлаем - от этого будет зависеть дальнейшее движение перестройки. Это и есть вопрос о темпах. Летом целый день на Политбюро обсуждали эту проблему.

О роли партии. Это то, о чем говорим и что делаем. А он нас зовет перетрясти аппарат. Но, во-первых, партия - это не аппарат. Но чтобы партия не отставала, нужна активная деятельность Секретариата и Политбюро. А она что, этим не занималась? Шесть членов Политбюро состоят в Секретариате. Мы можем говорить о недостатках в работе Политбюро и Секретариата. И лично у каждого они есть, и надо всем прибавлять в работе. Но не действовать так, что сегодня поправили человека, а завтра сняли.

За два с половиной года мы прошли правильный путь. И главное, то, что мы продумали и предложили проверенную стратегию, в этом смысле мы не потеряли зря эти два года. А ведь вот что сказал Ельцин - что после апрельского Пленума народ реально ничего не получил.

Насколько надо быть безответственным, чтобы заявлять такое? Теперь ЦК должен разобраться с этой ситуацией. Может быть, Ельцин замышлял что-то? Ему не терпится, не

сидится? В то время, когда нужна революционная выдержка, такая огромная ответственность на нас лежит, а тут игра с его стороны.

Главное в этом Пленуме - единство ЦК. Мы проходим через ответственный этап в нашей отечественной истории. Мы должны вывести общество из застоя, освободиться от консерватизма, от недостатков во всех институтах социализма. Единственный выход - на путях перестройки. Это время крутых, глубочайших перемен. Но здесь возникает и вопрос о темпах. Народ нас подталкивает. Мы должны пройти этот путь с достоинством, полагаясь на политическую мудрость партии, на ее способность к анализу. Видим, как наша политика нагружает наше общество, бывает - до предела. Преуменьшать тут нечего. Мы задели интересы миллионов людей. А это значит, что тут как раз самая большая политика.

Должны справиться, если приведем в действие все механизмы и если прежде всего сама партия будет действовать соответственно. Она должна показывать пример. Конечно, кто-то не выдерживает новизны, тяжести работы. Мы не можем уклониться от задачи, которую взвалили на себя, не должны накапливать проблем. Но - действовать с позиций демократии, открытости. Другой силы, помимо демократии, нет.

И в этом контексте выступление Ельцина, - если судить объективно и реагировать политически, - безответственное, непродуманное, незрелое. Но это и повод к тому, чтобы понять, что нам нужна революционная уверенность. Если начали, то надо идти, паника чужда нашей партии. По этим критериям и надо относиться к случаям подобного рода.

Разговор Горбачева с сотрудниками по подготовке его доклада к 70-летию Октября (сразу после Пленума), 21 октября 1987 года.

Во введение к докладу на Верховном Совете взять места из доклада Пленуму (отмечено).

- О Первой мировой войне - тоже перенести из доклада на Пленуме.

- То же - с характеристикой троцкизма.

- То же - о Сталине.

- Интересные формулировки в историческом анализе для Пленума использовать и в докладе на Верховном Совете, например, о Бухарине, но всю «эпопею» с Бухариным для Верховного Совета не давать.

- Цифры о числе расстрелянных не давать на Верховном Совете.

- Сильнее сказать о героизме в Отечественной войне.

- Пошире о Гражданской войне.

- Термин «плюрализм» не употреблять.

31 октября 87 г.

После доработки в Завидово текста доклада Горбачева к 70-летию Октября вновь вынесен на Полтбюро.

Горбачев предваряет обсуждение фразой: Есть вещи, о которых ждут, что мы скажем о них больше. Но меньше говорить нельзя.

Демичев. А больше не надо.

Соломенцев. Убедительно!

Громыко. Хорошо проработан текст. Лучшие вычерчены этапы. В прошлом тексте оценка XX съезда была неполной, теперь очень хорошо и очень убедительно. Едва ли нужны более резкие формулировки. Трудности ведь были большие, не говоря уж о том, что их используют против нас. По существу ведь формулировки резкие, хотя и не по словам.

Впечатление - очень аргументированно все дано. «Водонепроницаемый» текст для внутренней борьбы против нас.

Теоретически тут та линия, которая оправдана обстановкой и которую надо приветствовать.

...Может быть, перечень лиц, боровшихся против троцкизма, дать не в том порядке, а по алфавиту? По сути, самую активную работу против Троцкого вели Сталин и Бухарин. Но теоретически Бухарин внес больше. Этот раздел надо обязательно сохранить. Он привлечет самое большое внимание.

Рыжков. Крепко сработано. Большая разница по сравнению с первым вариантом. Все отшлифовано, все расставлено как надо.

Я поддерживаю этот текст полностью. В том варианте мало было о народе. Теперь это сбалансировано. Критика была по поводу того, что ничего светлого не было в 30-х годах. Но народ-то ведь работал, выкладывался! Теперь все правильно.

Три замечания:

1. Об идейной борьбе Сталина. Названы люди, которые тогда его поддерживали. Но надо ли здесь снова раскручивать Бухарина? Тогда и других надо называть. Лучше же никого не упоминать.

2. Об индустриализации. Хорошо сказано. Но есть фраза, что не решались социальные вопросы в угоду производству. Может быть, не надо так. Решался вопрос: домны или хлеб. Диктовала необходимость... Конечно, можно и так оставить... Хотя, я

думаю, одновременно невозможно было в крупном плане осуществлять социальную политику.

3. Что заставило Сталина перейти к террору? В докладе говорится об отсутствии демократии. Меня не убеждает. До сих пор не понимаю - что же заставило?!

Личная власть? Она у него и так была... Может быть, еще подумать на эту тему? Какие причины толкнули на такой террор, когда, казалось, все уже пошло вперед?..

Воротников. Полностью согласен. Прекрасно звучит доклад.

...Есть фраза: Россия вышла по промышленному производству в 30-ые годы с такого-то места на такое-то. Лучше просто сказать, что «вышла на 2-ое место в Европе и в мире».

...Там, где о Хрущеве, отметить разделение партии на сельскую и промышленную. Это принципиальный момент.

Горбачев. Это было проявление волюнтаризма в партийном строительстве.

Воротников. Среди многих эта ошибка была наиболее грубая.

...О ситуации в канун апрельского Пленума 1985 года резче сказать.

Соломенцев. Считаю, что текст хороший. Все дано взвешенно.

Согласен с Николаем Ивановичем насчет социальной политики в 30-х гг. Хотя упущения и здесь были. Но период был очень тяжелый. Народу не давали в личном плане развернуться. Но считать, что, например, Магнитку построили «за счет народа», нельзя.

Лигачев. Проделана в целом большая работа по углублению материала. Особенно большое внимание уделено идейной борьбе. Хорошо показана мелкобуржуазная сущность антипартийной линии и ее носителей.

О Бухарине. Если мы упомянем, что он вместе с Кировым, Орджоникидзе участвовал в разгроме троцкизма, то надо будет сказать, что он очень сильно ошибался в вопросе о коллективизации.

Я не скрою: очень много читал про то время. Возьмите пленумы ЦК 20-х годов. Бухарин, Рыков, Томский предлагали очень снизить темпы индустриализации. Делали упор на легкую промышленность...

...Не стал бы я говорить (в докладе), что они все свои ошибки признали. Не раз признавал и Бухарин.

Горбачев. Бухарин признал и сразу был выставлен из Политбюро, правда, стал редактором «Правды».

Лигачев. Мне кажется, надо усилить тему борьбы партии против кулачества. Ленин считал, что кулак - бешеный враг Советской власти. И ликвидация кулачества как класса - это в духе Ленина.

Горбачев. Тут и так сильно сказано. А у Ленина ведь была линия на «ограничение кулака»...

Лигачев. Но когда кулак взял за горло Советскую власть, перестал сдавать хлеб...

Горбачев. Но даже в тех условиях, в 1921 году, Ленин выступал лишь за ограничение кулачества. И такая линия была вплоть до ХУ съезда партии. Изменения в политике появились лишь после столкновений на хлебном фронте.

Лигачев. ХУ съезд (1927 год) продолжил установку опоры на бедняка.

Горбачев. Но все-таки в отношении кулака - ограничение.

Лигачев. Тогда начали давить на кулака.

Горбачев. Тут есть вопрос.

Лигачев. Честно хочу сказать: значение коллективизации надо усилить в докладе.

И еще пожелание - по поводу замалчивания больных вопросов... Но у нас идет и замалчивание достижений. Это и сейчас продолжается. Вот посмотрите статью Бутенко в «Московских новостях». Он вообще отрицает какие бы то ни было достижения.

Горбачев. Если ты имеешь в виду текст, то там есть о достижениях.

Лигачев. Но есть сейчас в печати и замалчивание достижений.

Горбачев. Есть такое замалчивание и в отношении периода при Хрущеве. Думаю, фразу надо добавить.

Лигачев. По поводу Сталина, о жертвах. Тяжелые преступления он допустил. Но в том варианте был вопрос: почему после идейной победы диктатуры пролетариата прибегли к террору? Капиталистическое окружение вынуждало урезывать демократию.

. Я бы не согласился с тем, что предлагает Егор Кузьмич. (Зачитывает место из текста). Что еще? Не знаю.

Ты, Егор, говоришь... Но о методах сказано. Смотри... Сказано и об экономических методах работы на период мирного строительства. Что тут упущено?

После убийства Кирова - другое дело. Тут повод был. У Сталина засело в голове после ХУII съезда, когда его предложили заменить. И голосовали даже. Вот в чем дело! Какие мотивы тут? Вроде ясно.

Рыжков. Надо посмотреть, как на Пленуме было сказано об этом.

Горбачев. Уходить от вопроса нельзя. О Бухарине говорить или не говорить в докладе? Я за то, чтобы говорить. Без этого нет полноты идейной борьбы тогда. И здесь хорошо показано, как складывались отношения в самом руководстве партии.

Бухарин во время Бреста - это одно. А после смерти Ленина он внес очень крупный теоретический вклад в защиту ленинизма.

Сталин не давал в обиду Бухарина: он нужен был ему для борьбы с троцкизмом. Шесть лет Бухарин оставался редактором «Правды». Думаю, что и того, и другого устраивало сочетание склонности к теоретическому абстрактному догматизму (у Бухарина) и практическое применение в общем-то ленинской идеи развития. Но нужны были другие темпы. А их нечем было обеспечивать. Нужно было оборудование. И чтобы его покупать, продавали зерно. 165 млн. тонн продали тогда, чтобы купить машины. Выходила на первый план промышленность.

Бухарин твердо стоял на защите ленинского плана. Но в новых условиях фактор времени диктовал выбор. Миллионы людей, которые втянулись в промышленность, надо было кормить. Он, Бухарин, не увидел этого момента.

...О партийном строительстве при Хрущеве надо еще сильнее сказать. Согласен.

О социальной политике в первые пятилетки... Там сказано правильно. Выхода не было, чтобы тут не поджать. Но не уделялось внимания даже самым насущным нуждам людей. Человека ни при каких условиях нельзя было сбрасывать со счета. А это произошло.

Лигачев рассказывает о своей юности. Возражает - будто о людях его поколения не заботились.

Горбачев. Я вчера эту тему еще просмотрел в тексте. Первое и главное, что там есть, что партия предложила неизведанный путь индустриализации (цитирует). Он был единственно возможным тогда, хотя и немыслимо трудным.

Лигачев. Люди почувствовали блага Советской власти. Поэтому они пошли за партией по этому пути.

Горбачев вычеркивает слова, начиная с «жизненных условий»..

С людьми действительно не считались...

Мотивы террора? Слово «непостижимо» предлагается снять. Но вообще-то трудно объяснить. Много думал об этом. Представили нам целые мешки бумаги из Комиссии, которая этим занимается. Но она сама не может разобраться - кто конкретно в каких случаях давал команды.

Я хотел понять, что же произошло? Нанесен сокрушительный удар по оппозиции. Ленинский путь отстояли. Возможность победы социализма в одной стране доказали. С капитулянтством покончили. Оппозиционеры уже не поднимали голову. Их придавила сама реальная жизнь. Разрыв между этими событиями и процессами 7-8 лет. Народ пошел на жертвы. У него появился реальный интерес в успехе пятилеток.

Сам Бухарин говорил, что не ожидал того, что произошло в стране, в развитии производства.

Однако это быстрое продвижение, эти успехи индустриализации сформировали определенный тип управления страной, стиль, психологию, когда «все можно». Он трансформировался в план 2-й пятилетки, явно нереальной. Он сказался и на отношении к крестьянству - можно еще и еще выжимать из деревни. Увязали это с методами военного коммунизма.

Соломенцев. Пятилетку уже не в четыре, а в три года!

Горбачев. Знаешь... там с этим ростом производства так напортачили... Есть данные, ужасные... Из положительных результатов выросла гипертрофия. Отсюда и окончательное утверждение административно-командной системы, которая распространилась не только на деревню, но и на всю надстройку.

Плюс к этому - угроза войны. Она нарастала. Ее ждали, приближение ее чувствовалось. Росла уверенность, что война будет. И это подталкивало к тому, о чем я говорю.

Отсюда и ущемление демократии. До сих пор последствия чувствуем.

Однако из всего этого прямо вроде бы не вытекала необходимость такого террора.

Другое дело, что отсутствие демократии позволило сформировать «культ личности» и примириться массе людей с репрессиями.

Рыжков. Да. Но почему Сталин прибег к террору?

Горбачев. Мотивации не было никакой. В судах вызывало подозрение, например, - а почему этот человек старается так хорошо работать?! Что-то тут не так, не чисто!

Главная причина, думаю, - борьба за власть. ХУII съезд партии насторожил Сталина, испугал его. И вместо процесса демократизации, который был возможен после первых успехов в строительстве страны, коммунистическая система стала перерождаться... Даже, помните, явилось и «теоретическое» обоснование террора - об усилении классовой борьбы по мере успехов социализма.

Воротников. Рыбаков в своем романе хочет доказать, что это в генах было заложено...

Горбачев. Тут уж речь об анализе другого рода.

Соломенцев. Боялись, что вновь появятся возможности у оппозиции. Оставались ведь несогласные.

Горбачев. Убийство Кирова дало знак: мол, и других такая судьба ждет, если не принять меры, т.е. не пустить в ход террор. Все-таки, думаю, главное - борьба за власть и вот эта боязнь.

Соломенцев. Как будем с Хрущевым?

Горбачев. Надо оценить «как есть», т.е. объективно. Не «высоко», не «низко», 1953-й год, Пленум ЦК по крестьянству, по сельскому хозяйству. Паспорта дали людям. Миллионы реабилитированных Это - огромная заслуга Никиты Сергеевича.

Все в один голос, шумно - «за» «хорошую оценку» Хрущева.

Горбачев. Нам надо избежать, чтобы этапы развития страны получились у нас «по вождям».

Громыко. Я принимаю этот текст. Бухарину надо дать оценку на разных этапах его биографии. Иначе будет впечатление, что что-то мы утаиваем. Народ-то знает...

Почему Сталин имел такую власть? Почему террор? На эти вопросы никто не дает точного ответа.

Горбачев. Мы отвечаем на вопрос, почему это стало возможно.

Громыко. Кое-кто ожидает, что мы скажем, что у Сталина были антисоциалистические намерения.

Горбачев. Молотов пишет в мемуарах, что все, что было в 1937 году, правильно.

Громыко. Теоретически террор вырос из ошибки насчет того, что классовая борьба будет обостряться. Я бы тут усилил: «грубая ошибка», «антинаучный вывод».

Горбачев. Я добавил: «произвол».

Громыко. Я бы квалифицировал как «теоретическую ошибку», грубую... Чего ему не хватало? А он пошел на истребление громадного количества людей.

Горбачев. 37-й год, начало 50-х гг., «ленинградское дело» - это чистая борьба за власть, нужно было скомпрометировать Вознесенского. Маленкову это нужно было. Ибо Сталин сказал (о Вознесенском): это мой преемник. Была самая настоящая борьба за власть самыми преступными методами.

Громыко. Сталин никогда не был теоретиком. Он и не претендовал на это. Он не касался теоретических проблем. Отсюда и несуразица, которую он допускал.

...На Крымской конференции 1945 года. Три делегации: мы, американцы, англичане. Полтора десятка людей. Среди наших - Берия, я, другие. Черчилль спрашивает у Сталина, что это за господа. Сталин при всех, указывая на Берию: «Это же советский Гиммлер!» Рузвельт улыбнулся. Берия ответил своей улыбкой. Представляете, какое впечатление!

Так пошутили...

Значит, Сталину нужен был Гиммлер? Это глупость. Вредно для СССР заявлять такие вещи.

Еще вспоминаю. Заседает Политбюро. Какой-то вопрос внешней политики обсуждается. Сталин вдруг говорит ни с того, ни с сего: почему бы нам не вернуться к

дореволюционному периоду в формировании московской власти: городской голова т.п. Тянуло его к авторитарным приемам. Микоян, помню, сразу поддержал. Но на решение тогда не пошли.

Почему он прибег к террору?

Горбачев. В докладе мы даем ответ: почему он стал возможен. И не обвиняем Сталина в глупости, в недомыслии. Не им приписываем причины. Они - в основе своей - экономические, наследие гражданской войны, непримиримость с НЭПом. Кулак, конечно, подбрасывал хворосту. Внешняя опасность. Все это наложило отпечаток на процессы, исключив выход на демократизацию. Я убежден - в этом суть. В этом и вся сложность ситуации тогда.

Громыко. Надо честно сказать, что Сталин выступал за социализм. И в международных делах он сражался как лев за интересы Советского Союза.

Больше слова никто не просит.

Горбачев. Как будем проводить Верховный Совет?.. С этим докладом настрадались.

Надо еще добавить - о роли русского народа в войне. По традиционной формуле и с упоминанием других народов.

Об РСД, о встрече Рейган-Горбачев сказать без эйфории. Но и принижать достигнутого здесь не надо. Это серьезное дело. Сказать и о наших намерениях по СНВ и о позиции по ПРО.

Ельцин (*в конце этого длительного заседания выступает с объяснениями.* – А.Ч.). Я переживаю критику после своего выступления на Пленуме. Причиной выступления было беспокойство за то, что перестройка набрала, было, скорость, а теперь мы теряем эту скорость. Я готов дальше работать, надо держаться курса на перестройку. Признаю, что очень много брал на себя, что виноват. В чем именно виноват, еще не увидел, по-настоящему не нащупал. С середины 1986 года чувствую сильные психологические перегрузки. Надо было открыто идти с этим к товарищам в горкоме, в Политбюро. Но мешало самолюбие. И это главная моя ошибка. Готов отдельно поговорить и с Егором Кузьмичом, и с Александром Николаевичем, и с Георгием Петровичем (Разумовский). Товарищи в горкоме от меня не отвернулись, просят остаться, хотя и осуждают за выступление.

12 ноября 87 г.

Горбачев. *Об итогах празднования 70-летия Октября.*

70-летие Октября позволило нам почувствовать масштабность процессов, которые охватили страну, настроение в обществе и в окружающем мире. Огромный интерес к этой дате связан с нашей перестройкой. И самое главное - в этом интересе был виден возрождающийся импульс Октябрьской революции, которая вновь и по-новому начинает воздействовать на наше общество и на весь мир.

Тема «Октябрь и перестройка» превалировала и в наших внутренних мероприятиях, и в международных. Перестройка явилась как бы подтверждением живой связи того, что мы делаем, всей нашей политики с Октябрем, с потенциалом Октября, который долгое время находился как бы в замороженном состоянии. И для нас самих, и для партии, для страны очень важно это осознать. Ибо с этим связана судьба самого социализма.

Годовщина позволила нам заново посмотреть на себя и на то, что такое социализм, ленинским взглядом. Мы сами в ходе этих празднований многое приобрели. Годовщина позволила нам сделать определенный прорыв в нашу историю, в нашу подлинную историю, связать ее с сегодняшним днем и с нашим будущим.

Мы еще раз убедились в том, что, взглянув на все то, что с нами было так, как это свойственно было самому Ленину, – творчески, смело, мужественно, - мы вышли на крупные теоретические и политические обобщения. И это всколыхнуло общественное сознание. Ленинский взгляд на события прошлого и настоящего стал мощным фактором политического и морального сплочения общества.

Непросто было выйти на эти решения, подготовить этот прорыв. Потребовалось большое напряжение, проникновение в суть того, что происходило и происходит.

Но в результате мы получили большой выигрыш. Мы провели основательный анализ истории строительства социализма в своей стране. Причем, под углом зрения уроков – в интересах нашей современной политики. Доклад дал базу для последующей исследовательской и политической работы.

1987 год, если брать идеологическую сторону дела, был своего рода годом подготовки к 70-летию Октября. И все огромные акции этого года, такие как январский Пленум, июньский Пленум, октябрьский Пленум, так или иначе были связаны с этой датой. Она позволила и нам самим убедиться, и показать народу, партии, миру, что

социализм может идти дальше вперед, совершенствоваться, что перестройке нет альтернативы и что она набирает силу. И ее уже трудно повернуть вспять.

Если брать идейно-теоретическую сторону, то прорыв здесь состоит в том, что мы определили перестройку как этап в строительстве социализма в нашей стране. С политической же стороны наметили определенные начала для реализации этого этапа. Не в том смысле, что пущать или не пущать в перестройку, а в том, что конкретно делать конструктивного, чтобы она состоялась.

В идеологическом плане можно говорить и о том, что в сознание общества вошло понимание необходимости постепенного обновления общественных форм в соответствии с реальными потребностями людей. Тем самым был нанесен серьезный удар по догматизации мышления, насаждавшейся десятилетиями.

Мы вновь крепко взяли в руки знамя, которое на каком-то этапе оказалось приспущенным, - знамя приоритета гуманистической цели как высшей ценности социализма. В центр перестройки поставлен человек. И об этом мы сказали ответственно и четко. А из этого следует тоже очень важный для современной концепции социализма теоретический вывод: все, что работает на человека в экономике, в социальной и культурной сферах, в механизмах управления и вообще функционирования системы, - все это социалистично. Во всем этом должен присутствовать человек. Человека надо включить во все процессы ради него самого.

В этой связи со всей силой был возобновлен и остро поставлен -и теоретически, и в политике – один из ключевых вопросов ленинской идеи социализма. А именно – о сочетании личного и общественных интересов. Это – одно из глубочайших положений ленинизма. И мы его начали раскрывать.

Одновременно с этим мы продвинулись и в разработке проблем, можно сказать, в группировке, «сортировке» мыслей насчет состояния мира, нынешней стадии мирового развития, то есть сделали шаг по сравнению со Съездом в новом политическом мышлении.

Готовясь к 70-летию, мы уловили существенный момент в процессе перестройки: она вступала в трудный этап. Мы не побоялись сказать об этом. Ибо наши новые подходы требовали говорить правду: это мобилизует людей, именно правда побуждает их к действию.

Действительно, к 1987 году заканчивается митинговый этап перестройки. И мы очень четко предупредили, что если вовремя не осознаем этого, не поймем, что пора переходить на всех участках, на всех направлениях, во всех сферах работы к конкретным

делам, к реализации выработанной политики, если мы круто не повернем именно в данный момент, то начнем сдавать, начнем проигрывать.

На июньском Пленуме 1987 года правильно были поставлены вопросы, которые надвигались на нас в ходе перестройки, – жилье, продовольствие, товары народного потребления. Правильно мы связали решение этих вопросов со стимулированием социальной активности народа. Если посмотреть по-крупному на так называемое «дело Ельцина», то оно-то как раз и высветило этот момент в ходе перестройки – момент перехода от митингового этапа, бурного развертывания гласности и критики к практическим делам. Личные черты этого человека как бы воплотили в себе «детскую болезнь» амбициозности, понятной в эйфории начавшихся необычайных перемен, но ее надо было вовремя преодолеть. Если же это не удается, нет умения превратить свои амбиции в реальные дела, в будничную работу, тогда наступает кризис политического деятеля.

Мы остро ощутили, что теперь способность делать реальное дело начнет выявлять, кто есть кто, кто действительно может работать в условиях перестройки. На митингах нужны были одни качества -теперь другие, когда нужно давать жилье, продовольствие и т.д.

И вот тут-то особенно сказывалось отставание партийных организаций от хода событий, от идей, нуждавшихся в воплощении. Началась проверка жизнью способности партии быть в новых условиях политическим авангардом общества, а не организацией, подменяющей всех – и в хозяйстве, и в администрации, и в культурной работе и т.д. Пусть это кому-то не нравится, но будем подходить к оценке кадров спокойно, твердо, без шума именно с этими критериями - по способности действовать на уровне требований перестройки, а не только хорошо говорить о ней и клясться ей в верности.

Международная часть итогов 70-летия. Что она показала? И до этого было ясно – из бесед, встреч, из западной прессы, мнения международной общественности и политических кругов, - что успех нашей новой внешней политики коренится здесь – в наших внутренних делах, в успехе перестройки. Теперь это стало особенно очевидно. Мы увидели, как наша перестройка, вызвав огромный интерес ко всему, что у нас происходит, оживила теоретическую мысль повсеместно – не только среди марксистов и скорее в первую очередь не среди них, а во всех секторах общественно-политического движения. Международная встреча, которая была приурочена к этим дням, в этом смысле имела для нас огромное значение. Во-первых, подтвердилась правильность нашего подхода, что нужно проводить не собственно коммунистическую встречу, а пригласить всех, кто приехал на наш праздник.

В результате произошло событие большой важности. Был, собственно, совершен прорыв, прежде всего в том направлении, что впервые за 70 лет за одним столом и в обстановке спокойной теоретической и политической дискуссии встретились коммунисты и социал-демократы. И произошло это в Москве, по инициативе КПСС, под влиянием нашей перестройки. Это дало огромную пищу и для политических размышлений, и для теоретической работы, для понимания новых признаков в процессах, связанных с социализмом.

Надо признать также: ничего бы не получилось из встречи, если бы не наш подход к ней с позиций нового мышления, который позволил нам по-новому анализировать современные проблемы мира. Не менее важно и то, что мы воочию убедились в правильности нашей решимости не отгораживаться от кого бы то ни было на том укоренившемся за многие годы основании, что я-де коммунист и поэтому все равно всегда прав.

По результатам встречи услышали мы и разговоры о том, что, мол, кое-кто из ее участников где был, там и остался, и ничего ни из самой встречи, ни из того, что увидел и услышал у нас, не извлек. Но это тоже интересно, тоже побуждает к размышлениям.

Мы убедились, что можно, оставаясь на своих идеологических позициях, взаимодействовать. Прибавило доверия к нам и, прямо скажем, авторитета также и то, что мы опубликовали всех, кто выступил, без всяких купюр и ограничений. И хотя были кое у кого опасения на этот счет, но ничего не случилось, кроме того, что мы лишний раз продемонстрировали готовность к честному диалогу и сопоставлению взглядов, какими бы они ни были. И не боимся, чтобы их знали и наша партия, наш народ.

Характерно, что, как нам показалось, на международной встрече социал-демократы проявили бóльший интерес к перестройке, чем некоторые компартии.

В этой встрече впервые, пожалуй, возникло ощущение, что преодоление исторического раскола в рабочем движении, среди «левых» сил возможно. И отнюдь не за счет «сдачи позиций» с чьей бы то ни было стороны. А через поиск, совместное или параллельное решение общечеловеческих задач.

Что касается отношений с компартиями, то эта международная встреча и двусторонние контакты, которых было очень много, и не только на самом высоком уровне, показали, как важно, чтобы наши друзья спокойно и на основе фактов оценили то, что мы делаем. Мы увидели, что перестройка потихоньку вошла не только в лексикон, но и в саму суть теоретических и политических размышлений близких нам партий.

Мы поняли также, как вреден был какой бы то ни было нажим, малейшее проявление неравноправия, неуважительности, даже самый малый привкус

коминтерновских подходов. Это время давно ушло. Каждая партия должна во всем разобраться сама. А недоразумения надо снимать в ходе откровенного товарищеского диалога.

Один товарищ назвал дни празднования 70-летия «пятью днями, которые потрясли мир». Я его поправил: это те «десять дней потрясли мир», а эти пять дней «встряхнули мир». Действительно, они позволили представить перестройку в широком идейно-теоретическом контексте. Мы больше открылись миру. И он нас лучше увидел. И мы обогатились бóльшим знанием о нем. Произошла своеобразная «интернационализация» перестройки. Многие и мы сами в первую очередь глубже осознали всеобщее значение перестройки.

Международная встреча имела немалое значение для нашей партии и для нашей советской аудитории – в смысле воспитания в перестроечном ключе. Она позволила увидеть весь спектр взглядов на то, что началось у нас и под влиянием этого – во внешнем мире.

Одни одобряют и поддерживают наш упор на общечеловеческие ценности. А от других мы услышали и глухие намеки на то, что идеи перестройки и нового мышления притупляют классовое начало в теории и политике.

Третьи, оказалось, вообще шага не хотят сделать в своей реакции на реальности современной жизни: мол, были мы авангардом рабочего класса и будем, хотя рабочий класс давно уже где-то в другом месте. А ведь марксист может сохранить свое лицо и передовые позиции лишь тогда, когда учитывает все движения, сходящиеся к общечеловеческим целям.

Кое-кто не хочет признать, что напряженность в мире вредила и делу рабочего класса, и делу социализма. Разрядка же напряженности добавила кислорода и тому, и другому. Диалектику не воспринимают целиком.

Заволновались некоторые: не ревизионисты ли мы, не сдаем ли мы идеологических позиций.

Наше выступление на международной встрече мы должны были построить так, чтобы все коммунисты поняли: нужно обновление. И большинство присутствующих именно так нас и поняло. Большего сказать мы не могли и не должны были в этой «солянке». Да это и не нужно: мы не собираемся никому навязывать своего мнения.

Получается странная ситуация: капиталисты говорят нам, что мы слишком робко идем по своему революционному пути перестройки, не до конца последовательны. А кое-кто из коммунистов старается хватать нас за руки и за фалды.

Ссылаются на рабочий класс. Но ведь с тех пор, как он стал классом «для себя», он одновременно принял на себя и общечеловеческую миссию. Наши учителя постоянно обращали на это внимание. Просто на определенном этапе мы упустили эту связь. Ведь это же у Маркса – о единстве человеческого рода! Когда еще он это констатировал! Это же философское понятие. Мы же это единство на определенном этапе как бы перестали замечать. А теперь все это выявилось. И если глубже посмотреть на сущность мирного существования, то это по существу иное выражение понятия единства человеческого рода.

Даже Рейган теперь говорит: «Глубоко ошибаются те, кто считает, что конфликт между нашими народами и государствами неизбежен» .

Шеварднадзе. Идеи и даже конкретные установки, которые даются на политическом уровне, на уровне руководства, наталкиваются на механизм торможения при исполнении. Это относится также и к аппаратам внешней политики. Например, 5-6 месяцев прошло с тех пор, как было сказано о необходимости развязать проблему военного дисбаланса в Европе. И ничего не было сделано на переговорном уровне. Все ждут новых импульсов, новых указаний.

Горбачев (*Афанасьеву*). Борьба с бюрократизмом также и твоя главная задача. Нажимай в газете на это. Ничего нас не спасет, если мы не одержим здесь решающей победы. И нет средств против бюрократии, кроме демократизации.

Давайте заканчивать обсуждение*. Тема необъятная. Обсуждение наше показало, что мы еще сами «в сыром виде», не охватываем всего масштаба проблем, которые возникли. Но нам уже ясно, что прошли определенную веху, определенный рубеж в развитии перестройки. И это почувствовали и общество, и мы сами, и весь мир. Много пищи для размышлений.

Мы начали теоретически осваивать то, что дала перестройка, сделали тут первые шаги. И надо, во-первых, продолжать изучение всех идей и соображений, которые связаны с 70-летием. Во-вторых, и главное – договориться четко, что делать на новом этапе перестройки. Думаю, что решающим, стержневым началом является демократизация общества. И нужны правовые акты, обеспечивающие эту демократизацию, кадровое обеспечение демократизации, и экономическая база для нее, для которой, в свою очередь, демократизация - живительная сила.

Сейчас, повторяю, ключевое звено – практическая реализация задуманного и уже отформулированного за прошедший период. Мы вышли на крупные вещи и надо реализовывать их. Очень много проблем. Сильно надо двигать демократизацию работы

партии. И главное, чтобы каждый коммунист знал: надо работать. Не надо ждать, пока с тебя за что-то спросят или на что-то еще раз укажут.

Никонов. В системе АПК все наши постановления и законы душат инструкции. 15 тысяч инструкций!

Горбачев. А куда ты смотришь? Почему не отменяешь? Почему бы не принять закон – все инструкции, противоречащие, например, Закону о предприятии, не действительны. И пусть те, кто держится за инструкции, идут и доказывают, что они не противоречат закону. Пусть они доказывают. И пусть в вашу комиссию идут сами министры и тоже доказывают вам, что такие-то и такие инструкции нужно сохранить. Мне дали справку: 100 тысяч инструкций. Если мы такими темпами будем с ними разбираться, то и за пятилетку не покончим с ними.

Вот ты (*Никонову*) выступаешь и к кому-то все апеллируешь. А кто дело-то будет делать? Ведь ты же на то и поставлен. Получается, что ты все ждешь: пусть, мол, Рыжков постарается насчет инструкций или лучше Чебриков, и уж тогда я подключусь (*все смеются*). Я это говорю в том смысле, что у тебя определенный участок и делай сам – всё, что считаешь нужным.

Аграрный сектор. Удалось же китайцам за два года накормить один миллиард населения. А мы боимся. Мы же сказали: делайте, что хотите, лишь бы была продукция. Открыли возможности подряда, аренды. Так надо делать, надо людям дать возможность делать. Будем топтаться, оглядываться – ничего не будет. Дайте народу свободу – и будет продукция. Технология – для производства зерна, увеличения надоев, кормов. Остальное – свобода. И только так с долгами колхозов и совхозов разделаемся в конце концов.

Выходим в самое трудное время. И очень важно не подорвать интерес народа к перестройке. А будет продукция – и финансы вытащим. Человеку надо дать поработать и заработать. Если китайцам дать такую зоотехнику, агротехнику, как у нас, они рванули бы еще больше.

19 ноября 87 г.

На этом заседании Политбюро Лукьянов назначен зав. Общим отделом ЦК.

и оценки истории от Октября к Съезду (ХХУП).

Горбачев высказался о практике наших развернутых поздравлений соцстранам с их национальными праздниками. Это, думаю, виток старого подхода. Каждый год посылаем протокольные тексты. Да еще по случаю других политических дат. Но

---

[*] *Само обсуждение не зафиксировано* А.Ч.).

отказаться от этой практики нужно как-то поделикатнее, чтобы не было просто ради новации. Нельзя все упрощать. С другой стороны, и никто там уже на это не обращает внимания. У них даже секретариаты ЦК не обсуждают национальные даты, так… может быть, за кружкой пива поговорят.

Отложим вопрос, подумаем.

Докладывает о его переговорах Рыжкова со Штроугалом (премьером ЧССР) Рыжков. Чехословакия беременна перестройкой. Штроугал сказал, что реформу надо было начинать в 70-х годах. И если у них, мол, перестройка начнется, результаты появятся быстрее, чем в любой другой соцстране.

Горбачев. Да, культура. Она много значит.

Рыжков. Штроугал говорит мне: мол, как мы действовали - берем резолюцию вашего Съезда и берем готовые формулы. (Далее Рыжков зачитывает то, что он сказал Штроугалу). Вот, говорит мне Штроугал, пленум КПЧ предстоит. Но нельзя идти на пленум без готовой концепции перестройки, лишь с проектом реформ, да еще в условиях борьбы за власть –это рискованно. Не мыслю чехословацкое правительство без Штроугала.

Горбачев. Надо идти навстречу этому культурному государству. Наша линия: по-дружески участвовать в обсуждении всего. Но решать должны только они сами. Если встает вопрос о расстановке постов там, то пусть все продумают сами и сами решают. ...Не дай Бог пойти к ним с кашей рассуждений на тему о перестройке у них. Можно взорвать все.

Рыжков. У нас было настороженное отношение к Штроугалу.

Горбачев. Штроугал хорош как премьер, но как Генсек он вряд ли сможет объединить руководство. А раскол там идет от Биляка. И я ему намекал на это.

Рыжков. На фоне других премьеров в соцстранах Штроугал превосходит всех. Но борьба за власть поглощает все и отвлекает от дел. И национальный вопрос возник. Раньше Словакия – задворки, а теперь командует. К нам они за советом идут. Это очень важно. Но дальше указывать, кого, куда и как – нельзя. Пусть сами все решают.

Горбачев *по поводу занятости населения, о системе трудоустройства***.** Нельзя ставить вопрос так, что у нас в стране работы хватит всем. Нам нужна большая политика и по этой проблеме. Так, чтобы видно было, как действует социалистическое общество в условиях, аналогичных тем, когда на Западе осваивали НТР. Иначе мы не можем выходить к народу с этой проблемой. Речь идет о передвижке рабочей силы. И мы должны

продемонстрировать методы, отличные от капиталистических, в том числе путем создания кооперативов на предприятиях. Надо перемещать людей в сферу услуг, в подсобные хозяйства, налаживать сменность, если продукция данного предприятия нужна. А как делать - пусть думают тт. Шалаев, Гладкий, Госплан. Выпустим постановление ЦК - пусть идут на телевидение, в газетах разъясняют. Парторганам поручить вести работу. И с переменой жилья в случае увольнения - больной вопрос. Не проработав его до конца, нельзя выпускать постановление. Все-таки у нас социализм. Он накладывает отпечаток на все, в том числе и на эту проблему. Рамки социализма (теории), товарищ Медведев, мы тут не перевернем, если рабочий класс будет защищен. Надо поставить барьеры, - чтоб не было поползновений: главное вышвырнуть человека за ворота и весь вопрос. А то ведь, как нам Бирюкова рассказывает, - она молодец! Директор, мол, приглашает и расторгает договор по достижении человеком 60 лет, без всяких объяснений. Обида.

Лукьянов возражает.

Рыжков. Исполнилось 60 лет - перезаключай договор или уходи на пенсию.

Горбачев. Это процессы, через которые проходят капиталистические страны. Там ломают через колено, ни с чем не считаются, создают целые зоны застоя, вышвыривают людей, хотя, конечно, и какое-то социальное обеспечение дают.

Капиталистический мир смотрит, как мы будем решать эту проблему, уже ловят нас на некоторых фактах: мол, у них то же самое, только у нас предприниматель вышвыривает, а у них государство. Разница. Поэтому для нас этот вопрос важен и с точки зрения внутренней, и с точки зрения внешней политики. Возник он из потребности, но впервые вошел в большую политику. Короче говоря, нам нужна платформа социалистического решения проблемы трудоустройства в условиях НТР, то есть при сохранении принципа гарантии права на труд. Конституционные права – важнейшие. И с этим мы можем выходить на любую дискуссию о правах человека.

Вот вам и «права человека», те, которые они, на Западе, не хотят обсуждать с нами.

…Мы вступили в новый этап экономической перестройки. Но не должны забывать, что он в условиях демократизации будет происходить. Экономическая реформа + демократия = вот наш девиз. А мы уже имеем 70 тысяч безработных только по Москве. Они пойдут на Арбат…*

…Меня беспокоит проблема жилья для тех, кто в 55-60 лет уходит на пенсию. Ссылаться на то, что, мол, пусть решает коллектив - с учетом стажа и т.д. - это уход от ответственности. Иначе получается: к исходу жизни человек не может освоить новую

профессию, а с жильем у него неясно… Мы не можем ставить людей в такое положение в момент, когда они отходят от активной жизни. Мы должны найти с жильем такую формулу, которая искусственно не сдерживала бы увольнение ненужных людей, но которая не вызывала бы обид, не сталкивала бы рабочих с администрацией. Нужно найти «диалектическую середину».

Я не отвергаю того, что говорит Николай Иванович. Но хочу расширить вопрос, чтоб процесс не остановился, но чтоб с людьми обращались по-человечески, по-социалистически.

Что касается высшего образования, о чем говорил Рыжков, то он прав. Надо сокращать набор в ВУЗы. У нас переизбыток набора. В Узбекистане 1 млн. молодых парней не работает. Вот вам и резерв для так называемых неформальных организаций.

Словом, нам нужно политическое решение. Мы выходим на новый этап перестройки.

И - пропустить надо наш проект через 100-200 предприятий. Чтоб обсудили коллективы. В порядке эксперимента.

Горбачев... (*по ходу обсуждения о мерах по восстановлению чайных плантаций*). Давайте не будем сами себе вешать лапшу на уши. В «чайных» странах берут только 3-4 верхних листка с ветки, а у нас - 7-8. И качество соответственное!

(*По вопросу об охране здоровья населения обсуждение выявляет жуткое состояние дел в этой области. Принимается решение: проект еще раз доработать. - А.Ч.)*

Шеварднадзе об итогах 11-го раунда советско-китайских политических консультаций. Почему нам не затеять с Китаем контакты по военной линии?.. Надо поднять уровень обмена посланиями - на высший. Хорошо бы, если после визита в Вашингтон Михаил Сергеевич направил такое послание.

Чебриков. В переговорах о границе ничего не меняется.

Горбачев. Китайцы, по-моему, будут сохранять этот вопрос навсегда.

Громыко выступает против сокращения войск вдоль границы.

Горбачев. Ничего, пусть вопрос остается - для размышлений и проработки.

Горбачев *(О качестве наших решений на втором этапе перестройки).* Раньше считалось: чем сильнее государство нажимает на низы, тем лучше. Мол, это государственная социалистическая линия. А на самом деле не считались с низами, с

---

* *Тогда единственная пешеходная улица с толпами всякого народу.*

регионами, с их интересами, и вообще личным интересом пренебрегали. И это вредило не только личным интересам, но и государственным, портило конечный продукт всей нашей деятельности.

Сейчас мы вроде поумнели. Согласились с необходимостью диалектически сочетать общегосударственные и личные интересы. Сколько раз я говорил Гостеву: не задуши ты налогами! А ведь до сих пор чувствуется стремление обескровить предприятие или регион, наказать, чтобы те сами вернулись к старым порядкам.

Гостев. Нет! Нет этого.

Горбачев. А ведь как получается – куда, например, идут средства от надбавки к розничным ценам? Есть инструкция Минфина и 30 процентов надбавки на новомодные товары теряются. То же самое и со средствами от налога на прибыль, на новые модные товары. Вот так ведомства защищают интересы государства!

Что же это происходит? Где ВЦСПС, где Комитет по труду и социальным вопросам? И вообще, что это за безобразие, когда Экономический отдел ЦК ничего об этом не знает. А нам подсовывают, чтобы мы на Политбюро расхлебывали эту ситуацию.

(*Павлову, зав. Юридическим отделом ЦК*, *Ситаряну, зам. премьера Совмина СССР*). Испортил вас навсегда фискальный подход. 1200 постановлений вы издали, на основе которых можно штрафовать предприятие. Вот плоды административно-командной системы.

Вот сидит Борисов (зам. министра финансов) в своем кабинете и говорит собеседнику: вся эта перестройка - чепуха, авантюра, пройдут два года и все провалится. Говорит это представителю Министерства легкой промышленности. Можете себе представить, с каким лицом тот уходит из Министерства финансов. Нет! Высокооплачиваемая болтовня нам не нужна. Мы всю страну подняли, задергали народ, такое дело начали. И вот такие факты! Такое отношение у нас под боком.

Можину (зав. Экономическим отделом ЦК): Вы знаете об этом?

Можин. Нет!

Горбачев. Тогда зачем вы сидите на этом месте? Разберитесь с Борисовым.

17 декабря 87 г.

Горбачев *об итогах визита в Вашингтон.* Это уже не Женева и не Рейкьявик - при всей их важности и при всем понимании, что, не будь их, не было бы и Вашингтона. Еще более весомое доказательство, что курс, который мы взяли, реализуется. Еще раз

убедились, что самая правильная линия – это линия принципиальная и конструктивная. И самый главный урок, который мы извлекли из этого визита, – это урок для будущего.

В Вашингтоне уже в меньшей степени проявилась манера, которая свойственна была Рейгану вначале, – обвинять нас, предъявлять претензии, валить на нас беды современного мира, а себя выставлять хорошими, правильными, словом – в роли либо прокурора, либо учителя. Но уже в первом разговоре, хотя и был момент известной остроты, по этому поводу договорились. Я ему сказал: «Вы не прокурор, и я не обвиняемый. Вы не учитель, я не ученик. И наоборот тоже. Иначе ничего не получится».

Это был важный момент вообще в налаживании взаимопонимания с американским руководством. Пожалуй, ключевой момент, чтобы найти общий язык: на равных и по-деловому, оставляя идеологию каждый при себе. Конечно, и на этот раз у нас было, что сказать в ответ на очередные и уже набившие оскомину претензии по правам человека. Но мы не поддались на этот соблазн. И когда переговоры вышли на уровень конкретных обсуждений конкретных проблем, сказалась правильность такого подхода: реализм без всякой эйфории, без иллюзий, готовность к разумным компромиссам, обоюдная конструктивность.

Центральный момент визита – Договор о РСМД. У нас было полное понимание – и с этим мы ехали, имея полную поддержку Политбюро, – что от того, как пойдет этот вопрос, зависит все остальное, весь процесс развития советско-американских отношений и нормализации международной ситуации в целом.

Поэтому очень важно было не спасовать перед военно-техническими трудностями. Они были немалые. И преодоление их обязано было в немалой степени нашей твердой политической решимости - перейти этот барьер, выйти на Договор. А что касается развязки действительно очень сложных военно-технических узлов, то наши товарищи оказались на высоте, в том числе и в первую очередь я хотел бы отметить умелые действия маршала Ахромеева и зам. министра иностранных дел Бессмертных.

После опыта предшествующих двух лет, когда мы начали действовать в духе нового мышления, было очевидно, что нужны уже практические результаты, нужна проверка на деле идей, которые мы провозгласили и которые хотели внести в международную практику. Мир ждал этого, мир этого требовал. От этого зависело доверие к нашей новой внешней политике. Мы хотели и стремились поставить ее на испытание жизнью. И решающим пунктом здесь была как раз проблема Договора о РСМД.

Это было испытание для нас. Но это было испытание и для наших партнеров, для американцев, испытание на серьезность подходов к ключевой проблеме современного

мира. Это была практическая проверка и их заявлений на самом высоком уровне о том, что ядерная война недопустима, что США тоже стремятся к разоружению, что они хотят нормальных международных отношений.

Продвижение на этом направлении открывало дорогу и на других направлениях разоруженческой проблематики – по ядерному, химическому, обычному оружию. Оно создавало фон для таких же деловых подходов к региональным проблемам и к двусторонним отношениям.

Встреча в Вашингтоне была важной проверкой и другой основополагающей идеи нового мышления, а именно – что его успех и его эффективность зависят от того, как идут у нас дела дома, как идет перестройка.

Дело ведь не только в том, что объективно увязаны эти два процесса и не только в том, что мы искренне, без всяких задних мыслей, связали одно с другим в своей концепции, в своей политике, в разработке своей теории. Дело также в том, чтобы и мир почувствовал и понял эту связь. И хотя это, казалось бы, моральная сторона дела, но она имела и огромное практическое значение.

И вот в Вашингтоне мы впервые воочию увидели, какой существует огромный интерес ко всему тому, что происходит у нас, к нашей перестройке. И та доброжелательность, в какой-то степени даже энтузиазм, с какими встретил нас чопорный Вашингтон, явились показателем изменений, которые уже начали происходить на Западе и которые свидетельствуют о начале размывания «образа врага», о подрыве мифа о «советской военной угрозе». Это было знаменательно для нас. И это было замечено во всем мире.

Визит – официальная акция. Мы ехали туда на переговоры с президентом, с представителями его администрации. Но это были и встречи с Америкой, самой разной Америкой – с молодежью, интеллектуалами, деятелями культуры, прессой, деловыми кругами и даже с чиновной элитой Америки, с теми, кто обслуживает Администрацию.

И это тоже очень важная часть визита – момент подлинного узнавания друг другом разных по существу миров – в русле общей логики, диктуемой растущей целостностью и взаимозависимостью мира.

С нами хотели встретиться очень крупные фигуры современной Америки. В прессе замелькали даже предупреждения – Горбачев, мол, приехал не только вести переговоры с президентом. Он приехал оказать влияние на всю Америку, включая тех, кто в конечном счете определяет ее экономику и ее политику.

Мы обратили в связи с этим внимание на то, что наши партнеры не захотели давать ничего конкретного в прессу о том, как идут переговоры с президентом один на

один и в делегациях. Мы же готовы были пойти на это. Так что по части гласности мы оказались в очевидном выигрыше. Тем самым мы подтверждали искренность, честность нашей позиции и тот факт, что мы приехали, чтобы действительно делать дело, большую политику, а не играть в прежние игры.

В контактах с разнообразной Америкой мы увидели, что дошла наша перестройка даже до такого общества, как американское, доведенное антисоветизмом до предела. Людей не смущало, что мы в чем-то отстаем, что у нас трудно, например, с экономикой. Их интересовал сам факт, что наше общество двинулось вперед, что оно обнаруживает динамику, вдохновлено идеей меняться на демократических основах. И, собственно, это-то больше всего всех и интересовало повсюду в наших контактах с людьми.

В Вашингтоне мы, может быть, впервые с такой очевидностью ощутили, что такое человеческий фактор также и в международной политике. До этого мы удовлетворялись довольно банальной формулой: мол, во внешней политике важны личные контакты между руководителями государств, главами правительств и вообще обмены на уровне тех, кто делает политику.

Это само собой. Но за этим все-таки разумели, что речь идет пусть даже и о личных, но контактах между представителями классово-противоположных и непримиримых систем, и только «представителями». Рейган представал перед нами лишь как выразитель самой консервативной части американского капитализма и хозяев военно-промышленного комплекса. Но оказалось, что при всем при этом имеет значение и то, что политики, в том числе и руководящие деятели государств, если они действительно ответственные люди, олицетворяют также и чисто человеческие качества, интересы и надежды самых простых людей. Тех, в частности, которые голосуют за них на выборах и которые связывают с их именем и с их личными возможностями и особенностями и достоинство страны, и патриотизм. И при этом могут руководствоваться самыми нормальными человеческими побуждениями и чувствами. Все это в наш век, оказывается, имеет огромное значение для принятия тех или иных политических решений.

Мы были готовы к тому – и сами к этому стремились, – чтобы воспринять и эту сторону контактов с американским руководством, как, впрочем, и с руководством других стран, то есть включить в буквальном смысле слова чисто человеческий фактор в большую международную политику. Это тоже немаловажная деталь нового мышления. И она тоже дала свои результаты. В Вашингтоне мы это почувствовали, пожалуй, впервые столь отчетливо.

У визита в Вашингтон была и еще одна сторона – европейская. Безусловно, все ожидали результатов. Безусловно, все серьезные политики понимали, что от того, как

будут развиваться советско-американские отношения, зависит все дальнейшее движение мировых событий.

Но при этом был и другой слой рассуждений – блоковый и национально-эгоистический, на который накладывались и укоренившиеся представления о биполярном мире, о том, что решающая роль принадлежит сверхдержавам и что они могут делать по своей воле много за спинами других государств, вопреки их интересам, в ущерб их международной политике. Это особенно сильно проявилось, как вы помните, в связи с Рейкьявиком. Такая настороженность сказывалась в международной атмосфере и во время нашего визита в Вашингтон.

Однако мы были уверены в том, что сама логика реального разоружения развеет эти страхи и все эти подозрения. А что касается Европы, то – тем более, поскольку речь шла ведь, в первую очередь, об европейском ядерном оружии.

И еще, что я хотел донести до американцев, - что мы не отступим с пути демократизации. Но, конечно, надо строго следить за ее социалистическим характером. Эту сторону дела наш народ будет защищать. Иногда даже в этой защите консерватизмом попахивает: мол, скромнее живем, но надежнее. Народ это ценит.

При этом, однако, должен сказать, что кое-кто боится у нас демократии. А боязнь эта связана с тем, что кадры не хотят перестраивать свою работу. Вот история: в Ярославле рабочие одного завода – 27 тысяч человек – выступили против произвольного решения дирекции. А товарищи и в администрации, и в парткоме, вместо того, чтобы идти к рабочему, убеждать и доказывать, звонят в органы: будьте наготове, может быть бунт. Вот так у нас и получается, вместо того, чтобы с людьми говорить. А ведь, когда поговорили, все уладилось, и аргументы были поняты, и с решением дирекции, наконец, согласились. Привыкли у нас – чуть что «пожарных» вызывать!

Мы пригласили народ включиться в управление государством, зовем его к активным действиям, к налаживанию самоуправления, а начальство не пущает. Вот вам и демократия! Вообще у нас получается такая раскладка: одни обновленцы, ярые перестройщики рвутся, пытаются что-то делать, ошибаются, набивают себе шишки. А другие, которые «всегда правы», сидят и ждут, когда эти шею себе сломают. Нам в Политбюро надо видеть все это.

Партия просыпается к новой работе. Но происходит это медленно. Мы видим и такое явление, когда инженеры, специалисты смыкаются с аппаратом министерств и выстраивают стенку против требований рабочего класса, против его стремления к новому.

Товарищи, происходит настоящая революция! И не надо бояться революционной одержимости. Иначе мы ничего не достигнем. Будут поражения, будут отступления, но победу мы одержим только на революционных путях. А мы все еще никак себя не настроили на революционные методы работы. Мы с вами те еще революционеры! Все чего-то боимся.

Мы не должны бояться. И перед всем миром нам пристало выглядеть людьми, которые готовы пойти до конца в своей революционной перестройке.

Одни говорят о конвергенции (Гэлбрейт, например), другие говорят о непредсказуемости Горбачева. Пишут о его сюрпризах. «Вашингтон пост» опубликовала статью под названием «Два Горбачева». Ну что ж, им трудно пока соединить в одно наше стремление к миру, сотрудничеству, добрососедству и социалистический характер нашей перестройки. Мы сами эту диалектику еще не освоили как следует.

Так что не надо удивляться, что там тоже не могут свести концы с концами и все ищут какой-то подвох со стороны Горбачева, какой-то поворот Кремля, который, оказывается, и перестройку задумал, чтобы обмануть Запад, усыпить бдительность.

(*Горбачев зачитывает цитату из «Вашингтон пост». В статье приводятся слова одной из собеседниц Горбачева о нем*: «Он как посмотрел на меня, так я вся сжалась»).

Мы не можем не меняться. Но меняться в рамках социалистических ценностей. В этом – смысл нашего девиза: больше демократии, больше социализма. Но на каждый случай не накланяешься: все-таки 280 миллионов.

Где-то кто-то что-то сказал и уже загудели – караул! Вот «Память». Там верховодит сомнительная публика, тонкий слой с монархическим уклоном, не говоря уже обо всем остальном. Но масса-то включилась в движение по соображениям вполне нормальным. Хотят сохранить памятники старины. Это же надо различать. Надо же уметь работать. Или в Белоруссии, на Украине... Писатели выступили за сохранение собственного языка, за его развитие. Что тут плохого? Это же наше богатство, наша сила: в разнообразии, в том числе и в многообразии языков. Да мало ли разных проблем подобного рода.

А чиновничество – народ такой... Для чего им революция? Он - в номенклатуре. Это как все равно в прежние времена: поместье дали, и уже никто не отберет. А народ смотрит на все это. И для него это как прежде: одного барина убрали, другого поставили… Обо всем этом надо думать. И прикидывать на нашу главную линию. Мы же социализм обновляем. Мы же хотим ему новое качество придать.

И не пугаться по поводу всяких нелепостей, которые, естественно, выскакивают теперь при нашей-то гласности, не кричать по каждому такому поводу: конец, мол, перестройке.

С 1 января переходим на хозрасчет. Надо идти смелее. Но не ломать через колено. Не так, чтобы рабочий на улицу вышел. Тогда худо. Но, с другой стороны, и не так, чтобы делать, ничего не меняя, уповая на привычное сознание: куда, мол, оно, начальство, денется: все равно зарплату выплатит.

Я не встречал ни одного директора завода, который считает, что ему в будущем году будет лучше, чем в этом.

Если мы остановимся в реформе, то придется брать из сберкасс деньги, чтобы зарплату людям платить. И Центру надо мозги поворачивать, и на местах. На то и революция. Иначе – чепуха. Иначе так, как уже 40 лет идем...

Очень важно, что в этом нашем разговоре по итогам Вашингтона мы, каждый из нас то и дело соскальзываем на проблемы нашей перестройки. Очень хорошо. Здесь сказывается объективная связь между внешней и внутренней политикой. А без понимания такой связи ничего у нас не получится.

Перестройка начинает прививаться и в Москве, и на Украине, начинает действовать на всех. И пора кончать с иждивенчеством и Центра, и мест. В этом кивании друг на друга и тот, и другой может быть и прав и неправ. И не должно у нас быть такого отношения, чтобы сначала одно звено включилось, потом другое. Надо налегать на перестройку во всех звеньях.

Новый этап перестройки требует огромного мужества и величайшей деловитости. Если бы не было революционного масштаба, может быть, и поколебаться было бы простительно. Но при том, чтó и как мы задумали, ничего не выйдет, если не будет последовательности и твердости в осуществлении задуманного.

Предстоящий год – год партконференции. Нам надо сформировать концепцию конференции. Все обсудим в январе. Прошу всех поразмышлять.

Перестройка – это демократизация и общества, и партии. На конференции придется просмотреть все звенья нашей политической системы. Причем с учетом того, что уже полгода будем работать в условиях хозрасчета.

Все институты демократии должны быть поставлены на рассмотрение и главное – партия... Чтобы сделать ее действительно политическим авангардом, освободить ее от не свойственных ей функций.

Вот вчера в Оргпартотделе совещание было. Интересные выступления. Товарищи говорят: два аппарата правят страной, полный параллелизм и даже конкуренция. А в конечном счете все подбирает под себя секретарь обкома.

Вот ведь как: мы тут принимаем одно решение за другим, а ничего не меняется. Потому что партия держит у себя все: от встречи с Рейганом до хомутов и картошки. А это очень плохо сказалось в прошлом и продолжает сказываться не только на хозяйстве, но и на идеологии, на духовной сфере.

Везде нам предстоит возродить ленинскую концепцию партии в новых условиях. Роль партии усложняется: теорию разрабатывать, политику формулировать, обеспечивать идеологию перестройки, иметь кадровую политику, перестроечную национальную политику. Огромная масса дел!

Очень важный этап: переход от одного состояния в другое. Мы уже почувствовали: там, где партия начинает отходить от хозяйственно-административных дел, ослабляется все остальное. Потому что привыкли, потому что не умеют и не хотят отвечать за свое дело. Это мы почувствовали везде. Многое, впрочем, идет от того, что мы сами еще не осмыслили этого перехода. Необычайно сложный этап предстоит. И вместе с тем весь социализм, весь образ жизни надо осмыслить по-новому. Если мы не осмыслим роль партии, все будет трещать.

Партия нового этапа на новом этапе. Вот почему очень серьезно надо подготовиться к конференции и основательно посоветоваться с Лениным.

…Об анонимках. Надо кончать с этим. В условиях гласности это бессмысленно и нелепо. В ЦК из всех писем, которые поступили, 6% – анонимные, но подтверждение нашли только 2%.

Кое-кто высказал сомнение. Но Горбачев ядовито осмеял эти сомнения.

Впервые по письмам трудящихся на Политбюро был поставлен вопрос о ликвидации имени Брежнева на объектах.

* * *

1987 год – пик перестройки. Если прибегнуть к кантовскому понятию «феноменальный мир» или шопенгауровскому – «мир как представление», то можно признать, что в этом смысле она шла на подъем. Гласность мощно заявила о себе уже как «свобода слова», все больше отрывалась от понимания ее как идеологического инструмента КПСС. Она создавала совершенно новую атмосферу в обществе, все больше откликаясь на столько лет подавлявшуюся потребность его в правде и честности на линии «власть – народ».

Но под спудом, в «вещах самих по себе» (если опять по Канту) шли процессы, плохо осознаваемые «перестроечным разумом» и все меньше поддающиеся его воздействию.

Горбачев, отодвигая по сути (не по форме) марксистско–ленинские догмы, демонстрировал выдающиеся аналитические и познавательные способности, все откровеннее указывал на то, куда нас завел «реальный социализм». В этом «томе» приведены его глубокие, блестящие по ораторскому мастерству и совершенно искренние выступления. Правда, он еще был полон оптимизма в отношении начатых реформ и всячески стремился внедрить его в «сознание партии и масс». Однако впервые в этом году стали проклевываться у него сомнения в успехе. Их он доверял лишь самым близким в своем окружении. Не было уверенности, туда ли «влечет нас неведомая сила».

Посвященный кадровой политике знаменитый январский Пленум ЦК, на котором впервые после Ленина было сказано о виновности самой партии и ее ЦК за произошедшее в стране, за ее кризисное состояние не дал нужных перестройке результатов. А Горбачев связывал с ним очень большие надежды. Партия и впредь не обнаружила ни желания, ни способности выполнять роль авангарда преобразований. (Много позже Горбачев признал, что она, по самой своей природе, не годилась для этого). Он придумал выход: через Всесоюзную партийную конференцию лишить КПСС властных государственных функций и возродить полновластие Советов, ликвидированное Сталиным в 20–х годах. (Оно все–таки существовало после Революции, хотя и контролируемых партией рамках).

По той же причине – отсутствие «субъекта» преобразований, преданных перестройке и умелых кадров – не удалась впоследствии и попытка искоренить последствия насильственной сталинской коллективизации, вернуть деревне роль кормилицы страны.

1987 год дал очевидные доказательства сопротивления перестройке. Это было пока еще «сопротивление материала», а не политико–идеологическая оппозиция:

признаки разочарования в народе («мы ничего не получали, перестройка видна только в Центре» и т.п.), а значит и нарастание апатии, главное же – пассивность, бездарность, сталинистская зачумленность, непрофессионализм и нежелание работать по–новому тех, кто должен был, по замыслу Горбачева, проявить себя как «прорабы перестройки» на деле.

Когорта ее «отцов–основателей» постепенно рассыпается. Они более–менее еще сходились в описании «текущего момента», но в готовности говорить правду народу, в оценке существующего строя, который они хотели «улучшать», а также по конкретным мерам «что делать», все заметнее расходились. Их дискуссии все чаще обнаруживали принципиальные разногласия. В составе высшего руководства рядом с Горбачевым по–настоящему остаются лишь Яковлев, Шеварднадзе и Рыжков (позже к ним прибавился Медведева).

Горбачев пытается «упорядочить» хаотически начавшийся пересмотр советской истории. Воспользовался для этого 70–летием Октябрьской революции. Но «взвешенная критика» отдельных моментов прошлого в его юбилейном докладе и, в особенности» реабилитация Бухарина обернулись мощным импульсом стремительного нарастания этого процесса, в котором очень скоро возник и вопрос – был ли у нас вообще социализм и нужен ли он нам (даже и «с человеческим лицом»)?

В то же время 1987 год отмечен прорывом во внешний мир. Международная известность и слава Горбачева стремительно нарастает. На Западе начинают постепенно убеждаться, что «феномен Горбачева» в СССР – это не обманный маневр Кремля, что перестройка – это всерьез. Возникает новый, мощный фактор международной политики – **доверие,** который потом и позволит покончить с холодной войной. Заключение первого Договора о сокращении ядерных вооружений закрепляет тенденцию к прекращению конфронтации.

В этом контексте естествен и окончательный отказ от коминтерновского наследия в коммунистическом движении.

Огромную роль в формировании нового имиджа Горбачева и Советского Союза сыграла его книга «Перестройка и новое мышление для нас и для всего мира», ставшая мировым бестселлером.

С 87–го года начинается расхождение векторов внешней и внутренней политики Горбачева – не в смысле утраты ими взаимозависимости (тут как раз – наоборот), а в смысле достижения поставленных целей. Образовался и стал нарастать разрыв авторитета Горбачева вовне и внутри.

Наконец, 1987 год войдет в историю тем, что в небе перестройки появился опасный, своевременно «не опознанный объект» – Ельцин.

Шумная, крутая, пронизанная демагогией деятельность его в Москве не убедила Политбюро в том, что он уже созрел для перевода из кандидатов в члены этого ареопага. Обиженный Ельцин выступает с критикой проекта доклада Горбачева к 70–летию Октября, бесцеремонно ставит под сомнение все сделанное за три года перестройки. (Кстати, никто не вспоминает сталинистский оттенок в той его критике).

Горбачеву не понравился этот нигилизм. Он вообще считал вредным такой критиканский подход, особенно, «в начале пути». Да и не привыкли еще к посягательствам на непререкаемость Генерального секретаря. К тому же всем было ясно, что Ельциным начинают крутить люди из окружения: сам он не способен столь четко сформулировать свои возражения. Видно было также, что действует Ельцин не по убеждению, а с прицелом взлететь вверх, если перестройке удастся разломать традиционные формы и функционирование власти.

И Михаил Сергеевич позволил себе поступиться провозглашенным им самим принципом «плюрализма мнений». Преподал Ельцину (пока еще деликатный) урок, который был «усвоен» совсем не так, как предполагалось. Спустя две недели, на Пленуме ЦК, посвященном обсуждению проекта доклада Горбачева к 70–ой годовщине Октября, Ельцин в открытую решил шантажировать руководство, подвергнув резкой критике Секретариат ЦК и пригрозив отставкой. Результат известен. Ельцин был сброшен на обочину политики, но не «прихлопнут», и этим вскоре воспользовалась уже вполне реальная оппозиция к Горбачеву.

В казусе с Ельциным, который обернулся потом столь злополучными для страны последствиями, много случайного. Но что–то существенное в нем закономерно. Столкнулись две тенденции: одна – инерционная от прошлого, другая – обязанная перестройке. Одна – «святое» для ленинской партии – неприкасаемость монолитного ее единства и абсолютный авторитет ее высшего руководства. Другая – потребность в реальной демократизации партийной жизни и «правил игры» в ней.

Формально первая победила. «Еретик» уже не мог быть сожжен до пепла, как это неминуемо произошло бы при тоталитарном строе. Демократические ветры уже дули. Но демократия, которая потом выросла из оставленного корешка, оказалась такой, что большинство населения до сих пор с тоской вспоминает о тоталитарных временах.

Как бы там ни было, говоря о месте 1987 года в истории страны, придется констатировать: год 70–летия Революции не накопил того потенциала развития перестройки, на какой рассчитывали, готовясь к юбилею.

k